М. П. ЧЕЧНЕВА

„Ласточки" над фронтом

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга очерков Героя Советского Союза, командира эскадрильи 46-го гвардейского Таманского авиаполка посвящена женщинам-летчицам этой прославленной части, двадцать три из которых удостоены высшего звания — Героя Советского Союза. Автор рассказывает также о женщинах-техниках и вооруженцах, об их героическом служении Родине в годы великой Отечественной войны, послевоенной учебе, работе и жизни.

- Марина Павловна Чечнева
  -
  - Предисловие
  - Любимая героиня
  - Товарищ парторг
  - Женский характер
  - Беспокойное сердце
  - Мой друг Таня
  - «Дело наше ответственное»
  - Вся страна — под крылом
  - Павлик
  - Девятнадцатый вылет
  - Мужество
  - «Мы просто сражались за Родину»
  - Такие трудные и долгие экзамены…
  - Четыре полета
  - Когда мы были молоды
  - Вижу цель!
  - Слово о нашей Кате
  - «Всех наших помню и люблю…»
  - Фронтовая закалка
  - Крутыми дорогами войны
  - Галка, Галочка, Галина…
  - Штурман и педагог
  - Встреча с юностью
  - Хозяйка неба

Марина Павловна Чечнева «Ласточки» над фронтом

Герой Советского Союза Марина Павловна Чечнева.

Герой Советского Союза Марна Павловна Чечнева

М. П. ЧЕЧНЕВА

"Ласточки" над фронтом

ОЧЕРКИ

Предисловие

Героини этой книги во многом не похожи друг на друга — у них разные профессии, разные характеры и судьбы. Но все они в годы Великой Отечественной войны были едины в своей любви и преданности Родине, в своей готовности отдать для ее защиты все силы, а если понадобится — жизнь. В книге представлены документальные рассказы о женщинах-воинах 46-го гвардейского ночного легкобомбардировочного авиаполка, прошедшего в годы войны славный боевой путь от седых гор Кавказа до фашистской Германии. 23 672 раза поднимались в небо войны экипажи полка, они сбросили на врага почти три миллиона килограммов бомб!

В 46-м гвардейском не было мужчин, все его воины — от летчиков и штурманов до техников и вооруженцев — были женщины. В большинстве своем молоденькие девушки, почти девчонки. Вчерашние студентки, воспитанницы аэроклубов, работницы фабрик и заводов. Юные, хрупкие, казалось — совсем не подготовленные для тяжкого ратного труда, они по зову сердца встали в солдатский строй в трудную для Родины годину и с честью прошли нелегкой военной дорогой до великого Дня Победы. К концу войны почти все они стали коммунистами, все награждены орденами и медалями, а 23 удостоились высокого звания Героя Советского Союза.

За отличное выполнение боевых заданий, за мужество и героизм личного состава полк был награжден орденами Красного Знамени и Суворова III степени, а за участие в освобождении Таманского полуострова ему присвоено почетное наименование «Таманский»…

В 1943 году на Кубани нам довелось воевать, что называется, крылом к крылу. Наши полки базировались рядом, летали мы почти по одним и тем же маршрутам — только мы днем, а девушки ночью. Я и мои боевые друзья поражались мужеству и беззаветной отваге девушек — летчиц и штурманов, самоотверженному труду, выносливости, бесконечному терпению их подруг, обеспечивающих боевую работу на земле. 46-й авиаполк летал на По-2. Сами девушки нежно называли свои машины «ласточками», но у них было и другое, менее почетное, но широко известное название — «небесный тихоход». Фанерный самолетик с маленькой скоростью. Каждый вылет на По-2 был сопряжен с опасностями. Но ни зенитный огонь, встречавший «ласточек» в пути, ни вражеские истребители не могли остановить их непреклонный полет к цели.

Имя автора этой книги — Героя Советского Союза Марины

Павловны Чечневой, летчицы, командира эскадрильи 46-го авиаполка — хорошо известно читателям. Как и ее боевые подруги, Марина пришла в авиацию по путевке комсомола, с небом была связана многие годы жизни. Она навсегда сохранила верность фронтовой дружбе, светлую память о тех, кто не вернулся из боя. Потому и в своих книгах она стремится рассказать о судьбах девушек-воинов, силе их духа и нежности, самоотверженной преданности Родине.

С искренностью настоящего друга пишет М. Чечнева о своих однополчанках — летчицах и техниках, штурманах и вооруженцах, об их героическом служении Родине в годину испытаний и послевоенной жизни. Каждая из скромных героинь книги может служить молодежи высоким примером для подражания.

А. Покрышкин, маршал авиации, трижды Герой Советского Союза

Любимая героиня

Мы сидели с подругой на подоконнике, и я откровенно делилась с нею сокровенными мыслями.

— Вот окончила пилотское отделение, а что толку? На Хасан не попала. К Халхин-Голу не успела…

— Ты что же думаешь, — с иронией ответила подруга, — что в тридцать девятом все боевые дела закончились?..

— Не думаю, но обидно… Другие воюют, совершают перелеты… А ты учись, учись и учись… И нет этому конца.

— Конец будет. Нужно только быть настойчивой и целеустремленной.

— Знаешь, когда я в тридцать восьмом поступала в аэроклуб, то обратила внимание — сколько заявлений от девчат!

— Чего же удивительного? После перелетов Гризодубовой и Расковой почти каждая девушка мечтает о небе!

— Интересно, что сейчас Раскова делает.

— Готовится к новым перелетам.

— Знаешь, что я тебе расскажу?.. Это очень серьезно. Хочу стать летчиком-истребителем! И буду просить Марину Михайловну помочь мне.

— Ты с ума сошла! Во-первых, она наверняка занята подготовкой к рекордному полету. Во-вторых, женщин в военные школы все равно не принимают!

— Раньше не принимали. А в жизни все меняется. Раньше женщины и героических перелетов не совершали, как, скажем, та же Раскова.

— Ну, Раскова — это особое дело. Она необыкновенная женщина.

— И все же я рискну…

«Нужно только решиться, — говорила я себе несколько дней кряду, поглядывая на телефонный аппарат. — А, была не была!..»

Я набрала номер.

— Марина Михайловна! Вас беспокоит Марина Чечнева, ученица аэроклуба… Я бы хотела… вас видеть…

— Пожалуйста, заходите, — ответили в телефонной трубке.

— Ой, большое вам спасибо! — Я, наверное, почти закричала, потому что в трубке послышался смех.

Голос Расковой вдруг сделался мягче, стал менее официальным. Она дала свой адрес и объяснила, как быстрее к ней проехать.

Марина Михайловна жила на улице Горького, недалеко от Кремля, там, где ныне находится магазин «Подарки». Тогда по

Охотному ряду еще ходили трамваи.

Был декабрь, стоял сильный мороз, но я не чувствовала ничего. Да и вообще я мало что тогда замечала. Мелькали в радужном сиянии огней улицы, слышались перезвон трамваев, гудки автомашин, скрипел под ногами снег, не спеша шли по тротуарам прохожие. А у меня в ушах все еще слышался голос Расковой и перед глазами стояло знакомое по портретам и кино, обаятельное, улыбающееся лицо Марины Михайловны.

Не дождавшись остановки, я спрыгнула с трамвая. Раздался свисток милиционера. Ни слова не говоря, заплатила штраф и опрометью помчалась к заветному дому. Милиционер только руками развел, но задерживать не стал, хотя я вновь нарушила правило — перебежала мостовую в неположенном месте.

Раскова встретила просто, радушно. Выслушала мою торопливую, не очень-то складную речь. И только иногда ее губы чуть-чуть подрагивали в улыбке. Конечно, никаких серьезных доводов в пользу своего решения я не привела, но, должно быть, Расковой все же показался искренним мой рассказ.

— Марина Михайловна! — горячо закончила я свою исповедь. — Ну помогите мне стать истребителем! Клянусь, я не подведу вас!..

Она помолчала немного.

— Выслушайте меня и не огорчайтесь. Чувство скорости знакомо каждому летчику, перед ним трудно устоять. Человек всегда стремится к большему. И это хорошо. Кто боится трудных дорог, остановился, тот рано или поздно становится балластом… Но, к сожалению, помочь я вам ничем не могу. Правила приема в военные училища никто изменить не может. К тому же вы глубоко заблуждаетесь, считая, что добиться больших успехов сможете только в военной авиации. Ведь вы хотите летать не только быстро, но и хорошо?

— Конечно!

— А научиться хорошо летать можно и в аэроклубе. Да и вообще, я думаю, что сейчас ваше место в Осоавиахиме.

Марина Михайловна опять помолчала и добавила:

— Сейчас очень напряженная обстановка. Фашисты наглеют с каждым днем. Нам нужно укреплять оборону. Авиации требуется много летных кадров. Вот вы и учитесь на летчика-инструктора. Старайтесь как можно лучше готовить курсантов для военных училищ. Пока вы Осоавиахиму нужнее, чем армии.

Что я могла возразить?! Конечно, Раскова была права. Но мне от этого не было легче.

— Ну-ну, выше голову, истребитель! На прощание скажу вам: кто очень хочет чего-нибудь, тот обязательно этого добьется!

Желаю вам успеха, Марина!..

Она крепко пожала мою руку, проводила до прихожей. Я ушла. Но на всю жизнь осталась память от этой встречи, осталась любовь к этой необыкновенно обаятельной женщине с немножко грустными и задумчивыми, проницательными, умными глазами. Шел 1939 год…

Это был счастливый год, потому что я была молода, потому что уже познала небо, потому что рядом со мной на свете жил такой человек — Марина Раскова. Ведь она не из легенды, не из сказки, ее можно встретить на улице Москвы или даже зайти в гости… И через год я вновь встретила Марину Михайловну.

Я шла по улице Горького. Вдруг люди зашумели, подались на мостовую. Обернулась. В толпе — машина, а в ней — Раскова. На ней был светлый костюм и, как всегда, темно-синий берет. Шофер сердито сигналил, но никто не обращал внимания. Марина Михайловна растерянно оглядывалась по сторонам, смущенно улыбалась, пожимая десятки протянутых рук…

Тут же появился милиционер. По его решительному виду я сразу догадалась, что сейчас с уст сорвутся традиционные слова: «Пройдемте, граждане!»

Но, узнав героиню, и милиционер улыбнулся, молча откозырял…

А я смотрела во все глаза на Марину Михайловну и думала: «Она же настоящая героиня! Почему ей неловко, когда люди приветствуют ее?» А на сердце стало теплей: ведь это действительно здорово, когда знаменитый человек, увенчанный славой, остается самим собой… Поэтому-то для всех нас — молодых летчиков и учлетов, особенно для девчат, — она была живым примером. Я, как и многие мои сверстники, назубок знала ее биографию. Знала, что она москвичка, что отец ее музыкант, что и сама Марина с ранних лет проявляла способность к музыке… Знала, что она поступила в консерваторию. Позже я прочла в ее дневнике, опубликованном в печати:

> «Профессор Страхов — добрейший человек. Музыка стала моим любимым занятием. Я уже хорошо пишу музыкальный диктант, пою сольфеджио, изучаю гармонию, занимаюсь ритмикой. Нужно сказать, что музыка есть неизбежная принадлежность моего сердца. Когда мое сердце сжато неприветливым и официальным отношением ко мне, то и музыка была сведена до минимума… Но когда мое сердце пригрето лаской, то и музыка в нем появлялась все больше и больше и, наконец, заняла одно из первых мест. Петр Николаевич

со мной ласков, ободряет меня, всегда сочувствует мне, часто ласково гладит меня по голове или треплет по плечу.»

Многие предсказывали ей будущее певицы, в крайнем случае пианистки. Но она могла стать и биологом, и химиком, и педагогом… И эти области знаний увлекали ее, и в них она проявляла недюжинные способности.

А стала Марина Михайловна летчицей.

Да, судьба наша не всегда складывается так, как в детстве ее рисуют себе наши родители…

— Значит, была у Расковой? — с недоверием переспрашивали подруги, после того как я с гордостью объявила, что была у Марины Михайловны.

— Была.

— Ну и как? Долго с ней говорили? Какая она?

— Очень простая. И говорили долго.

— О чем же это вы долго говорили?

— О жизни, о том, что я мечтаю стать военным летчиком…

— Ну а она?

— Советует совершенствоваться в Осоавиахиме.

— Легко ей говорить! Известная летчица!

— Не сразу и она стала известной! — запальчиво возразила я. — Знаешь, какая у нее жизнь? Училась в консерватории, все ее прочили в музыканты. А она стала химиком. Работала на заводе. Участвовала в самодеятельности… Вышла замуж, родилась дочь Танюшка… Пришлось бросить работу. А потом поступила чертежницей в аэронавигационную лабораторию… — Все это я выпалила единым духом. — А слышали, у кого она работала? У Белякова! У того самого, что летал с Чкаловым!..

И вдруг запнулась: не дай бог подумают, что я зазналась от такого знакомства!

Но молчать мне не дали.

— Рассказывай дальше, раз уж начала! — потребовали подруги, рассаживаясь вокруг меня на зеленой травке аэродрома.

И я продолжала рассказывать то, что удалось узнать из книг и газет…

Марину Раскову заинтересовали штурманские расчеты. Вскоре она стала делать их удивительно быстро и точно. Начальник лаборатории Александр Васильевич Беляков увидел, что из Марины получится прекрасный штурман, и стал помогать ей изучать новую профессию. Вскоре Марина поступила на заочное отделение Ленинградского авиационного института.

И наконец настал день, когда Беляков взял ее с собой в

первый полет…

Говорят, страсть к небу самая захватывающая. По себе знаю: человек, однажды испытавший счастье самостоятельного полета, уже никогда не изменит своей мечте. Разумеется, если у него душа настоящего летчика.

Будто ничего не изменилось в жизни Марины после того самого первого полета. Все так же мало бывала она дома, тосковала по дочурке, все так же чертила и помогала Белякову на лекциях.

И в то же время изменилось, стало другим: Марина «заболела» небом.

По вечерам, чтобы никто не видел, она тихонько открывала учебник самолетовождения и в сотый раз перечитывала строки, которые уже знала наизусть: «Вырулив на линию старта, летчик должен уменьшить обороты до минимальных, остановить самолет и запросить разрешение на взлет…»

Неужели и она запросит разрешение на взлет?! Неужели и ей дадут это разрешение?!

Раскову командировали в научно-исследовательский институт Гражданского воздушного флота. Здесь она встретилась с известным штурманом, участником экспедиции на Северный полюс Иваном Тимофеевичем Спириным. И от него, как и от Александра Васильевича Белякова, она узнала много тонкостей сложной профессии самолетовождения. Сдав экстерном экзамен, Марина Михайловна одна из первых советских женщин получила звание штурмана авиации. В двадцать три года она стала не только штурманом, но и преподавателем академии: когда Беляков готовился к перелету Москва — Варшава — Париж, он поручил Расковой читать за него лекции.

И вот, наконец, ей самой дали первое ответственное задание. Прокладывалась новая воздушная трасса Одесса — Батуми, и Расковой оказали большое доверие: назначили штурманом черноморской экспедиции. Более двух месяцев продолжались полеты. Прокладывая курс для полета над морем в осенние дни, в сложных метеорологических условиях, накопила она опыт, который потом не раз сослужил ей добрую службу.

А после возвращения из экспедиции в Москву ей предложили сделать доклад на штурманской кафедре Военно-воздушной академии. На докладе присутствовали воздушные «зубры» — лучшие авиационные штурманы. Слушали Раскову и ее учителя — А. В. Беляков, И. Т. Спирин, Н. К. Кривоносов.

После этих полетов никто из слушателей академии уже не удивлялся, что новый преподаватель штурманского дела — женщина. А ведь поначалу, прочитав в расписании занятий:

«Штурманское дело — преподаватель Раскова», — слушатели решили, что это описка.

«Не Раскова, наверное, а Расков», — думали они, — вспоминала сама Марина Михайловна в своей книге «Записки штурмана». Посмеивались: вот, мол, напишут же такое! Но вот наступил первый день занятий… Я вошла в класс. А слушатели… продолжали сидеть на своих местах как ни в чем не бывало. Никто не рапортовал. Я спросила: «Кто у вас командир отделения?»

Командир встал, неохотно подал команду. Остальные так же нехотя повиновались. Слушатели приглядывались ко мне. Иной раз пытались подловить на каверзном вопросе… А перед выпуском группы командир отделения подошел ко мне с громадным букетом цветов и произнес целую речь: «Мы бы хотели, чтобы все летчики убедились: женщины в нашей стране могут летать не хуже мужчин…»

Профессия летчика немыслима без риска.

Антуан де Сент-Экзюпери писал: «…Ни о чем не жалею. Такое у меня ремесло. А все же я дышал вольным ветром, ветром безбрежных просторов».

Пилот и писатель называл нашу воздушную профессию будничным, приземленным словом «ремесло». Любую, самую творческую профессию можно назвать ремеслом. Но все дело в том, в чьих устах прозвучит это слово.

Марина Раскова сказала как-то: «Наше ремесло не хуже и не лучше любого другого. Сталевара, каменщика, сеятеля. Только мы не можем жить без неба, и в этом, наверное, мы неизлечимо больны».

Марину Михайловну невозможно представить вне неба, вне поющего на высоте ветра, вне стремительно летящих облаков…

С 1934 года она участник многих воздушных парадов над Красной площадью. А это уже говорит о многом: неопытному пилоту не доверят такого задания. А неопытному штурману — тем более…

«Кто не знает воздушных парадов в Москве? — писала Марина Раскова в своем дневнике. — Если вам не довелось их видеть, то уж, наверное, вы слышали или читали о них. Сердце советского патриота переполняется гордостью и радостью при виде множества крылатых машин, когда они стройно, в строгом военном порядке пролетают над городом в великий день международного пролетарского праздника. Их вид являет грозную военную силу. На улицах столицы миллионы ликующих людей. Очи с восторгом смотрят вверх. Город наполнен гулом моторов. Ровно в двенадцать часов самолеты пролетают над

Красной площадью.

…Чтобы продемонстрировать трудящимся мощь нашей авиации, задолго до парада в военных авиационных частях идет упорная и тщательная подготовка. Какова радость молодого летчика, которому впервые объявляют, что он будет участвовать в первомайском воздушном параде!

В 1934 году подготовка, как всегда, началась задолго до праздника. Штурманам предстояла трудная задача. Несколько сот самолетов с разных аэродромов нужно было собрать в воздухе и в боевом строю ровно в двенадцать часов провести над Красной площадью. Это красивое зрелище, которое видит вся Москва, для штурманов парада означает точный математический расчет. В течение нескольких минут самолеты летят над Мавзолеем В. И. Ленина, с трибуны которого на них смотрят руководители партии и правительства. Чтобы каждый из самолетов летел точно в том самом месте, где ему положено, заранее точно рассчитывается время вылета каждого самолета. Затем рассчитывается время возвращения каждого самолета на свой аэродром. Все эти расчеты делает штурман. Мне посчастливилось не раз работать в эти дни вместе с лучшими штурманами Советского Союза.

В небольшой комнате на Центральном аэродроме, нагнувшись над картами и таблицами, мы делали множество расчетов, чертежей, выкладок, таблиц. Я делала свое дело спокойно и уверенно, внимательно приглядывалась к работе старших товарищей, у которых привыкла учиться. Составлялся список участников парада на флагманских кораблях. В 1934 году я летала на втором корабле помощником штурмана, а в следующем году — на первом, головном корабле и как штурман находилась в передней кабине.

Парад окончен. Эскадрильи расходятся по аэродромам. В нашем самолете наступает веселье: все резвятся, как дети, хохочут, весело шумят. Мы возвращаемся на аэродром, а по улицам еще движутся колонны демонстрантов.

Долго не хотелось уходить с аэродрома. Взобравшись на вышку командного домика, мы следим, как садятся одна за другой точно на отведенные места машины, участвовавшие в параде. Спирин рассказывает о восточных странах: женщины не имеют там права подходить к столу, где сидят мужчины. „А вот вы, товарищ Раскова, открывали сегодня воздушный парад в нашей столице Москве…“»

Но все это — лекции в академии, воздушные парады, перелеты, в которых довелось участвовать Марине Расковой, — были хоть и большие, и уверенные, но все-таки первые шаги в воздухе. Настоящее, самое главное и сложное задание, которым

Марина Раскова вместе со своими подругами Полиной Осипенко и Валентиной Гризодубовой прославила Родину и стала сама известной летчицей во всем мире, было еще впереди…

Радость преодоления неизведанных маршрутов и больших трудных побед открылись Марине после встречи с Валентиной Гризодубовой. Они сразу же очень подружились, берегли дружбу и свято пронесли ее через всю жизнь до самых последних дней Марины Михайловны. Раскова прислушивалась к каждому слову подруги. Вскоре они вместе совершили беспосадочный рекордный перелет — 1444 километра по прямой от Москвы до Актюбинска. Напомним: рекорд дальности, установленный до этого американскими летчицами, равнялся 800 километрам…

1938 год принес новый рекорд. Марина Раскова, Полина Осипенко и Вера Ломако 2 июля стартовали на гидросамолете из Севастополя в Архангельск. Перелет прошел блестяще. До этого времени ни один гидросамолет не проходил над сушей такого расстояния.

А 8 августа 1938 года Михаил Иванович Калинин за блестящее выполнение перелета вручил отважным летчицам ордена Ленина.

Время стирает грани лет, и сейчас трудно отделить услышанное от Марины Михайловны Расковой при наших встречах от того, что я знала о ней из книг и прессы. Впрочем, тогда, наверное, не было ни одной девушки в нашей стране, которая не читала с волнением ее записок, не следила за ее крылатыми путями. Но и эти перелеты не были главными. Главное событие в ее жизни было все-таки впереди.

…Уже поздний вечер. Я возвращаюсь с полетов усталая и голодная — за день не выдалось ни одной свободной минуты. Но все отступает, исчезает куда-то, становится не таким важным и даже не второстепенным, как только я раскрываю эту, уже потрепанную, успевшую побывать во многих руках книгу «Записки штурмана».

«3 октября. Проснувшись утром, обдумываю: стоит ли ждать помощи с самолета на этой мари или продолжать двигаться вперед? Шоколада осталось мало, на болоте запаса пищи не пополнишь, а ведь вчерашний самолет ничем не показал, что он меня заметил. Может быть, летчик видел только дым, а меня ему не удалось различить. Нет, правильнее будет двигаться к снежной горе. Время осеннее, погода вот-вот начнет портиться, пойдут ливни. Что я тогда стану делать одна на болоте?

Выхожу к знакомой гряде сопок: вблизи нее я приземлилась с парашютом. Вдруг вижу в воздухе два самолета. Они летают в разных направлениях, явно разыскивая что-то внизу…»

«Из мари я вышла западнее бурелома, по которому путешествовала уже однажды. Попала как раз на то место, откуда несколько дней назад до меня доносился рев медведей. В том, что именно здесь водятся медведи, я не сомневаюсь: все стволы деревьев в этом месте свежеоглоданы. Вскоре довольно отчетливо, хотя и далеко, послышался рев. Прошла немного по лесу, рев стал слышнее. К реву прибавился треск разламываемых ветвей.

Устала. Неожиданно попадается целый куст рябины. Набираю рябины, сколько могу: в платок, в карманы. Наедаюсь вдосталь. Рябина замечательно освежает. Хорошее место. Решаю здесь же заночевать. Но надо хоть что-нибудь предпринять против мишек. Заснешь, а он, огромный и черный, подойдет и полюбопытствует, что за личность забралась в его владения…»

…Я помню то утро. До сегодняшнего дня помню так, будто утро это было вчера. 24 сентября, 8 часов. Торжественный голос диктора: «Сегодня экипаж в составе трех летчиц Гризодубовой, Осипенко и Расковой на самолете „Родина“ начал беспосадочный перелет Москва — Дальний Восток…»

Да, это был главный перелет, на весь мир прославивший Марину Раскову и ее подруг!

Они должны были побить международный женский рекорд дальности беспосадочного полета по прямой, показать всему миру, что советская авиация обладает не одним типом самолетов, позволяющим совершать беспосадочные перелеты, доказать на деле, что не только летчики, но и летчицы нашей Родины способны осваивать рекордные трассы. И они побили этот рекорд.

Весь полет проходил в трудных метеорологических условиях, уже через 50 километров от Москвы облака закрыли землю, и Марине Расковой пришлось ориентироваться только по приборам, прокладывать курс вслепую, за облаками. В то время приборы были не столь совершенны, как нынешние. И такая задача по плечу не всякому штурману.

Когда прошли Иртыш, была уже ночь. Марина ориентировалась по звездам. Из-за плохой погоды лететь пришлось за облаками на большой высоте. 7500 метров! Дышать трудно: недостает кислорода. Марина надела кислородную маску. Температура минус 34. Самолет покрывается пленкой льда. Сквозь заиндевевшие стекла штурманской кабины ничего не видно. И тут вдруг наступает тишина в эфире. Вышла из строя радиостанция! Связь с Москвой прерывается. Теперь вся надежда штурмана только на приборы и точный расчет времени! К счастью, облака поредели, и Раскова определила местонахождение. Вскоре показался Амур. Недалеко конечный

путь маршрута. Но радоваться рано: на приборной доске загорелась красная лампочка — горючего осталось всего на несколько минут полета. А подходящей площадки, гарантирующей безопасную посадку, нет. Кругом тайга и болота. Марина впереди, в штурманской кабине. В случае неудачной посадки ей грозила верная гибель. Командир корабля Валентина Гризодубова отдала приказ: Марине прыгать! Раздумывать некогда. Марина схватила нож, ощупала пистолет на боку, сунула в карман комбинезона компас, две плитки шоколада, прыгнула, привычно дернула кольцо парашюта. Сильный рывок. Парашют раскрылся, и порывистый ветер стал сносить Марину в сторону от намеченной площадки для приземления.

В. Гризодубова и П. Осипенко благополучно совершили посадку на болотистую местность вблизи поселка Керби.

Девять дней находились в тайге советские отважные летчицы. Гризодубова и Осипенко, уверенные в том, что их не оставят в беде, что скоро придут на помощь, решили не отходить от самолета. Марина оказалась в безлюдной тайге одна, без всяких запасов продовольствия. Но она не теряла мужества, веры в близкую помощь.

С 25 сентября по 5 октября без дорог и троп и почти без пищи (аварийный запас остался на борту самолета) шла Марина Раскова безлюдной тайгой. Мужество и штурманское мастерство вывели ее точно к месту приземления «Родины».

Летчицы выполнили задание партии и правительства. Выполнили, несмотря на тяжелейшие метеорологические условия, которые сопровождали «Родину» на протяжении всего полета. Прекрасные качества самолета, умение и опыт экипажа позволили Гризодубовой, Осипенко и Расковой установить международный рекорд дальности полета, пролетев расстояние по маршруту 6450 километров, а по прямой около 6 тысяч километров за 26 часов 29 минут.

Вся наша страна восхищалась отвагой, хладнокровием и высоким летным мастерством, которые проявили верные дочери нашей Родины в труднейших условиях. Славные героини всему миру доказали, на какие подвиги способны женщины страны социализма. Забегая вперед, надо сказать, что их рекорд более 28 лет значился в таблице международных авиационных рекордов.

За этот перелет Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко, Марине Расковой, первым женщинам в нашей стране, было присвоено звание Героя Советского Союза.

«Способна ли я хоть на что-нибудь подобное? — с тревогой размышляла я. — Ведь так еще мало знаю и умею!»

Марина Раскова не искала славы в этих перелетах. И ее, и

подруг вело одно стремление: подготовиться к будущим испытаниям, помочь укрепить оборону страны.

В своих записках Раскова писала: «Советская авиация создана и существует для охраны мира. Народ нашей великой Родины прекрасно понимает, что каждая победа советской авиации является лишним звеном в цепи, укрепляющей мощь и обороноспособность нашего социалистического Отечества».

Кажется, все это — кадры из давным-давно прошедшего фильма. Солнечный осенний день. Вся Москва вышла на Комсомольскую площадь встречать летчиц-героинь, которые ехали с Дальнего Востока в специальном поезде.

Я стояла в толпе, приподнималась на цыпочках, старалась рассмотреть их лица. Сколько народу кругом! Так встречали челюскинцев, папанинцев, экипажи Чкалова и Громова. И вот теперь встречают летчиц.

Раскова смеялась. Сотни рук с цветами тянулись к ней, и не было, кажется, ни конца, ни края народному торжеству…

Но пришел грозный 1941 год. Сломалась, ушла в далекое далеко мирная жизнь. Началась война. Расковой, слушательнице Военной академии имени Фрунзе, было 29 лет… Мама Анна Спиридоновна и дочь Танюша эвакуировались на Волгу, в далекий поселок Васильсурск. Брат Роман с первых дней был в действующей армии. А Марина Михайловна осталась в Москве.

Фашистские самолеты каждую ночь прорывались к столице. Когда налеты заставали летчицу дома, она спешила в штаб противовоздушной обороны. Не раз тушила пожары, оказывала первую помощь пострадавшим. А после отбоя шла домой, садилась за письменный стол и готовилась к занятиям в академии.

8 сентября она выступала на женском антифашистском митинге:

— Дорогие сестры! Неизмерима наша ненависть к врагу. Непоколебима наша воля к победе. Неисчерпаемы наши силы, которые мы целиком отдаем Родине для борьбы с врагом!.. Советская женщина — это сотни тысяч высококвалифицированных мастеров на гигантских заводах, где тысячами рождаются наши боевые самолеты, танки, пушки и пулеметы. Советская женщина это сотни тысяч автомобилисток, трактористок и летчиц, готовых в любую минуту сесть на боевые машины и ринуться в бой…

Притихший зал жадно ловил ее слова, а наутро речь передали по радио и напечатали в газетах.

Но она чувствовала себя не у дел: разве можно спокойно жить, когда родная земля истекает кровью?

Марина писала рапорты об отправке на фронт. Ей приказывали ждать. Чего ждать? К тому же она знала, что на столы военкоматов ложатся тысячи заявлений девушек с просьбой направить в войска. Среди них с пометками: «Летчица Осоавиахима», «Работаю в Гражданском воздушном флоте…»

Марина Раскова пошла в ЦК партии.

— Нужно создавать женские авиационные части.

— Женские?

— Да, женские!.. По-моему, уже доказано, что женщины летают не хуже мужчин.

— Что же, подумаем над вашим предложением.

Подумали. И в сентябре состоялось долгожданное решение: сформировать женские авиационные части из женщин — пилотов ГВФ и летчиц-спортсменок… Поручить М. Расковой…

Дальше она уже не читала, бросилась к телефону. Нельзя терять ни минуты. Вместе со своими помощниками — неоднократной мировой рекордсменкой Верой Ломако, известными летчицами сестрами Тамарой и Милицей Казариновыми, политработниками Евдокией Рачкевич и Линой Елисеевой — Раскова составляла списки летчиц, разыскивая их повсюду: в Гражданском воздушном флоте, в аэроклубах, в авиационной промышленности.

Сотни женщин откликнулись на ее призыв. Имя Расковой было овеяно легендами. Кто из девушек не мечтал в это трудное для страны время находиться рядом с ней? Среди них была и я.

Марина Михайловна Раскова и опытный, отличный летчик Евдокия Давыдовна Бершанская, наш будущий командир полка, встретились на Волге.

Приглядывались друг к другу недолго. Сразу перешли на «ты».

— Знаешь, Дуся, — сказала Раскова, — жизнь опрокидывает наши планы. Вначале я думала создать один женский авиационный полк. Но уже прибыло столько людей, что можно укомплектовать три. И каждый день приезжают и приезжают…

— Что же, этому только радоваться надо!

— А я и радуюсь.

И добавила официальным тоном:

— Вы, товарищ Бершанская, назначаетесь штурманом соединения. Этим круг ваших обязанностей не ограничивается. Будете руководить всеми ночными полетами…

— Есть, товарищ командир!

Так началась наша работа. Упорная, ожесточенная, с бессонными ночами.

Бершанская, кажется, вообще не уходила с аэродрома. Днем

на учебных самолетах обучала девушек-летчиц слепым полетам по приборам на аэродроме. Ночью проводила практические занятия в полете.

Однажды, вернувшись из Москвы, Раскова срочно вызвала Бершанскую.

— Вы назначены командиром полка.

Раскова пожала Евдокии Давыдовне руку. Бершанская оторопела.

— Какого полка?

— Ночного. Легкобомбардировочного.

— Я думала, вы мне серьезное дело предложите… А что можно сделать на этих учебных тихоходах У-2?

— Многое можно сделать, дорогая Евдокия Давыдовна. Очень многое. Наши «уточки» могут незаметно, с выключенным мотором, ночью появиться над важнейшими военными объектами врага. И пройдут они там, где не пробиться бомбардировщику!

Бершанская задумалась.

— Может быть, вы и правы…

В мае сорок второго Бершанская доложила:

— Полк к боевым действиям готов!

Да, мы были готовы, но мечтала-то я стать истребителем.

В день моего приезда я шла по коридору школы, раздумывая, кому бы доложить о прибытии. И вдруг:

— Вы уже тут? Здравствуйте, истребитель!

Я обернулась. Да это она — то же милое лицо, те же чуть грустные глаза и добрая улыбка. Неужели запомнила, узнала? Вот радость!

— Марина Михайловна! То есть товарищ командир! — тут же поправилась я. — Летчик-инструктор Чечнева прибыла в ваше распоряжение.

— А вы повзрослели. Это хорошо. Ну пошли ко мне, — сказала Марина Михайловна, распахивая дверь кабинета. — Как летается? Значит, будем воевать вместе?

Узнав, что я летаю ночью, Марина Михайловна удивленно вскинула брови:

— Даже так? Чудесно! Такие летчики нам очень нужны!

— Для ПВО?

— Не только для ПВО, — Раскова помолчала. — Хотите летать на ночных бомбардировщиках ближнего действия?

Я не сразу поняла ее.

— Разве такие имеются?

— Конечно. И вы их отлично знаете, только не догадываетесь. Это У-2.

У меня вытянулось лицо.

— Ну вот, сразу и разочарование. И работа предстоит интересная. Будет создан полк ночников, оснащенный У-2. Цель его — оказывать помощь наземным войскам непосредственно на передовой.

И она заговорила о роли, которую должны сыграть маленькие У-2 на войне.

Увлекшись ее рассказом, я сразу же согласилась стать ночным бомбардировщиком, хотя Марина Михайловна и не торопила с ответом.

И лишь когда вышла за дверь, вспомнила об истребителях и закусила губу. Но уже было поздно. В раздумье я постояла еще немного в коридоре. Потом тяжело вздохнула и примирилась с постигшей меня участью. Но тут же успокоила себя: в конечном счете впереди меня ждал фронт. А это — самое главное.

…Нет, совсем нелегко и не сразу все это нам далось: и стремительные ночные атаки, и выходы точно на цель в непроглядной тьме, и прицельное бомбометание по целям, выхваченным на какие-то мгновения из мглы светящими бомбами.

Наверное, нетрудно понять мое состояние, когда я однажды на тренировке чуть не угробила машину, сажая ее ночью.

Спрыгнув на землю, я в сердцах бросила подруге:

— Не получится из меня ночного бомбардировщика! Видишь, что натворила!..

У самолета от удара о землю лопнуло крепление шасси.

— Надо сделать так, чтобы вышел, Чечнева! — раздался из темноты резкий голос Расковой.

Я не заметила, как она подошла.

— Марина Михайловна, вы же сами видите… Наказывать за такие вещи надо…

Не знаю почему, меня обуял бес самобичевания. Сказался стыд за неудачную посадку и за то, что ее видела сама Раскова.

— Это у нее пройдет, товарищ майор, — вступилась за меня подруга.

— Вот что, Чечнева, успокойся, не нервничай. Выше голову! После войны хочу видеть у тебя ордена. Смотри, не меньше двух!

— Так уж и двух! Раскова засмеялась:

— Три можно. А меньше двух не пойдет!

За окном капель. Чернеет в лощине снег, бурым стало летное поле.

Весна! С какой радостью ждала Марина Михайловна ее каждый год! Весна значит, новые трассы. Далекие, о которых даже боязно сказать вслух. Но сейчас война — другие полеты, другое небо.

Небо, распоротое визжащими осколками, грохочущее от рева моторов, смятое, вздыбленное, огненное… Хорошо, что мать и дочка в безопасности… Кстати, какое сегодня число?

Раскова посмотрела на листок календаря. 14 марта 1942 года… Вспомнила маму, дочурку. Нет, сегодня нужно написать письма. Во что бы то ни стало. Завтра опять не соберешься.

Отложив в сторону бумаги, она пододвинула чернильницу.

«Пользуюсь тем, что имею десять свободных минут, чтобы написать тебе. Если сейчас не напишу, то, может быть, недели две не смогу сесть за письменный стол… Я вполне здорова, работаю хотя и без отдыха, но с большим интересом…»

Не много сохранилось этих писем. Как не много их было и написано.

2 апреля 1942 года: «…У нас испортилась погода. Два дня стояла такая пурга, что в 5 метрах не было видно человека. При этом ветер достигал силы 20 метров в секунду. Это настоящий шторм! Ломало крыши, поломало дверь в мой ангар. Хлопот было много. Необходимо было сохранить все свои самолеты — и в ангарах, и стоящие просто на поле. Это стоило большого труда, но все обошлось благополучно: все наши чудесные самолеты целы.

Правда, когда пурга стихла, все мы были похожи на чучел, так как наша одежда была покрыта коркой льда, а когда лед растаял, то все было мокрое, хоть выжимай. Еле-еле успевали высушиться и снова сменяли тех, кто уже обледеневал, защищая от стихии самолеты. Сделав небольшую передышку, пурга замела снова. Но за это время мы уже успели кое-что укрепить, и новая пурга принесла нам меньше хлопот.

Мой народ показал себя замечательно. В пурге пробирались они к стоянкам самолетов в тесном строю, держа направление по компасу, так как ничего не было видно. Это был хороший экзамен и для них и для меня…»

15 мая 1942 года: «…Наша жизнь прекрасна великой, исторической героикой. Какие подвиги способен совершить наш народ и какой единой волей в борьбе за свое счастье и свободу спаян весь наш великий Союз! Люди сейчас на глазах растут во всем своем величии. Ты не узнала бы нашего Рому! За эти десять месяцев войны он стал более взрослым, чем за все годы своей жизни. Настоящая душа и сердце русского советского человека определились для него самого ясно только теперь. Он сам сказал мне в Москве, в последний мой прилет туда, что теперь самое сильное его желание — стать коммунистом, членом партии. Я горжусь тем, что Рома в суровые дни войны понял это, и понял сердцем. Многое, что казалось прежде важным, стало теперь

ничего не значащим, просто пустяками. На чем спать, как быть одетым, что есть, что пить — все это не играет ровно никакой роли в жизни. Цель одна — как можно больше принести пользы в деле освобождения нашей земли, в деле священной войны с фашизмом не на жизнь, а на смерть… Главное, что все мы твердо верим в свою победу. Нам ничего не жаль для окончательного боя за нашу свободу. Кто в это верит, тот перенесет любые трудности, выйдет победителем.

Мечтаю прилететь к вам в конце мая. Хорошо было бы попасть на Танюшино рождение. Но так точно угадать трудно. Если я к 29 мая не прилечу, когда будешь ее поздравлять утром, то поздравь и от меня и крепко-крепко поцелуй. Я так без нее скучаю, но стараюсь об этом не писать, чтобы она не скучала. Потерпи еще немного, моя родная, скоро мы заживем снова мирной жизнью. Будем быстро восстанавливать былую жизнь в своей стране. И ты с Танюшей вернешься в нашу родную Москву, в которой будет ярко гореть свет. И в этот радостный день мы все снова помолодеем на десяток лет…

Обо мне не беспокойтесь, у меня дела идут хорошо…»

«…Сегодня у меня вдвойне радостный день: я вылетела самостоятельно на самом современном скоростном пикирующем бомбардировщике, двухмоторном. Самолет изумителен, скорость огромная, вооружен прекрасным оружием. Ни один фриц не уйдет от меня! Мой вылет начальством оценен на отлично.

И вот после такой радости пришла я в штаб и застала твое письмо, доброе, ласковое, с поздравлением за прошлый вылет. Это чудесное совпадение! Пока до тебя дошло письмо и ты ответила, я уже вылетела на новом самолете, на более сложном и совершенном…»

Жизнь многих из нас, кого коснулись участие, совет, дружба Марины Расковой, сложилась иначе, чем она могла бы сложиться.

— Скольким дала она крылья! — невзначай сказала моя боевая подруга Оля Голубева, рассматривая портрет Расковой. — Вот ее уже нет. А ведь без нее немыслимы наши биографии и судьбы…

Всякий раз, приезжая в Москву, Оля звонит мне по телефону, и мы непременно встречаемся. Мы знаем друг друга с войны, но нам всегда не хватает времени, чтобы наговориться. И в моей жизни, и в Олиной, всех боевых подруг Марина Михайловна Раскова оставила неизгладимый след. Можно сказать, сделала, вылепила их — наши жизни…

Раскова умела увидеть в человеке основное. А главное, понимала мечту. Ведь она сама была из крылатого племени мечтателей.

Разве до лирических подробностей было в том огненном сорок первом? Тем более Расковой, на плечи которой легли важнейшие правительственные задания!

Может быть, она, встречаясь с нами, совсем еще юными девчонками, у которых, кроме мечты о небе и решимости бить врага, не было за душой ничего, вспоминала свою юность? Может быть! Только никто не уходил от нее без совета и помощи.

В сорок первом Оля Голубева и ее подруга Лида Лаврентьева разыскали часть Расковой, хоть это и было не просто. Оля уже не думала о кино — до войны она мечтала стать киноактрисой. Какое там кино, когда Родина в огне! Когда истекает кровью Украина, Белоруссия, Смоленщина.

В ожидании приема Оля познакомилась с летчицей Дусей Носаль и откровенно призналась ей, что, собственно говоря, она не имеет никакой надежды быть принятой в авиачасть, так как ничего не смыслит в авиации.

— А ты скажи, что знаешь электричество, нам как раз электрики нужны, подала совет Носаль.

— Ладно, будь что будет, лишь бы приняли…

В кабинет Расковой Голубева и Лаврентьева вошли вместе.

— Мы очень хотим летать! — в один голос выпалили обе.

— Я окончила аэроклуб в Средней Азии, — сообщила Лида.

— Ну а вы кто? — обратилась Раскова к Ольге.

— Я? — смутилась та. — Голубева Ольга, из Тобольска… Училась в Москве, в институте кинематографии, добровольно пошла в армию…

— Ну а с авиацией вы знакомы? — спросила Марина Михайловна. — Что вы умеете делать?

— Ничего, — упавшим голосом призналась Оля. И, боясь, что дальнейший разговор с ней будет коротким, торопливо добавила: — Почти ничего… Вот петь могу, плясать умею, стихи читаю неплохо… И электричество хорошо знаю. В школе по физике пятерки получала!

Марина Михайловна засмеялась:

— Ах, девчонки, девчонки. Ну что ж мне с вами делать?! Ладно…

И нашла выход. Лиду Лаврентьеву зачислили штурманом, а Олю Голубеву назначили мастером по электрооборудованию.

А потом… Ольга окончила курсы, стала штурманом.

Раскова поставила перед Олей нелегкую цель. Не прощала ни единой ошибки. Но и никогда не упускала ее из виду и во всем помогала ей. И хоть штурманом Оля стала уже после гибели Марины Михайловны, именно она помогла Оле добиться своего…

Я сказала: гибели. Но до сих пор не могу примириться со

смертью Марины Михайловны.

В день нашего вылета на фронт майор Раскова не пошла к трибуне, а вышла из-за стола, покрытого кумачом, поближе к рампе, к аудитории.

Негромко говорила о беде, нависшей над нашей страной, о том, что наш долг — жестоко отомстить врагу, призывала нас совершенствовать боевую выучку, овладевать техникой боя…

— Свою преданность Родине вы доказали в учебе, — говорила она. — А теперь докажите ее в бою. Это будет потруднее. Но я уверена, вы справитесь с любыми заданиями и со временем обязательно станете гвардейцами…

Мы вылетели на фронт. Но Марина Михайловна ещё не оставила нас. Полетела вместе с нами, чтобы лично познакомиться с воздушной армией, в которую был назначен наш полк.

* * *

В письме от 25 мая 1942 года, которое она писала с аэродрома под станцией Морозовской, лидируя наш полк, Марина Михайловна сообщала начальнику штаба авиаполка пикирующих бомбардировщиков Милице Александровне Казариновой:

«…Долетели мы сюда благополучно, все в полном составе. Нужно сказать, что девчатам досталось крепко, но они молодцы — сдали экзамен. Строй провели сквозь узкий коридор между двумя грозовыми башнями. Около 30 минут шли в дожде. Но все девчата справились… В Кумысолечебнице аэродрома никакого нет. Просто поле… Привезли на всех нас всего 700 килограммов бензина… Горючее пришлось ведрами делить поровну. Еле удалось сделать так, чтобы у всех было по 50 килограммов. С этим горючим нужно было „топать“ в Сталинград. Ночью нам приказали входить в Сталинград через входные ворота, а это еще удлиняло путь. Поэтому этот отрезок переживали мы с Дусей (Е. Д. Бершанская — М. Ч.) крепко… Горючего хватило, но в баках осталось по 4–6 килограммов, а у Себровой над аэродромом остановился винт, но села она благополучно.

* * *

…Из Сталинграда вылетели под прикрытием „чаек“. Они нас провожали долго, так как „яки“ в это время „играли“ с

„мессерами“ за облаками. Пришлось всех тащить бреющим. При этом были встречный ветер и жуткая болтанка. Досталось народу крепко. Даже Амосовой пришлось натереть мозоли. Перед Морозовской нас снова встретили „чайки“ и прикрывали нашу посадку… Здесь мы уже на территории фронта. Народ так утомился, что не пошли ужинать, спали как убитые… Вообще девчат не узнать. Все вдруг стали военными, чего нельзя было о них сказать ранее. Такие стали быстрые, серьезные, дружные. Хороший народ. Провожу их до самого места, а тогда полечу в Москву…»

Когда мы получили приказ о зачислении нашего комсомольского полка в состав авиадивизии, Раскова приказала выстроить личный состав.

Зачитав приказ, она пошла вдоль строя, вглядываясь в наши лица, и негромко говорила на ходу:

— Счастливого неба, девчата! Счастливого неба!..

Это были последние слова Марины Расковой, которые мне довелось услышать…

Она улетела назад, ее ждали там еще два женских полка: истребительный и пикирующих бомбардировщиков.

Мы больше ее не видели, но она не забывала о нас.

Однажды после полетов нас выстроили на плацу.

— К нам поступило письмо от личного состава женского полка пикирующих бомбардировщиков, — заговорила, волнуясь, Бершанская. — Подписано командиром полка Расковой…

«Наконец-то весточка от нее», — подумала я.

«Дорогие боевые подруги!

Поздравляем вас с 25-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, которую вы встречаете в героической борьбе с озверелым фашизмом, теми победами, которые вы ежедневно, наши родные героини, приносите на легких крыльях своих самолетов, возвращаясь с боевого задания…

…Рады мы бесконечно вашим успехам и стараемся приумножить их. С огромным интересом мы читали фронтовую газету. Она гордостью наполнила наши сердца.

Сестры, ведь не только вас наградили. Вместе с вами наградили и нас, всех советских девушек — патриоток нашей Родины.

Сегодня и мы еще раз обещаем нашему народу и большевистской партии не омрачать светлого знамени наших полков. Боевых успехов, дорогие подруги, скорой встречи в родной Москве!

Принято на торжественном заседании 7 ноября 1942 года.

Раскова, Елисеева, Казаринова и другие».

Еще раньше мы узнали, что женский полк пикирующих бомбардировщиков Пе-2 во главе с командиром полка Героем Советского Союза Мариной Михайловной Расковой готовился к отправке на фронт. Это был третий полк, который она подготовила. Уже храбро дрались с фашистами девушки летчики-истребители и мы — ночные бомбардировщики. Уже немало к этому времени было подвигов на счету этих женских полков. Марина Раскова могла радоваться за своих воспитанниц. Теперь она сама собиралась на фронт.

Позднее я прочла письмо Марины Михайловны, которое она написала в то время своей маме:

«…Вот уже пять дней, как мы начали новую жизнь, расстались со своим насиженным местом и двинулись в путь. Живем по-походному. Все те маленькие удобства, которые мы себе создали там, уже забыты. Теперь каждый из нас воин: и по духу, и по знаниям, и по умению мужественно переносить трудности походной жизни. Народ у меня молодой, смелый, веселый и преданный. Никогда не унывают. Очень люблю я их. Суровая у них молодость! Не задумываясь, они готовы отдать жизнь за Родину, и все это горячо, от сердца, по-молодому.

Мамочка, я счастлива сейчас, как никогда. Прихожу утром на стоянку своих машин. Красивые они, мощные, много их — прямо сила!.. По взмаху моей руки одновременно запускаются моторы, и по моей воле все это мгновенно поднимается в воздух, собирается в боевой строй и летит за мной туда, куда я поведу. Это большое счастье, которого я никогда еще не испытывала. А самое большое счастье — это видеть мощное наше оружие, которое таит в себе смерть врагам…»

Это письмо Анна Спиридоновна получила в ноябре 1942 года, когда они с Танечкой вернулись в Москву.

А 17 декабря 1942 года на несколько дней по служебным делам прилетела Марина Михайловна в столицу. Все свободное время она проводила с дочкой. Рассказывала ей о фронте. Садилась за рояль, и тогда по комнате тихо плыла песня:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море…

А виделось ей, наверное, тогда не море, а изрешеченная раскаленным металлом темнота и мертвенно-голубые мечи прожекторов.

Уже кончалось время ее пребывания в Москве, когда проездом с фронта заехал брат Роман. Последний вечер они

сидели все вместе. Марина читала свои любимые стихи.

Утром она обняла дочку, мать, брата.

— Что же, до скорой встречи, мои дорогие. Ромка, береги себя!

— Ты сама берегись! Вечно лезешь в самое пекло!..

Потом она еще звонила домой. Далекий ласковый голос, который услышала Анна Спиридоновна в трубке, сказал:

— Мамочка, мы улетаем. Поцелуй за меня Танюшу мою… крепко-крепко…

На московском аэродроме 23 декабря перед отлетом Марина Михайловна отослала еще одно письмо:

> «Дорогие мои мамочка и Танюрочка… посылаю вам привет и тысячу поцелуев… все у нас в порядке… Обо мне не беспокойтесь. Посылаю тебе ключ от нашей квартиры, который улетел со мной в моем кармане… Будьте умницы, мои дорогие, берегите здоровье… Целую вас, мои любимые…»

Это было последнее ее письмо.

Я узнала о ее гибели на Северо-Кавказском фронте, когда наши войска перешли в наступление. Привезли центральные газеты. Я взглянула на полосу «Правды» и… не поверила своим глазам.

Расковой не стало. У кого из советских людей не сожмется сердце при этих словах?

Нет, это невозможно… Это противоестественно, этого не может быть!..

Но это было именно так. И комок подступал к горлу, и я видела, как отворачиваются, доставая платки, девчата. А одна, не сдержавшись, начала плакать навзрыд.

Случилась непоправимая беда: попав в тяжелые метеорологические условия, самолет командира полка майора Расковой потерпел катастрофу, и она погибла вместе с членами своего экипажа.

Через восемь дней, 12 января 1943 года, Москва провожала в последний путь свою любимую дочь. В почетном карауле вместе с членами правительства стояли и девушки из ее полка: Милица Казеринова, Люба Губина, Катя Мигунова.

В годы Великой Отечественной войны женские авиаполки с честью пронесли свои боевые знамена до полной победы. Двум из них присвоено звание гвардейских, весь личный состав полков награжден орденами и медалями, а двадцать восемь человек были удостоены звания Героя Советского Союза.

Имя легендарной героини носят пионерские отряды,

дружины, теплоход, улицы, площади. Имя ее бессмертно.

Товарищ парторг

Быстро летит время.

Четыре десятилетия прошло со Дня Победы. Это были годы мирного труда и созидания. Неизмеримо возросло могущество Родины. Вровень с нами встали сегодня наши дети и внуки.

Комсомольская юность моего поколения обожжена пламенем великой битвы с фашизмом за свободу и независимость Отчизны. Мы гордимся этим суровым и трудным счастьем.

В незабываемом сорок втором, когда над Родиной нависла смертельная опасность, я была удостоена высокой чести стать членом партии Ленина. Меня рекомендовала в ее ряды старшая подруга Мария Рунт.

Много лет отделяют нас от первого знакомства. Но вновь и вновь, когда встречаемся после разлуки, кажется, что расставания наши — миражи, а нескончаемая действительность — это встречи, в которых годы, спрессованные в минуты…

Полк наш формировался по инициативе Героя Советского Союза Марины Расковой и Центрального Комитета ВЛКСМ. Командиром полка была назначена Евдокия Давыдовна Бершанская, комиссаром — Евдокия Яковлевна Рачкевич. Секретарем партийной организации Главное политуправление Красной Армии направило Марию Рунт. В свои 29 лет она имела уже большой опыт комсомольской работы.

Вспоминаю первые дни учебы в полку. Было трудно, очень трудно. Рассчитанный на три года курс обучения летно-техническим специальностям мы должны были пройти за месяцы. Занимались по тринадцать часов в сутки, но не жаловались. Еще не приняв военной присяги, мы уже чувствовали себя солдатами, всей душой рвались на фронт. Это чувство поддерживали в нас старшие товарищи — М. Раскова, командир полка Е. Бершанская, комиссар Е. Рачкевич и наш парторг М. Рунт.

В полк Мария приехала в начале января и, как положено, ее поместили в карантин. И уже на следующее утро к ней прибежала Оля Фетисова, комсорг нашего полка. Она очень радовалась прибытию старшего товарища, руководителя. Сама Мария, вспоминая эту встречу, пишет: «Оля совсем меня не знала, видела впервые, но столько доверия, веры в меня было у нее… И дело тут не в моей личности, просто я для нее была человеком, которому партия поручила проводить свою политику в полку…»

Думаю, что личность как раз и нельзя сбрасывать со счетов, говоря о работе парторга. Оля Фетисова, человек с чутким сердцем, добрая и отзывчивая, с первой встречи почувствовала

особенную душевную открытость Марии, поняла и приняла ее настоящую партийную принципиальность. И весь долгий фронтовой путь, и в послевоенные годы Оля и Мария оставались большими друзьями, понимали друг друга с полуслова.

Вспоминается одна из первых политинформаций в полку. Мария читает вслух очерк П. Лидова «Таня» о Зое Космодемьянской. Мы слушаем, затаив дыхание, и плачем, не скрывая слез. Плачет и Мария. Не было никакого обсуждения прочитанного, никаких речей. Да и не нужны они были. Глубоко переживая судьбу не известной нам до этого, но ставшей такой родной девочки Зои, мы и сами становились ближе друг другу, понимая, какой надежной опорой в этой борьбе станет наша дружба…

В дни учебы, потребовавшей от всех нас и сил, и терпения, и умения пережить временные неудачи, но добиться поставленной цели, именно в эти дни зародилась наша дружба, закаленная позже в огне боев.

8 февраля 1942 года состоялось первое в полку организационное партийное собрание. На партийном учете было тогда 17 членов партии и кандидатов. С этого дня Мария Рунт стала нашим парторгом, душой всей партийной жизни вместе с нашими командиром и комиссаром.

А 23 февраля, в знаменательный день — день рождения Красной Армии, Мария вместе с теми из нас, кто еще не принял военную присягу, давала клятву на верность служения Родине, партии, народу. Все мы волновались. Настроение царило торжественно приподнятое.

В большой зал, где был выстроен полк, внесли Знамя. В тишине звучат высокие слова военной присяги:

— Вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь…

О чем думала в эти, такие значительные, такие весомые, минуты Мария? О своей готовности кровью и жизнью доказать верность Родине, все силы, все помыслы отдать защите ее от подлых захватчиков? С этого мгновения она Солдат, в этом теперь смысл ее жизни. А может быть, в эти минуты она оглядывалась мысленно на пройденный путь, тот, что привел ее к сегодняшнему дню?

Мы но напрасно чувствовали в 29-летней Марии идейную закалку и тот жизненный опыт, которого не хватало многим из нас.

Крепкие корни связали мою старшую славную подругу с героикой нашей революционной эпохи. Родилась она в 1912 году в семье рабочего в пролетарской Самаре, ныне Куйбышеве. Отец

Марии до конца жизни работал слесарем на предприятиях города.

После окончания средней школы Мария сдала экзамены в Самарский педагогический институт на литературный факультет и успешно его окончила. Здесь же вступила в комсомол.

Суровым было время и прекрасными были дела, окрылявшие комсомольскую юность Марии. Субботники и воскресники по разгрузке товарных вагонов и пароходов, расчистка снежных заносов на железной дороге, работа по ликвидации неграмотности, посевные и уборочные кампании, рейды «легкой кавалерии»… Комсомольцев хватало на все. Они строили свою молодую страну, и в этом созидательном труде строили себя.

Насыщенна молодая биография. Пять лет Мария работает учительницей русского языка и литературы. В сентябре 1937 года ее избирают членом Дзержинского райкома ВЛКСМ Куйбышева, утверждают заведующей отделом политучебы райкома. А год спустя М. Рунт выдвигают на работу заведующей отделом студенческой молодежи областного комитета ВЛКСМ. В 1939 году она стала членом партии.

Когда той же осенью Западная Украина и Западная Белоруссия воссоединились с Советским Союзом, Центральный Комитет ВЛКСМ направил Марию на пропагандистскую работу в Барановичи. Вскоре ее избрали секретарем Барановичского обкома комсомола по пропаганде. Перед работниками обкома стояли нелегкие задачи по воспитанию молодежи, выросшей в капиталистическом обществе, приходилось бороться с влиянием католической церкви. В этой обстановке необходимо было вести оборонную, спортивную, политическую и культурно-массовую работу.

На XIV съезде комсомола Белоруссии Мария Рунт была избрана в состав Центрального Комитета ЛКСМ республики.

Вот какой большой опыт комсомольской работы был у нашего парторга.

Хотя коммунистов в полку было в первое время немного, но они составили тот духовный центр, ядро, вокруг которого объединялись комсомолки — летчицы, штурманы, техники, прибористы, наземные специалисты всех служб. Вместе с командиром полка Евдокией Бершанской, комиссаром Евдокией Рачкевич, командирами и комиссарами эскадрилий Серафимой Амосовой и Любой Ольховской, Ириной Дрягиной и Ксенией Карпуниной, с коммунистами — инженерами Софьей Озерковой, Надеждой Стрелковой, Клавдией Илюшиной Мария изучала личный состав полка, вела активную работу с нашими девушками. И уже перед вылетом на фронт многие из нас подали заявления о приеме в партию. Среди них была и я.

Хорошо помню яркий, солнечный майский день — день приема в партию. Такие дни не забываются. Очень волновалась перед собранием. Видимо, волнение мое и со стороны было заметно. Мария подошла и постаралась шутливым замечанием ободрить меня:

— Ну, Марина, я думала, боевая летчица, смелая, а ты трусиха оказывается, — с улыбкой сказала она.

Я поделилась с ней своими сомнениями и страхами, и на душе немного полегчало…

В мае 1942 года в партию вступили многие наши девушки.

В напряженной учебе прошли осень и зима. Наступил март. Снег сделался ноздреватым, стал темнеть, оседать. Влажный ветер будоражил чувства, напоминал: скоро весна. Днем под лучами не по-зимнему пригревающего солнышка зазвенели капели.

Полк должен был вскоре отправляться на фронт. Последний учебный полет по маршруту и на бомбометание назначили в ночь на 9 марта. Было тепло, и над землей повисла дымка, ухудшив видимость по горизонту. Никаких иных осложнений метеорологи не предсказывали. Эскадрильи поднялись в воздух.

Первую половину задания мы выполнили благополучно. Но на последнем этапе погода неожиданно резко ухудшилась — сначала исчезли звезды, облака низко спустились, началась метель…

В жуткой снежной круговерти три экипажа потеряли пространственную ориентировку и не вернулись на аэродром. Ира Себрова и Руфа Гашева чудом спаслись, а Лиля Тармосина, Надя Комогорцева, Аня Малахова и Маша Виноградова погибли. Все мы были потрясены случившимся, ходили подавленные, молчаливые. Это были наши первые потери.

Бершанская, Рачкевич и Рунт вместе с командирами и штурманами эскадрилий провели много часов, думая над тем, в чем причина гибели девушек, как избежать таких страшных неоправданных потерь.

— А как написать родителям о смерти дочерей? Этот тяжелый долг придется выполнить вам, товарищ парторг, — сказала Бершанская.

Долго просидела Мария над листом бумаги, мучительно, с болью в сердце искала слова, чтобы сообщить близким о горестной утрате. В эти часы она вспомнила первые дни и месяцы войны, то трудное и страшное, что довелось ей увидеть на дорогах Белоруссии.

Война застала Марию в городе Лида. В пятницу и субботу здесь проходила комсомольская конференция. Закончилась она

под грохот бомбовых взрывов.

Воскресное утро 22 июня 1941 года. Казалось, солнце поднялось раньше обычного, торопясь согреть страну ярким светом. Земля пробуждалась для мирного, счастливого дня. На востоке нашей огромной страны еще не знали о вероломном нападении фашистов, а на западе уже полыхал огонь войны. День 22 июня разорвал судьбы мирных советских людей, повлек за собой страдания и горе миллионов людей, слезы матерей, посеял разрушение и смерть.

Из Лиды Мария Рунт выехали на грузовой машине с партийными документами в Барановичи. Но и там не пришлось задержаться. Шла эвакуация на восток.

Горькой была эта дорога. Вереницей шли оставшиеся без крова люди старики, потерявшие близких, ребятишки, уцепившиеся за матерей, усталые женщины. А над дорогой, над самыми головами мирных людей с воем проносились гитлеровские самолеты, сбрасывали бомбы, строчили из пулеметов. За несколько суток нагляделась Мария на смерть, на разрушения и пожары, на тяжкое людское горе, которое не передашь словами. Вырвавшись из страшного пламени войны, она уносила в сердце ненависть к фашистским извергам и непримиримую жажду мести.

Вернувшись в родной Куйбышев, Мария заняла пост заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинского райкома ВКП(б). Шесть военных месяцев в тылу показались как шесть лет. Трудились с одной мыслью: «Все для фронта, все для победы!»

Было у кого и поучиться в эти шесть месяцев. Самое активное участие в работе Ленинского райкома партии Куйбышева принимали большевики-ленинцы Е. М. Ярославский и К. И. Кирсанова.

Мария понимала важность труда в тылу, но ее неудержимо влекло на фронт. Была уверена, что там она нужнее, принесет больше пользы, и она обратилась в Центральный Комитет ВЛКСМ с просьбой направить ее в действующую армию. Через полгода пришел вызов.

В 1970 году, выступая на праздновании 25-летия Международной федерации женщин, Мария вспоминала военные годы:

— Война с германским фашизмом была войной за мир. И мне выпала великая честь — я была в числе добровольцев Советской Армии, была парторгом женского авиаполка. Помню, будто это было только вчера, как юные, нежные, хрупкие девушки, добровольно пришедшие в этот авиаполк по призыву нашей

партии, летали ночами и неустанно бомбили врага. Не считались ни с погодой, ни с болезнями. Их ловили вражеские прожекторы, в них поливали огнем вражеские зенитки, за ними охотились вражеские истребители. Но ничто не могло сломить духа наших женщин — коммунистов и комсомолок. Они воевали за мир. И этой борьбе отдавали свои женские силы, неистощимые силы, свое сердце и душу. Отдавали и свои жизни. Двадцать три Героя Советского Союза в нашем полку, пять из них получили это высокое звание посмертно…

Я слушала Марию, а перед глазами вставал фронт. Южный фронт, куда мы прилетели в конце мая 1942 года, в дни ожесточенных сражений, когда гитлеровцы готовили широкое наступление на всех участках.

Каждую ночь мы вылетали бомбить наступающего врага. Приходилось отступать. Было горько и больно. Но рядом были старшие товарищи — командиры, коммунисты. Своим примером, своим горячим убежденным словом они помогали преодолеть трудности, вселяли веру в неизбежность нашей победы. В этот период смертельной опасности, угрожавшей стране, многие из однополчан подавали заявления о приеме в партию.

В одну из ночей августа мы с Олей Клюевой, отважным моим штурманом, вылетели на боевое задание. В этот день Олю приняли в партию. Перед вылетом она, волнуясь, сказала комиссару полка майору Рачкевич и парторгу Рунт, что на высокое доверие коммунистов ответит самыми эффективными боевыми полетами.

И вот взлетели. За плечами у нас к этому времени было немало сложных полетов. Но этот оказался на редкость трудным. На маршруте ждала низкая плотная облачность, цель закрывали тяжелые и мрачные десятибалльные облака. Сильный ветер затруднял выход на железнодорожную станцию Екатериноградская. Только Олю, казалось, ничто не могло смутить, поколебать. Она точно вывела самолет на цель. Противник встретил нас шквальным огнем. Казалось, пройти сквозь огневой заслон было невозможно. Но в голове билась одна мысль: прорваться! Во что бы то ни стало прорваться и ударить по эшелонам гитлеровцев.

— С тыла, обойдем их с тыла! — кричит в переговорный аппарат Оля.

— Точно!.. Обойдем гадов!

Заходим с тыла, но снова попадаем в лучи прожекторов. Зенитный огонь не прекращается. На какие-то доли секунды противник все-таки опоздал. Мы над целью. Только убрала газ, слышу команду Оли:

— Держать боевой курс!

Она уже целилась… Сбросили бомбы — внизу вспыхнул пожар. Радостное чувство победы охватывает нас — цель поражена. Мы благополучно уходим из зоны света и огня. Летевший за нами экипаж Симы Амосовой и Лоры Розановой доложил, что рвались боеприпасы…

Прилетели на аэродром. Нас, конечно, ждали. Докладываем командиру полка:

— Товарищ майор, задание выполнено, возник большой пожар!

Бершанская жмет нам руки:

— Поздравляю, девочки, еще раз поздравляю! А Ольгу особенно. Ведь сегодня она впервые шла в бой коммунистом.

Рядом с Бершанской была и Мария Рунт. Каждую боевую ночь она вместе с командиром и комиссаром находилась на старте, беседовала с летчицами, штурманами, техниками, оружейницами, для каждого умела найти то единственное слово, которое ему нужно было в этот момент.

В те дни, когда полк наш базировался в Ассиновской, Катя Рябова, штурман звена, получила письмо из Москвы. Письмо, сообщавшее о смерти Катиного отца и о гибели любимого брата Лени. Мы знали Катю всегда веселой, задорной, неунывающей. А тут словно подменили ее. Никто не догадывался, в чем дело. Катя молчала, таила горе в себе.

Вечером после постановки боевой задачи Рябова отошла в сторону. Лицо побледневшее, на глазах слезы. Мария почувствовала, что с ней неладно. Подошла, обняла:

— Что случилось, Катюша? Не молчи, скажи! Вместе легче любую беду встретить…

Катя не выдержала, расплакалась навзрыд, а потом сквозь слезы рассказала о своей великой утрате. Мария заволновалась:

— Катюша, тебе трудно. Может быть, лучше сегодня не лететь на задание? Может, лучше остаться?

— Нет, полечу обязательно. Буду мстить за папу, за Леню. Мстить беспощадно.

Когда стемнело, Катя — собранная, сосредоточенная — направилась к самолету, чтобы вместе с летчицей Надей Поповой лететь в район Моздока бомбить важную переправу фашистов через Терек.

Мария, как всегда, ждала возвращения девушек на старте, волнуясь больше, чем обычно. Она думала о том, как нелегко Кате, о том, что многим девушкам, подобно ей, пришли тяжелые вести, как нужны им дружеская поддержка, участие.

Когда экипаж Поповой и Рябовой вернулся и девушки

доложили командиру полка о выполненном задании — переправа была разрушена, Мария была рядом. Всем сердцем чувствовала она, что, как бы трудно ни было девушкам, они найдут в себе силы и мужество снова и снова подниматься в грозное ночное небо, выполнять задания командования, найдут в себе силы биться с врагом до полной победы.

Мужественно, стойко переносили девушки все лишения и тяготы этого, исключительно сурового периода войны. Район действий полка менялся чуть не ежедневно. Очертания линии фронта то: ке все время изменялись и ориентироваться с воздуха было исключительно трудно, существовала постоянная опасность сбросить бомбы на свои войска. А задания с каждым днем становились все более ответственными.

В августе на полковом партийном собрании в разгар сражения на Северном Кавказе были подведены первые итоги работы полка. С докладом выступила Мария Рунт.

— Самоотверженно, не зная устали, работали все — и летчики, и штурманы, и техники, и оружейники, — говорила парторг. — Безотказно действовала материальная часть. В самых сложных условиях поврежденные самолеты восстанавливались силами полка, ни один «раненый» самолет не был оставлен противнику. А наши боевые действия обошлись фашистам недешево…

В сентябре 1942 года мы получили первые правительственные награды. А в октябре орден Красной Звезды был вручен нашему парторгу. В скупых строках наградного листа говорилось:

> «…На фронте Отечественной войны тов. Рунт с 27 мая 1942 года. За этот период времени проявила себя как патриот своей Родины, как волевой командир, требовательный к себе и к подчиненным.
>
> Всего коммунистов в парторганизации полка 48 человек. Тов. Рунт заботится о росте партии. Со дня организации полка принято 26 человек.
>
> Партийная организация в полку занимает авангардную роль. Партбюро помогает командованию полка в выполнении боевых задач. Полк сделал 3041 ночной боевой вылет…
>
> Тов. Рунт личным примером дисциплинированности насаждает дисциплину в полку, всегда тем, где есть трудности…»

28 июля 1942 года полк получил приказ перебазироваться из пункта Спицевское к станице Кума. Фашистские танки

находились уже совсем недалеко от Спицевского. Весь личный состав полка улетел, наземный эшелон выехал. На аэродроме пришлось оставить самолет У-2 без винта.

Парторг с двумя девушками — Соней Лаврентьевой и Ниной Худяковой вызвалась остаться и спасти самолет.

Мимо опустевшего аэродрома, на котором совсем крошечными кажутся одинокий У-2 и стоящая рядом полуторка, проходят и проезжают бойцы, с каждым часом все реже и реже. Уходящие зовут девушек с собой, торопят, а техник Соня Лаврентьева спешит демонтировать свой самолет, спасти машину. Нина спрашивает:

— Куда бензин девать? Вывезти не на чем.

— Выливайте, — командует Мария. — Не оставлять же фрицам.

— Девчата держались молодцом, — рассказывала позже Рунт. — Нина, как настоящий бывалый старшина, запаслась буханкой хлеба. Из продовольствия только и была у нас эта буханка… А самолет доставили на новый аэродром, и он снова поднялся в воздух…

В другой раз при перебазировании не хватило машин. Группе из 13 человек под руководством Марии пришлось уходить пешком. И снова девчата проявили выдержку, мужество — никто не ныл, не жаловался на разбитые ноги, на голод и жажду…

А сколько раз, бывало, при бесконечных перебазированиях застревали в грязи машины?

Выпрыгнет из кузова Мария, скажет:

— Ну вот, опять сели. А ну, девчата, качнем.

В суровых условиях фронтовых будней наш партийный организатор умело использовала самые различные формы воспитательной работы. В полку постоянно проводились лекции, беседы, теоретические конференции, занятия по истории партии. С докладами на них выступали все — и командиры, и рядовые, и медики, и вооруженцы. Даже волновались одинаково. А какие выходили газеты и боевые листки — живые, злободневные, как жарко обсуждались статьи центральной и фронтовой печати…

В попку была создана атмосфера высокой коммунистической сознательности. Политработники старались, чтобы горячий энтузиазм и готовность самоотверженно идти в бой, с какими пришли девушки на фронт, чтобы этот огонь патриотизма не угасал. Торжественно, строго и вместе с тем страстно, активно и требовательно проходили наши партийные собрания. И на заседания партийного бюро коммунисты приходили с чувством партийной и воинской ответственности. Всякая боевая, политическая, культурно-просветительная и даже спортивная

инициатива подхватывалась всеми с удивительной готовностью.

Через семь месяцев боевых действий наш полк стал гвардейским. Мы были горды, счастливы этим высоким званием и поклялись оправдать доверие — бить врага по-гвардейски. Клятву наш 46-й гвардейский авиационный полк сдержал мы били врага на Кавказе и Кубани, над Таманью и Новороссийском, над Керчью и Севастополем, в Белоруссии, в Восточной Пруссии и в берлинском небе.

* * *

…В сентябре на юге еще совсем тепло. В столовой нас то и дело балуют свежими овощами, а главное — арбузами. Их привозят откуда-то из-под Геленджика, из-за гор, куда благодаря героизму наших воинов не ступил фашист. Кусочек Причерноморья сразу за Новороссийском был сплошь устлан осколками снарядов, бомб. Рассыпались камни скалистых берегов, обугливались деревья и кустарники. А люди выстояли и не пустили врага к Геленджику.

Полку в эти дни дано необычное задание. Восемь экипажей во главе с заместителем командира полка Серафимой Амосовой направлены в район Геленджика, отсюда они будут летать на Новороссийск, помогать малоземельцам.

Первый раз за время боевой деятельности полка мы разделились. Оставшиеся экипажи продолжали летать на прежние цели. Партийно-политическое руководство полком возглавила Мария Рунт.

Семь месяцев летали наши девушки на Новороссийск. Их боевая работа была отмечена благодарностью Верховного Главнокомандующего.

1100 боевых ночей осталось в жизни у каждого из нас. Ни мороз, ни слепящие лучи вражеских прожекторов, ни огонь зениток, ни фашистские истребители — ничто не могло устрашить наших девушек.

За освобождение Таманского полуострова полк получил почетное наименование «Таманский». На полковом празднике — митинге, посвященном этому событию, парторг прочла нам приветственное письмо ЦК комсомола… Лицо Марии светилось в эти минуты. Она гордилась своими боевыми подругами, не думая о том, сколь велика в победах наших доля ее труда, ее воли, ее самоотверженности. Наши подвиги были прежде всего подвигами партии большевиков, а Мария была одним из замечательных партийных организаторов. Вот еще одна запись в ее наградном

листе:

> «Тов. Рунт с первых дней пребывания на фронте Отечественной войны по борьбе с немецкими оккупантами работает в должности парторга полка. За весь период времени очень большое внимание уделяла росту партии. В результате хорошо поставленной воспитательной работы партийная организация выросла в этот период на 115 человек…
>
> Парторганизация под руководством тов. Рунт занимает авангардную роль в выполнении боевых заданий командования. Полк выполнил 14800 боевых вылетов. Тов. Рунт за время проведения Таманской и Керченской операций повседневно вдохновляла личный состав на выполнение боевых заданий. Сама тов. Рунт овладела штурманской подготовкой…
>
> За самоотверженную работу на фронте Отечественной войны гвардии капитан Рунт достойна второй правительственной награды ордена Отечественной войны И степени…»

Несмотря на огромную свою занятость, Мария решила научиться штурманскому делу, чтобы иметь более глубокое представление о работе летного состава. Училась самостоятельно, сначала втайне от всех. Когда обратилась к Ларисе Розановой с просьбой порекомендовать специальную литературу, та засмеялась:

— Мало вам, товарищ парторг, что вы днем работаете, ночью с нами не спите. Хотите еще и летать начать?

— Да нет, ну, мне просто надо познакомиться, — смущенно ответила Рунт.

А спустя некоторое время Мария пришла к Розановой и как штурмана полка попросила создать комиссию и принять у нее экзамены по штурманскому делу. Экзамен сдала успешно.

Нашего парторга отличало удивительное умение прийти на помощь именно в ту минуту, когда это было нужнее всего. Как-то раз — мы сражались в те дни в небе Кубани — я вылетела на задание с молодым штурманом. Неожиданно резко изменилась погода. Как ни пытались мы прорваться к цели, сделать этого не смогли. Пришлось возвращаться ни с чем. Помню, как переживала неудачу, как стыдно, горько было сознавать, что задание не выполнили. Я — командир эскадрильи, и опыт летный не мал, а вот не смогла… Мария долго разговаривала со мной:

— Нет таких людей, кто никогда не ошибается, — сказала она. — Только и ошибки нужно использовать для дела. Разберись

в причинах неудачи. И, пожалуйста, Марина, встряхнись! Мобилизуй себя! Ты командир, коммунист, ты не имеешь права ходить, опустив плечи и повесив голову…

Конечно, свое доброе дело парторг творила не в одиночку. Вместе с ней были и члены партбюро и все другие коммунисты.

Каждая имела опыт партийной работы. Шура Акимова, например, пришла в полк из педагогического института. В партию вступила в восемнадцать лет, перед самой войной. На фронт ушла добровольцем. Мечтала быть педагогом, а пришла в авиационный полк и стала не учить, а учиться — много и напряженно…

Акимова стала квалифицированным вооруженцем, затем старшим техником эскадрильи по вооружению. Без отрыва от боевой работы изучала штурманское дело. Будучи штурманом нашей учебно-боевой эскадрильи, с упорством и мастерством учила Шура боевых подруг сложному штурманскому искусству.

…В Крыму фашисты были прижаты к морю. Они цеплялись за каждый клочок крымской земли, особенно за Севастополь, и с моря, и с суши. Сокрушительные удары артиллерии, всех наземных войск, авиации сломили упорное сопротивление врага. Мы бомбили аэродромы, бухты, вражескую технику и живую силу. Здесь, на Крымском полуострове, экипажами полка было произведено 7500 бомбовых ударов по вражеским войскам, 7500 боевых вылетов! Только в боях за Севастополь мы совершили 1500 боевых вылетов. И всюду рядом с нами была парторг полка Мария Рунт, ярким словом коммуниста воодушевляла летчиц и штурманов, наземных специалистов на выполнение любых, самых трудных заданий…

Первыми среди лучших и на аэродроме, и в воздухе оставались коммунисты. Партийная организация продолжала расти. К концу войны более 180 девушек были приняты в партию. Полк стал коммунистическим.

И вот в октябре 1945 года состоялось наше последнее партийное собрание. Со светлой радостью возвращались мы к мирной жизни, к мечтам и планам, прерванным войной, но как же трудно было нам разлучаться, нам, прожившим вместе три таких коротких и длинных года войны, нам, сроднившимся в опасностях ночного фронтового неба, пережившим гибель своих подруг. О боевой дружбе, которая останется вечно, говорила на этом собрании бессменный наш парторг Мария Рунт.

Мы расстались, но дружба наша не остыла и спустя десятилетия. Встречаемся, переписываемся, все друг о друге знаем. Глубоко в сердце храним тепло фронтовой дружбы, и как же греет она в трудные минуты…

После войны Мария Ивановна вернулась в родной Куйбышев, на партийную работу. Уже в 1954 году она закончила аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, защитила кандидатскую диссертацию на тему «Проблема типического в эстетике революционных демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова». Сейчас М. И. Рунт — доцент кафедры русской литературы Куйбышевского педагогического института. Она ведет большую общественную работу. Много лет является депутатом Куйбышевского областного Совета народных депутатов, членом обкома КПСС, членом президиума областного комитета защиты мира, членом Комитета советских женщин. Часто встречается с молодежью, рассказывает о комсомольской юности своего поколения, о нелегких военных дорогах…

Женский характер

День был самый обычный — с пасмурного неба моросил мелкий неспешный дождик, а настроение — словно в самую ясную солнечную погоду. Вместе с Евдокией Давыдовной Бершанской, нашим командиром и старшим другом, мы шли в Академию общественных наук на защиту докторской диссертации. «Проблемы личной материальной заинтересованности в результатах хозяйственной деятельности предприятия» — так называлась эта научная работа. Тема, бесспорно, актуальная, интересная. Но мы спешили на защиту не только поэтому…

В зале было многолюдно: академики, крупные ученые, преподаватели столичных вузов. Свободных мест не было. Мы тихо прошли и сели в последнем ряду. Нет, мы не думали задавать соискателю ученой степени вопросов, не собирались выступать, но очень волновались и старались не пропустить ни слова из того, что говорила стоявшая у трибуны маленькая женщина в строгом темном костюме и светлой блузке.

Мы волновались, потому что диссертантом была бывший старший техник эскадрильи по вооружению, комсорг нашего полка Сашенька Хорошилова, теперь Александра Владимировна Архангельская, кандидат экономических наук, начальник кафедры политэкономии Одесского высшего инженерного морского училища. Слушая ее четкую, убедительную речь, мы успокаивались и проникались уверенностью, что наш Хорошил (так звали мы Сашу в военные годы) справится со своей непростой задачей.

— Саша убедит кого хочешь, — потихоньку говорила Евдокия Давыдовна, можете не сомневаться… И ведь какая сложная тема…

Тридцать три вопроса задали ей оппоненты — и на все получили твердые, убедительные ответы. Члены Ученого совета единогласно проголосовали за присвоение Архангельской звания доктора экономических наук…

А потом, после защиты, когда мы прощались, Саша говорила:

— Ну вот, вроде бы закончена работа. А у меня такое чувство, как будто самое трудное, самое увлекательное еще впереди. Смешно, скоро уж бабушкой буду, а самого увлекательного жду! Но, честное слово, девчонки, милые, столько еще хочется сделать… Хочу, чтобы кафедра наша работала хорошо, чтобы все аспиранты защитили свои работы… И пару монографий хороших написать…

Я слушала Александру Владимировну, солидную, наверно, уже можно сказать, — пожилую женщину, но нет, никак эти определения к ней не относились. Передо мной снова была жизнерадостная, неугомонная, быстрая и смекалистая девчонка из нашего полка — Саша Хорошил! Как она ловко умела работать! Как заразительно смеялась! А какие веселые, озорные частушки находились у нее в нужную минуту!

Как-то после бесконечной ночи трудных полетов, уставшие и озябшие, мы тащились к машине, чтобы уехать с аэродрома «домой». Хотелось поскорее добраться до постели и уснуть. И вдруг зазвенел задорный голос:

В поле вьюга, в поле вьюге,
Белая метелица!
Мы закончили работу,
А все еще не верится!

Раздался хохот, и усталость куда-то ушла — много ли для этого в молодости нужно. Но ведь и Саша устала, и ее силы были на пределе. Легко сказать — всю ночь напролет готовить боеприпасы, заряжать пулеметы, подвешивать к самолетам две тонны бомб!

— Да, нелегким был труд вооруженцев, — вспоминала Александра Владимировна. — Бывали ночи, когда наши «ласточки» с аэродромов подскока по 16–17 вылетов делали. Я была старшим техником эскадрильи. Готовили самолеты к вылету за две минуты: нужно было и мотор осмотреть, и заправить машину горючим, и бомбы подвесить…

И вот в этой работе Саша — самая маленькая среди подруг, — казалось, не знала усталости и никогда не теряла жизнерадостности. Где черпала она силы? Как сложилась ее удивительно цельная и такая целеустремленная натура?

Детство ее в бедной крестьянской семье было нелегким. Само время было тяжелое.

Все четыре зимы в начальной школе Саша пробегала в отцовских, много раз подшитых огромных валенках с оборванными голенищами. Но помнится не только это. Школьные годы — светлые, несмотря на все житейские неурядицы и невзгоды. Училась Саша всегда увлеченно, схватывала все буквально на лету. Активная, энергичная, она участвовала во всех начинаниях.

Пионеры выезжали со спектаклями в села, даже сами пытались писать пьесы, ходили по домам и уговаривали сверстников не ходить в церковь, выступали с докладами в

колхозах на антирелигиозные темы. Знаний было маловато, но страстной убежденности в правоте — через край. Один из Сашиных докладов кончился в буквальном смысле плачевно. Старики забросали ее вопросами, а один особенно упрямый дед прямо заявил, что своими глазами видел и бога, и черта. У Саши не осталось больше аргументов. Она слезла с табуретки, на которой стояла во время доклада, и, убежденно крикнув: «Ни бога, ни черта нет!», — бросилась из избы со слезами…

Упорство, настойчивость и трудолюбие были свойственны ей и в самом юном возрасте. Учась в семилетке, Саша очень полюбила математику и первенства в любимом предмете никому уступить не хотела.

После семилетки — педучилище, куда Хорошилову как отличницу приняли без экзаменов.

В педучилище Саша вступила в комсомол, была секретарем комсомольской организации, членом пленума райкома ВЛКСМ. После окончания училища была направлена в Москву для продолжения учебы в педагогическом институте.

Будущее было таким прекрасным. Но началась война. Она застала Сашу на экзаменах, на которые она приехала из-под Москвы, из лагеря, где работала пионервожатой. Экзамены сразу же отошли на второй план. Первой и главной задачей стало попасть на фронт. День начинался с осады военкомата. Девушки готовы были идти на фронт кем угодно: прачкой, поварихой, — все равно, только бы на фронт. Некоторых из подруг взяли, а Сашу — никак, подводил маленький рост.

В начале октября Саша дежурила в комитете комсомола. После ухода на фронт Манфреда Рыскина, секретаря вузкома ВЛКСМ, она осталась его заместителем. Раздался телефонный звонок.

— Говорит Григорий Розанцев из ЦК ВЛКСМ!

— Хорошилова слушает.

— Товарищ Хорошилова, нужны семь девушек — пулеметчицы, парашютистки и с хорошим почерком. Найдите подходящих и завтра направьте ко мне, в ЦК.

— Хорошо, сделаем, — ответила Саша.

Но на следующий день одна из найденных девушек в ЦК ВЛКСМ не явилась, заболела.

— Слушай, Хорошилова, а сама хочешь на фронт? — спросил Розанцев.

— Конечно, хочу, — чуть не выкрикнула Саша, но тут же сникла: — Только секретарь парткома приказал мне оставаться на месте в связи с подготовкой института к эвакуации.

— Ничего, беру ответственность на себя. Отправляйся с

девушками в ЦК комсомола, там работает мандатная комиссия.

Площадь Дзержинского была полна, так что даже пройти к зданию было не просто. Протолкнулись, выяснив по дороге, что председатель мандатной комиссии — Марина Раскова, что комиссия интересуется знаниями в области авиации. А знаний этих у завтрашних учителей почти никаких не было. Постарались сориентироваться на ходу, запастись на всякий случай авиационными терминами, И когда Хорошилову спросили, какие самолеты она знает, Саша уверенно выпалила:

— «Як», «шмас», «шкас»…

Гораздо позже Саша узнала, что «шкас» — пулемет, а ШМАС — школа младших авиационных специалистов. А тогда майор Раскова сказала с улыбкой:

— Нельзя отказывать кандидату с такими серьезными знаниями по авиации.

После собеседования студенток направили на сборный пункт в академии имени Жуковского на медицинскую комиссию. Девушки волновались. Но особенно перетрусила Саша, когда из академии будущие авиаспециалисты отправились пешком на вокзал. Сапоги ей достались большого размера, и пока девушки топали от академии через всю Москву на Казанский вокзал, ноги буквально ломило от усталости. Очень боялась, что отстанет от колонны.

В огромной, не по росту, шинели, в грубых кирзовых сапогах Саша шагала в конце колонны, кажется, на одном самолюбии.

Когда прибыли на Волгу к месту учебы, девушек стали распределять по группам — Саша попала в группу вооруженцев, так как у нее не было летной специальности и трех курсов института, С тремя курсами брали в штурманскую группу.

Учебу она закончила отлично и была зачислена на должность техника эскадрильи по вооружению!

Семь месяцев учебы сделали нас военными людьми. Мы не просто осваивали новые специальности, мы проникались сознанием воинского долга, пониманием воинской дисциплины. Не все сразу получалось у девушек, были и оплошности, и неудачи, но было и великое желание научиться бить врага…

Помнится, как критиковали наших вооруженцев на собраниях и в стенгазете за то, что в минуты отдыха они присаживались на цементные тренировочные бомбы. Уроки даром не прошли — даже с учебными бомбами девушки стали обращаться по всем правилам. Подвешивая бомбы к самолетам, учились работать в темноте, проверяя на ощупь, правильно ли закреплена бомба, крепко ли закрыт замок.

Подруги удивлялись, глядя на Сашу, — чтобы не ошибиться,

она редко надевала перчатки, подвешивала бомбы голыми руками в любой мороз. А зима в тот год выдалась особенно суровая.

— У меня руки особые — морозоустойчивые, — посмеивалась Саша. Только потом мы поняли, что дело было в сноровке, скорости, с какими действовала Хорошилова. Поняли, но не переставали удивляться ее работе.

В условиях фронта Саша показала себя умелым организатором. Она вводила новые приемы подвески бомб, придумала бригадный метод работы, стремясь всеми способами сократить время на снаряжение самолета между вылетами. Плоскости По-2 — низкие, работать можно только в полусогнутом положении, да и приспособления для подвозки бомб были самые примитивные. Но с такими трудностями никто не считался. Работали ответственно, четко, да еще и с шутками, смехом. Ухитрялись подготовить машину между вылетами за две минуты!

Уже в дни учебы была создана комсомольская организация полка. И, конечно, такой человек, как Хорошилова, не мог остаться в стороне. Вместе с Женей Рудневой, Катей Рябовой, Машей Смирновой, Ниной Худяковой, Раей Маздриной Саша была избрана в состав бюро, заместителем комсорга Оли Фетисовой, а после того как Оля стала начальником строевого отдела полка, Сашу избрали комсоргом. Нашим боевым комсомольским вожаком она оставалась до конца войны…

Да, в Саше было всегда что-то от вожака — быть первой в трудном деле, не трусить, не бояться ответственности. Когда Хорошилову избрали комсоргом, работы у нее основательно прибавилось. По-прежнему она трудилась со своими вооружениями или была с техниками, с летчиками. Человек душевно широкий, открытый, Саша умела выслушать товарища, готова была разделить с ним и горе, и радость, но могла и сурово отчитать, если требовалось. И это не вызывало обиды — в ее словах звучала такая убежденность в правоте, что обидеться и в голову не приходило. А кроме того, строже чем к кому-либо Саша относилась к самой себе, к своим поступкам.

Когда Хорошилова стала комсоргом полка, она решила овладеть штурманской подготовкой, считая, что только летающий комсорг может обеспечить выполнение боевых заданий комсомольцами. Саша занималась под руководством Жени Рудневой, штурмана полка. Вот как она сама вспоминает об этом:

> «Летать на боевые задания я стала не сразу. Именно желание летать как можно быстрее меня и подвело. Мне показалось, что после сдачи зачета и нескольких

предварительных полетов я уже все знаю. Полетела на первый боевой вылет с Ниной Распоповой. Попали в страшную переделку. Тут-то и сказалась моя поспешность. Под лучами прожекторов мне трудно было правильно сориентировать летчицу, как быстрее выйти из-под огня. Ей пришлось делать это самостоятельно. (Нина, ослепленная светом прожекторов, не могла видеть показаний приборов и действовала, по сути дела, наугад. В довершение всех бед соскочил шарик бомбодержателя. Саша поспешно обмотала трос вокруг ладони и с усилием принялась дергать его, до крови расцарапав ладонь. — М. Ч.) Когда все осталось позади, я уже подумывала, как буду рассказывать о таком трудном полете своим подругам.

Но когда увидела, в каком состоянии Нина Распопова выходила из кабины, желание похвастаться удачей сразу пропало. Пришлось опять просить Женю Рудневу, чтобы еще со мною позанималась. И уже после вторичной подготовки я смогла по-настоящему выполнять обязанности штурмана экипажа. К великому сожалению, летать приходилось редко — когда был неукомплектован какой-либо экипаж и когда разрешала летать заместитель командира полка по политчасти Евдокия Яковлевна Рачкевич…»

В тот первый полет Саша решила раз и навсегда: «Прежде, чем чго-то делать, надо научиться тому, как это делается». Это осталось ее правилом на всю жизнь. Когда после дополнительных занятий Хорошилова вылетела с пилотом Полиной Белкиной на бомбардировку вражеского склада, задание было выполнено — бомбы легли точно в цель. Впоследствии Саша летала и на Севастополь, бомбила бухту с вражескими кораблями. На счету полкового комсорга более ста вылетов…

Это было под Батайском. Июльская степь с высокими, уже начавшими подсыхать травами. Длинные жаркие дни, пропахшие полынью и чабрецом, оглушенные несмолкаемым звоном кузнечиков Короткие ночи, до краев заполненные боевой работой. Горечь отступления. С того трудного времени это и осталось: как услышу запах разогретой солнцем степной травы, на душе делается тревожно.

В один из июльских дней старшего техника эскадрильи по вооружению Александру Хорошилову принимали в партию. Этого дня Саша ждала с волнением. Неожиданно накануне случилась беда. Самолет Дины Никулиной и Жени Рудневой вернулся из

боевого вылета с бомбой. Машину к вылету вместе с другими готовила Саша. Одна из бомб над целью зависла, и экипаж вынужден был вернуться на аэродром и садиться с нею, хотя от сотрясения при посадке бомба могла взорваться.

Обошлось все благополучно. Бомбу Саша сняла сама, своими руками. А потом ушла в поле, за хутор, упала в траву и, дав себе волю, горько расплакалась. Здесь и отыскала ее Мария Рунт, секретарь партийного бюро полка.

— Саша, да ты что? Разве можно так?

— Меня же в партию не примут теперь, скажут, не оправдала доверия, захлебывалась в слезах всегда такая спокойная и веселая Саша.

— Каждый может ошибиться, — уговаривала Рунт, а потом уже строже сказала: — Возьми себя в руки! Мы на фронте.

Эти слова подействовали.

На следующий день в шалаше на краю аэродрома шло заседание партийного бюро. Только Саша начала рассказывать биографию, как в воздухе появились вражеские самолеты, начался налет, совсем близко разорвалась бомба. Мария Ивановна скомандовала:

— В траншею!

Самолеты пролетели, и все вернулись в шалаш, А через несколько минут новый налет бомбардировщиков противника — пришлось снова идти в укрытие. И так трижды. Наконец, Рунт не выдержала:

— Ничто не может помешать делу приема в ряды коммунистов! Продолжайте, товарищ Хорошилова.

И Саша продолжала свой рассказ, будто и не слышала грохота бомбовых взрывов, гула вражеских самолетов… За прием комсомолки Александры Хорошиловой в члены партии товарищи проголосовали единогласно.

Война — суровое, тяжкое испытание характеров. В огне ее сгорало все мелкое, наносное и выплавлялись характеры удивительной силы и чистоты.

Наша жизнь была содержательной, очень наполненной, несмотря на однообразность фронтовой обстановки, на недостаток времени. И немало для этого сделала комсомольская организация и наш бессменный комсорг Саша Хорошилова. В свободное от полетов время мы и спортом успевали заниматься, и художественной самодеятельностью, выпускали стенную газету, боевые листки и даже литературный журнал. Вот что писала в нем в 1943 году Женя Руднева:

«Скоро год как мы на фронте. Всего только год, а как

мы изменились, как выросли! Были в жизни каждой из нас отдельные годы, очень значительные, но никакие два и даже три года, вместе взятые, не оказывали такого влияния на воспитание характера, на закалку воли и мужества, на всю нашу жизнь, как этот год войны.

Мы пришли отовсюду — из Осоавиахима и ГВФ, из вузов и техникумов, с заводов и фабрик: пришли такие молодые, как 17-летняя Вера Маменко, и „пожилые“ — в основном 22-летние. Из Москвы и Саратова, из Киева и Керчи, из Иркутска и Калинина — все собрались для того, чтобы участвовать в борьбе за Сталинград, драться за Керчь и Киев…

Сказался год совместной работы. Судьба каждой стала кровным делом остальных. И новое пополнение, вливаясь в среду гвардейцев, чувствует это.

Пусть наши лица обветрены, пусть кожа на руках огрубела от ночного холода — мы остались прежними. Посмотрите на любую из наших подруг и вы увидите, что это так.

Вот Наташа Меклин, скромная, спокойная девушка. По ее внешности можно подумать, что ремесло воина, такое суровое, ей не по плечу. А ведь она боевой штурман, дважды орденоносец, без отрыва от боевой работы овладела специальностью летчика-ночника. Она осталась такой же скромной и милой девушкой, какой пришла в армию полтора года назад, будучи студенткой МАИ. Вот ее летчик — дважды орденоносец Ира Себрова, самая дисциплинированная, выдержанная летчица в эскадрилье… А Ира Каширина, чьи стихи девушки помнят наизусть! Она пришла сюда техником, сейчас она штурман, а недавно награждена орденом Красного Знамени за то, что не растерялась в трудный момент, спасла самолет, проявила мужество и умение. Бумаги не хватит всех перечислить. А назвать можно всех, потому что все мы за этот год стали взрослее на 5 лет, и каждая на своем посту старается бить враге, как можно эффективнее…»

Выражая наши общие чувства и мысли, Женя писала тогда: «Счастье. Разве это только личное благополучие? Нет, конечно нет! Мы, добровольно пришедшие в армию по путевкам комсомола, счастливы от сознания, что каждая из нас имеет право сказать: „Я — борец за народное счастье“. Каждый день, разумеется, об этом не думаешь. Жизнь складывается из

отдельных деталей, из мелочей и основного — боевой работы. И если на работе у тебя все в порядке, о мелочах забываешь. Если свезешь фрицу хороший „подарочек“ и у них там получится приличный взрыв или пожар, то все — пустяки: и непорядки в столовой, и холод в общежитии…

Мы ссоримся иногда друг с другом — на работе без этого невозможно, но это опять мелочи, это зависит от характера людей, от того, кто как понимает свои обязанности. Вот пример. Я штурман эскадрильи, а Хорошилова — техник нашей эскадрильи по вооружению.

На старте, дома, при разборе полетов, на партийном и комсомольском собраниях мы всегда с ней ругаемся по поводу подвески бомб… А вообще, Саша — одна из моих лучших подруг в полку, мы с удовольствием вместе проводим время. Одинаково болеем за работу полка в целом, и наши споры ведут к улучшению работы.

Мы пережили горечь отступления, мы знаем радость побед, настроение за день часто определяется тем, какая утром была сводка. Зря я так много говорю, можно короче — больше всего в мире мы любим свою Родину и счастливы тем, что в состоянии отдать ей все, жизнь — если понадобится. Затем и шли. Мы очень любим свой полк, дорожим честью быть в нем, горды его успехами, больны его неудачами…»

Да, именно так мы все и чувствовали, как писала об этом Женя. Каждую ночь и каждый день комсорг полка Саша Хорошилова была на старте, среди подруг, прошла с полком весь его трудный и славный боевой путь. В боевой славе полка есть и ее доля…

Кончилась война. И мы могли, наконец, вспомнить о том, что мы — женщины и имеем право на свое негромкое человеческое счастье — свой дом, для уюта которого не жаль забот, семья, любимый человек рядом. Счастье, о котором мечталось, которое трудно было себе представить во фронтовой землянке. И наверное, каждой женщине-воину, ставшей женой воина, думалось о том, что теперь долгожданный конец всем разлукам…

Но у Саши Хорошиловой разлуки еще не кончились. Сергей Архангельский, ее муж, остался служить в армии. Быть рядом с ним — счастье, но посвятить себя только тихим семейным радостям для Саши было мало. И потому пришлось снова разлучиться — она едет в Москву продолжать учебу в педагогическом институте, учебу, прерванную на четыре года войной.

«Встретил нас институт, вопреки ожиданию, плохо, — писала она в письме. — Как оказалось, был приказ о нашем отчислении в

связи с неявкой в институт. Нас не хотели принимать обратно. Ректором был уже другой человек. И секретарь парткома прежний уже не работал. Мы доказали ошибочность приказа. Приняли и дали общежитие. Второй раз пришлось сразиться по поводу стипендии. Сказали, что наши зачетные книжки потеряны и в отличниках мы не числимся, а стипендию давали только им. Но мы заставили книжки найти. Все встало на свои места. Мы стали в полном смысле слова грызть гранит науки, так соскучились по учебе. За один год я сдала за третий и четвертый курс. Окончила институт досрочно, диплом с отличием получила…»

После демобилизации Архангельские поселились в Кузнецке Пензенской области. Александра Владимировна преподавала историю в средней школе и удивляла коллег тем, что стала очень серьезно изучать политэкономию.

— Все дело, наверно, в том, — рассказывала она позже, — что, сдавая экстерном в институте, я не читала «Капитал». Решила разобраться. Пока осилила, увлеклась. Да вот попробуйте сами на досуге перечитать ленинские работы. Не для экзамена — просто для себя. Перечитайте, например, «Что делать?» Испытываешь наслаждение от стиля, от глубины доказательств.

Работала, училась одновременно, тем временем росла семья. Было ли трудно? Конечно. Заканчивала институт — родилась дочка Лариса. Здесь, в Кузнецке, родился сын. И вот — муж допоздна на службе, дочку после детсада негде оставить, а в яслях ждет маму нетерпеливый Вовка. Сможет ли молодая учительница истории совмещать свою основную работу и общественную (Александру Владимировну избрали секретарем школьной партийной организации) с научным трудом? Смогла, все смогла. А мало ли женщин, для которых дом и семья стали преградой на пути к мечте? Мало ли тех, кто оставил учебу, потому что семейные заботы связали по рукам и ногам, и кто потом лишь вздыхал, делая нелюбимую работу и вспоминая то, о чем мечталось смолоду?

Но нет, у Александры Владимировны был иной характер, а судьбе словно нравилось испытывать его на крепость. Она уже сдала кандидатский минимум и поступила в аспирантуру, когда серьезно заболел муж — война напомнила о себе. В Куйбышеве, где в это время жили Архангельские, в маленькой тесной комнатке у постели больно; о мужа Александра Владимировна продолжала заниматься научной работой и в то же время была и сиделкой, и хозяйкой, и матерью двух детей. А под сердцем бился уже третий.

В медицинском, где Архангельская преподавала политэкономию, ей предложили отложить защиту.

— Отложить? — улыбнулась Саша. — Да ни за что! Буду защищать даже в роддоме, если оппоненты согласятся туда прийти.

Через два месяца после защиты родился Мишка.

Наверно, можно успокоиться — дружная семья, трое детей, любимое дело. Только не тот характер, чтобы остановиться. Началась работа над докторской диссертацией. Еще напряженнее стал ритм жизни — подъем не в 7, а в 6.30. Зарядка, холодный душ. Рассчитано все до минуты — дети растут и забот прибавляется. На столе у мамы рядом с ее конспектами — детские тетради и дневники, пишущая машинка, которую иной раз сменяет швейная.

— Как ты все успевала, Саша?

— Все, наверно, никогда и не успевала, — смеется по обыкновению она в ответ. — Главное, люди всегда хорошие рядом были. Помню, жили в коммунальной квартире. Позвонишь соседке и просишь помочь Володьке суп разогреть. Она и разогреет, и в тарелки им нальет. Это ведь с какой стороны смотреть — легко или трудно. Трудно, конечно, жизнь наша семейная после войны начиналась. Приехали к свекрови с огромным чемоданом, а в нем — сапоги мои да котелок. И легко потому, что Сережа все время был рядом со мной. Детей мы растили сами, без бабушек. И Сережа всегда помогал, а ведь сам тоже все время учился после войны школу окончил, потом институт, кандидатскую защитил. Даже неправильно говорить — помогал. У нас просто все общее было, все заботы, все-все. А в этом главное семейное счастье…

О таких людях, как Александра Владимировна, часто говорят: «Счастливая. Во всем везет». И невдомек рассуждающим, что не в везении дело. В чем же секрет успехов? В характере, в отношении к жизни — активном, наступательном, секрет в неустанном, упорном труде, в горячей преданной любви к своему труду. Преподавание, научная работа — ко всему Александра Владимировна относится со страстью, но самым главным своим делом считает воспитание студентов. Она убеждена: ни отличным знанием предмета, ни ораторским мастерством не обойтись настоящему педагогу. Успех преподавания определяет сам учитель, его личность, его пример.

Студенты говорят, что на лекциях Александры Владимировны Архангельской не бывает скучно — в жарких спорах, которые так часты на ее занятиях, молодые учатся отстаивать свои взгляды. Мало получить знания, говорит Александра Владимировна, нужно, чтобы они будили мысль, превращались в твердые марксистско-ленинские убеждения. Любят студенты беседы

Архангельской, которые она нередко проводит прямо в общежитии. О чем только не ведутся разговоры в такие часы! Сегодняшний день и день минувший, героические подвиги комсомольцев на фронте, учеба и труд наших современников. Время летит незаметно.

Вырастают ученики, уходят в большую жизнь и на долгие годы сохраняют в сердце благодарность учителю. «Когда у меня на душе радость, — пишет в письме к Архангельской бывшая ее студентка, — я вспоминаю Вас. И когда беда, я тоже прежде всего вспоминаю Вас. Представляю себе, как бы Вы поступили в таком случае, и нахожу выход. Ваш пример, все, что Вы сделали для меня, будет светить мне всю жизнь».

Уходят ученики. Но приходят новые. И не убавляется с годами дел и забот, по-прежнему каждый день Александры Владимировны Архангельской насыщен до предела. Жить по-другому наш комсорг просто не умеет.

Беспокойное сердце

31 мая 1961 года в подмосковном городе Мытищи открывался парк Мира. На митинге, посвященном его открытию, выступала ветеран Великой Отечественной войны Нина Максимовна Распопова.

— Завтра — Международный день защиты детей. Пусть он будет теплым и солнечным, — говорила она. — Но я хочу сказать о завтрашнем дне наших детей в самом широком смысле этого слова. Судьба его, судьба будущего в наших руках. Люди должны отстоять мир на планете, мир для всех детей. Мы помним войну. В те огненные годы мне довелось пройти фронтовыми дорогами от Кавказа до Берлина. На этом пути мы оставили немало могил, в которых лежат наши подруги. Они не стали матерями… Горе везде горе. Не могу забыть изможденные лица детей Смоленска и тех, кого мы видели в развалинах польских или немецких городов. Пусть это страшное время никогда не повторится… Пусть для детей раскроется широкий мир науки, искусства, созидательного труда и пусть они всегда живут под мирным небом…

В Мытищи Распопова вернулась сразу после войны — здесь начиналась ее летная биография, отсюда она уехала осенью 1941 года к месту формирования женского авиаполка. Мытищинский городской комитет партии направил ее на работу в городское отделение общества «Знание». Предложение было по сердцу Нине — она умела и любила работать с людьми. На фронте была парторгом эскадрильи.

Нина Максимовна не умеет жить без забот. Депутат Мытищинского горсовета Распопова всегда с людьми, всегда готова прийти на помощь и словом, и делом. «Человек с отзывчивым сердцем» — так отзываются о Нине Максимовне все, кто ее знает. Услышав как-то, что у двух врачей поликлиники тяжелые жилищные условия, Распопова взялась помочь женщинам. Обратилась в городские организации, несколько раз ездила в город Бабушкин, где жила заболевшая врач Кореннова, старалась ободрить попавшего в беду человека… Комнаты врачам были предоставлены.

По инициативе Распоповой появилась в Мытищах детская музыкальная школа. Как-то Нина Максимовна узнала, что в школе, где она была председателем родительского комитета, много ребят, увлекающихся музыкой, а заниматься им негде. Тогда было решено создать фортепианный кружок. Он и стал началом музыкальной школы. Но не сразу Москва строилась.

Много пришлось похлопотать Нине Максимовне, не раз обращаться с просьбой к руководителям предприятий, в исполком. Горсовет дал деньги на инструменты, директор школы отвел для занятий музыкой весь пятый этаж. Сейчас в Мытищинской музыкальной школе занимается около 500 человек. Каждый год Распопову приглашают на отчетный концерт участников музыкальной школы. Она слушает выступления маленьких скрипачей, пианистов, и теплом загораются ее глаза — ведь во всем этом есть и ее доля труда.

С такой же настойчивостью помогала Распопова и строительству в своем городе Дома быта. Да и парк Мира, с которого начался наш рассказ, тоже вырос на пустыре и не без участия Нины Максимовны… И первые цветы в нем посажены ее руками.

…Как открывается человеку небо? Для всех по-разному, наверно. Нина родилась на Дальнем Востоке, а селе Магдагаг. Родилась в пути — отец работал в то время на строительстве железной дороги. И отец, и мать были неграмотными, жилось трудно: семья большая, а заработок у отца случайный. Когда Нине исполнилось десять лет, умерла мать. Перед смертью, прощаясь с детьми, прижала Нинину кудрявую голову к груди и сказала: «Ну, а эта лохматая голова не пропадет!» Знала мама, какой отчаянный и твердый характер был у ее дочки.

Потом была работа на приисках, комсомол, учеба в Благовещенском горнопромышленном техникуме. Нина уж закончила третий курс, когда ее вызвали в горком комсомола и предложили идти на учебу в авиационную школу. Шел 1932 год.

Нелегко доставались комсомолке Распоповой учеба в Хабаровской авиашколе. Среди курсантов было всего две девушки. Доказать во что бы то ни стало, что справляются с учебой не хуже парней, — это было для них делом чести. Но вот сданы теоретические дисциплины, наступило время летной практики.

— Ах, как помнится первый ознакомительный полет! — вспоминает Нина Максимовна. — Ощущение высоты, полета, удивительной какой-то свободы захватило меня. Я обо всем забыла… Сели, инструктор спрашивает: «Ноги-то до педалей достают у тебя?» — «Достают», — говорю. Да где там! Роста не хватало, приходилось сдвигаться на край сиденья. Очень боялась, что из-за роста отчислят.

Самостоятельный вылет, который Нина выполнила одной из первых в группе, был оценен на отлично.

После окончания Хабаровской авиационной школы Распопова работала в Омском аэроклубе летчиком-инструктором. Здесь она

летала не только на самолете, но и на планере, прыгала с парашютом. За четыре года работы в Омске Нина подготовила не один десяток летчиков, выросло и ее собственное мастерство. Как одного из лучших инструкторов ее направили в Москву, в Центральный аэроклуб на курсы по совершенствованию летчиков-инструкторов. После успешного их окончания Нина получила назначение в Мытищинский аэроклуб.

Война поломала все планы. Уходят на фронт товарищи. Каждый день Нина ждет, что наступит наконец-то ее черед. Пасмурным снежным днем 6 октября, как всегда, продолжались полеты. Нина произвела очередную посадку, когда к ее самолету подошел инженер аэроклуба с телеграммой.

— Тебе вызов в Москву. Быть в теплой одежде. Сборы были быстрыми. Друзья с завистью проводили Нину: каждый в те дни рвался на фронт…

Одно из первых испытаний, выпавших на долю летчицы Нины Распоповой, пришлось выдержать еще в дни нашей учебы при формировании полка. Нина пришла в полк, имея уже немалый летный стаж по сравнению с другими девушками. Ей казалось, что она в совершенстве владеет самолетом. «Зачем тянуть время, скорее бы на фронт». Так думала не только она.

Но когда начались полеты в закрытой кабине по приборам, Нина убедилась, что тренировка необходима, — в аэроклубе таких полетов выполнять почти не приходилось. Вместе со всеми Распопова летала по маршруту, в прожекторах, на учебное бомбометание, упорно овладевала техникой вождения самолета в ночных условиях.

Учеба подходила к концу. Полк выполнял последние вылеты по маршруту ночью и на бомбометание. Нина со своим штурманом Ларисой Радчиковой вылетела по маршруту — этот полет чуть не стоил им жизни. Испортилась погода. Сели в поле близ села, сломали винт и шасси. Переночевали в крестьянской избе.

На другой день привезли винт. Местные жители помогли экипажу подготовить площадку для взлета, и девушки вернулись на аэродром. Командир звена Женя Крутова рассказала им, как она выполняла полет. В ту страшную ночь экипаж Крутовой вышел к аэродрому и совершил посадку лишь благодаря случайно увиденному прожектору. После приземления выяснилось, что Женя долетела буквально на последних каплях горючего…

Летние месяцы сорок второго, жаркие и душные, насыщенные грозами, пропитанные горечью отступления. Мы бомбили укрепления гитлеровцев, войска противника, то и дело меняя место базирования, что вносило большие трудности в боевую

работу.

С Ниной Распоповой мы летали в одной эскадрилье. Она была опытнее большинства наших девушек и летала, как настоящий боевой летчик. Я часто обращалась к ней за помощью, да и не я одна…

— Марина, а ты помнишь ту ночь, когда мы перелетали в Чалтырь? спрашивает меня Нина.

Еще бы не помнить! Чалтырь — это был аэродром подскока. Мы прилетели сюда и должны были, заправившись, лететь ближе к линии фронта. Но началась сильная гроза и ливневый дождь. Ветер с силой кидал потоки воды в стороны. Самолеты с уже подвешенными бомбами трясло от этих диких порывов. А черное небо то и дело раскалывали ослепительные зигзаги молний, за которыми почти без перерыва следовали раскаты грома. Мы безуспешно прятались от дождя под плоскостями наших «ласточек». Взлетать же в такую погоду было нельзя.

А совсем недалёко от нашей площадки проходила дорога, по которой шли в наступление фашисты. Шум грозы перекрывал и грохот канонады, и лязг танковых гусениц.

Что может быть хуже чувства бессилия? Мы не могли ни улететь к фронту, ни вернуться на основной аэродром. Любой немецкий танк мог свернуть на нашу площадку, и мы для него были бы отличной мишенью… Только на рассвете гроза и ливень стихли. Мы взлетели чуть не на глазах у противника. Маскируясь, на бреющем полетели на точку базирования, опасаясь нарваться в воздухе на вражеские истребители. Внизу дымилась поруганная, истоптанная фашистскими сапогами земля. Сердца сжимались от боли и ярости… Да, такие ночи не забываются!

Каждую ночь наши маленькие фанерные самолетики бомбили наступающие части врага, и чуть не каждое утро нам приходилось перебазироваться все дальше на восток. Чувство бессилия изменить это положение, чувство вины перед теми, кто оставался, делали нас раздраженными, злыми. Помнится, на хуторе Воровском мы замаскировали самолеты в садах, вышли на улицу и присели на скамейку у палисада. В очень ясном, просветленном утреннем небе вставало такое красочное, такое мирное солнце. За спиной под легким утренним ветерком шептались вишни. И к этой сказочно-красивой земле приближались ненавистные фашисты.

Мимо нас шагал высокий пехотинец, запыленный, усталый. Наши отступающие части уже прошли, а он, видимо, отстал и догонял своих. Неожиданно Нина со злым блеском в глазах едко сказала:

— Эй, пехота, сапоги смазали и так драпаете, что мы на

самолетах за вами не успеваем гнаться!

Солдат съежился, как от удара.

— Нина, зачем ты так? — негромко сказал кто-то из девушек в неловкой, напряженной тишине.

Распопова виновато и зло вскинула глаза, махнула рукой и, резко повернувшись, молча ушла в дом. На глазах у нее блестели слезы…

В одном из боевых вылетов на самолете Нины был поврежден винт — отбит конец лопасти. Все экипажи срочно вылетали на новую точку базирования. Тоня Рудакова, техник машины Распоповой, со слезами обратилась к летчице:

— Неужели бросим самолет? Ведь весь исправный… Что делать?

— Тоня, давай отпилим конец и у второй лопасти, ведь мне лишь бы до Эльхотова дотянуть, а там сменим винт. Рискнем, Тонечка, неужели же безлошадными оставаться! Утри слезы и за работу, — сказала Нина.

Так и сделали. Опробовали мотор. Машину трясло, как в приступе лихорадки. А улетать надо срочно. Противник был уже совсем близко. В задней кабине с Распоповой вызвалась лететь техник звена Мария Шелканова. Она села в машину с инструментами, словно могла чем-то помочь в полете.

Самолет взлетел, набрал высоту. Вибрация не прекращалась. Маша, привстав в кабине, все время оглядывала узлы и расчалки. Так с горем пополам долетели до Эльхотова. Экипажи других самолетов с готовностью уступили дорогу поврежденной машине. К вечеру доставили новый винт, Нинину «ласточку» ввели в строй. Ночью наша боевая подруга снова бомбила наступающего врага.

Через несколько дней самолету Распоповой снова крепко досталось. В одном из вылетов Нина с Лелей Радчиковой попали под такой обстрел, какого еще ни разу не испытывали. Да ведь и боевой опыт у них был еще невелик. Цель на этот раз у нас была общая с летчиками соседних полков. В воздухе творилось что-то страшное.

Несколько минут, показавшихся очень долгими, Нине не удавалось вырваться из-под обстрела. Тогда она решила пикировать на большой скорости и буквально над самой землей вышла из зоны огня. Противник решил, что самолет сбит.

— Нина, у нас по правой плоскости что-то течет, — услышала летчица тревожный голос штурмана.

— Похоже, масло, наверно, маслобак пробит… Несмотря на это, Нина набрала высоту. Они вышли на цель, сбросили бомбы и только после этого взяли курс на восток. «Хватит ли масла

долететь?» — не давала покоя мысль. А тут как назло встречный ветер гасит и без того небольшую скорость машины. Чуть не на месте стоит самолет. Если вынужденная — так в самое пекло попадешь, внизу по дорогам идут фашистские танки.

До своего аэродрома дотянули. Приземлились и увидели, что на поле только один самолет — командира полка майора Бершанской. Все уже улетели на новую точку. Доложили командиру о выполнении задания и о случившемся. Бершанская осмотрела самолет Распоповой: трубки маслосистемы перебиты, масла в баке осталось на одну треть. И все-таки нужно было сразу подниматься в воздух: в любой момент мог подойти враг.

Бершанская взлетела следом за Распоповой. Счастье сопутствовало Нине и на этот раз.

В ночь на 9 сентября Распопова со штурманом Радчиковой получила задание на бомбардировку скопления войск противника близ Моздока. Это был самый укрепленный пункт у фашистов в этом районе. Отсюда ни один экипаж не возвращался не обстрелянным. Вернулся с Моздока благополучно — уже счастливчик.

Почти у самой цели под яростный перекрестный огонь попал самолет Ольги Санфировой. Самые отчаянные маневры не могли вывести машину из-под обстрела, спрятать от слепящего света прожекторов. Подходя к цели и увидев самолет подруги в перекрестии лучей, Нина бросилась на помощь. Снизившись до предельной высоты, она направила свою машину на вражеские прожекторные установки.

Воспользовавшись замешательством врага, Ольга сумела вырваться из зоны огня. Зато самолет Распоповой оказался словно в кипящем вулкане. Подлетая к цели, мы увидели, что «ласточка» Нины стала резко снижаться и планировать в сторону нашей территории. Было невозможно понять, что с Ниной и Лелей подбиты, ранены? Неужели за жизнь подруг им пришлось заплатить своей жизнью? Один за другим экипажи полка били по зенитным точкам, по прожекторам, по живой силе и технике противника. Первый вопрос по возвращении у всех был один: «Вернулись Распопова и Радчикова?»

Нины и Лели не было.

Только гораздо позже мы узнали, что им пришлось пережить.

Штурман сбросила бомбы на прожектор, и он погас. Но самолет попал в перекрестие лучей других прожекторов. При обстреле был пробит бензобак. Мотор заглох. В любую минуту мог начаться пожар. Нина была ранена, но молчала, ничего не говорила Леле. Остановился винт. Сквозь гарь и дым девушки чувствовали сильный запах бензина.

— Отверни влево! — командовала Радчикова. — Теперь вправо!

— Леля, мы подбиты, — наконец позволила себе сказать Нина. Ее заливало бензином. Одной рукой она держала штурвал, а другой зажимала рот, боясь задохнуться парами бензина.

Лелю тоже ранило. Она продолжала давать курс.

— Нина, нам бы только через Терек перетянуть, только через Терек, повторяла Леля. По Тереку в те дни проходила линия фронта.

Самолет быстро терял высоту. «Только бы не потерять сознания и не попасть к немцам», — лихорадочно билось в голове тяжело раненной Нины. Истекая кровью, собрав последние силы, она резко развернула падающую машину в сторону Терека: лучше утонуть, чем попасть живыми к фашистам, а до наших передовых частей не дотянуть — на самолете не только остановился мотор, но и были перебиты рули управления.

И тут, когда надежды у измученных девушек уже не оставалось, случилось невероятное. Случайный восходящий поток подхватил «ласточку». Неожиданно с перебоями заработал мотор. И хотя через две минуты он заглох окончательно, но самолет пролетел еще несколько километров вперед.

Наконец машина в полной тишине и темноте коснулась земли. Сразу же вспыхнул прожектор и открылась стрельба. Самолет приземлился на нейтральной полосе.

Нина и Леля забрали планшеты, выбрались из машины и поползли в сторону своих окопов.

— А «ласточка» наша как же, Нина? — приглушенно сказала Леля.

— Ничего не поделаешь, придется оставлять. Давай в сторону вон тех кустов двигаться.

Отползли, залегли в бурьяне, тревожно прислушиваясь к шорохам ночи. Встали, медленно двинулись вперед, Нина впереди, за ней Леля. Шли, преодолевая слабость и боль. В сапогах кровь, осколки в руках и ногах. Услышат шорох, замрут, переждут — и дальше.

— Нам бы только до подножья горы добраться, там укроемся, сделаем перевязку, — настойчиво твердила Нина.

А идти становилось все тяжелее — наваливалась слабость, сил совсем не оставалось. Вдруг Нина остановилась:

— Леля, больше не могу. Оставь меня, иди дальше сама.

— Ты что, с ума сошла! Как это я тебя оставлю? Так, по очереди поддерживая друг друга, двигались вперед. Когда вышли на проселочную дорогу, им стало казаться, что сапоги слишком громко стучат. Сняли их и пошли в носках.

Шли часа два, Нина совсем обессилела. Документы и планшет отдала Леле, только пистолет продолжала держать в руке. Наконец подошли к горам. По оврагу протекала речка, через нее перекинут маленький мостик. Поспорили, идти через него или в обход, лесом. За мостиком вспыхнул и погас крошечный огонек.

— Леля, за мостком, наверно, засада. Может, наши? — с надеждой сказала Нина. — Пошли через мост, рискнем.

Через несколько шагов девушек остановил окрик:

— Стой! Кто идет?

Леля упала на землю:

— Ты кто, немец или русский?

Когда же Лелю и Нину привели на КП, силы совсем оставили их, Нина потеряла сознание.

— Ах, сестрички, что же вы, — суетились вокруг подруг пехотинцы, — мы ведь вас несколько часов искали, решили, что вы погибли…

Пожилой фельдшер решительно и умело перевязал подруг. От рук его крепко пахло табаком, пальцы были желтыми от йода.

У пехотинцев Распопова и Радчикова пролежали целый день. Бойцы хотели было вытащить самолет, но место, где приземлились девушки, было сильно заминировано и простреливалось противником. Пришлось уничтожить машину, чтобы не досталась врагу.

Утром следующего дня фашистские танки перешли на этом участке фронта в наступление. Распопову и Радчикову решено было немедленно эвакуировать с переднего края. Они попали в медсанбат, находившийся недалеко от линии фронта.

— Ох, и нагляделись мы на людское страдание, — говорила позже Нина. Каких только тяжелораненых там не было. И что за люди, какая самоотверженность!

Многие из них просили оперировать нас в первую очередь.

После операции девушек отправили в тыловой госпиталь, в Орджоникидзе. Но им так не хотелось отрываться от своего полка, от боевых подруг, с кем сроднили тяжелые испытания первых месяцев на фронте.

— Леля, я разузнала абсолютно точно — маршрут проходит совсем рядом с точкой базирования полка. Ты как?

— Конечно, в полк! Там долечимся.

В одной из станиц девушки пересели из госпитальной машины на попутную, шедшую в сторону нашего аэродрома, и вскоре добрались до дома. Как мы обрадовались им! Бережно помогли выбраться из машины, донесли в общежитие. За эти несколько суток Нина и Леля очень изменились, особенно Нина

похудела так, что, увидев себя в зеркале, не сразу узнала.

Только через два месяца к Нине вернулись силы. Для того чтобы поставить подруг на ноги, много сделала наш чудесный доктор Ольга Жуковская. Не раз предлагала Нине поехать в санаторий.

— Нина, курортное лечение тебе совершенно необходимо, ведь такая потеря крови была, — уговаривала она.

— Нет, доктор, я лучше здесь, дома. Девочки все время в санчасть приходят, это такая радость — быть со своими. Вы же сами не раз говорили, что радость лечит…

Так закончилось одно из самых памятных испытаний летчицы Нины Распоповой. А вскоре она вновь вернулась к боевой работе. В первый раз после ранения Нина вылетела на задание со штурманом эскадрильи Ларисой Розановой. Не забыть никому из нас этих полетов на защиту города Орджоникидзе.

У самого подножья Казбека — высота его почти пять тысяч метров притулился аул Анадир. Тут и сосредоточились части фашистов, готовившиеся к наступлению на Орджоникидзе. Ночи стояли такие темные, что в двух шагах ничего не видно. Летишь — и кажется: впереди, совсем рядом, черная стена гор, сейчас врежешься. Многие из нас, в том числе и Нина, имели опыт полетов в горах, знали, что чувство это обманчиво. А все равно: сидишь, бывало, в кабине самолета, съежившись в комочек, и с минуты на минуту ждешь — сейчас самолет наткнется на эту черную стену.

В первом вылете после длительного перерыва Нина, естественно, нервничала особенно сильно, но четко выполняла команды штурмана и уверенно вела машину к цели. Наконец Анадир. Лариса сбросила САБ (светящую авиабомбу). Бледный свет ее выхватил из темноты маленький горный аул, прилепившийся к скалам. На восточной его окраине и на главной улице можно было разглядеть автомашины. Обстрел с земли был не такой сильный и работало только два прожектора. Видимо, сюда, в горы, трудно было доставлять пушки и снаряды.

Розанова дала команду заходить на боевой курс. Вдруг рядом вспыхнула еще одна САБ. Нина глянула в сторону и испугалась — ощущение было такое, что крыло самолета чертит по скале, так близко стояли отвесные черные горы, поднимавшиеся выше нашего полета на несколько тысяч метров.

Даже и при незначительном обстреле светящиеся трассы пуль все теснее прижимались к самолету. Наконец бомбы полетели вниз. Нина развернула машину в обратный путь. Перед глазами вдруг посветлело, четко выделилась линия горизонта.

— Это был обычный, будничный полет, а сколько выдержки,

сил потребовал — трудно передать, — вспоминает Нина Максимовна. — До сих пор как вспомню, перед глазами черная стена и разрезающее ее крыло. Мы тогда с Ларисой прилетели с мокрыми спинами…

Да, это были трудные полеты, и нужно было смотреть опасности прямо в глаза, и дрожащая рука не имела права ни на один градус отвернуть от заданного курса… А разве были легкие полеты? 805 раз поднимала в фронтовое небо машину летчица Нина Распопова. 805 — вдумайтесь в это число. Каждый полет непрост, требует мужества, силы и воли. А сколько среди этих сотен было особенных, исключительных полетов, тех, что помнятся спустя годы.

Перечитываю наградные листы Нины Распоповой. За каждой наградой десятки сложных и опасных боевых вылетов. Свой первый орден — орден Красного Знамени Распопова получила в сентябре 1942 года за мужество при выполнении боевых заданий и за тот полет, в котором они с Лелей Радчиковой были ранены, но несмотря на это задание выполнили.

Документы военных дней. Лаконично, скупым языком рассказывают они о черных ночах в фронтовом небе, о терпении и мужестве.

В ночь на 14 декабря 1942 года Распопова бомбила моторизованные части фашистов в Павлодольской. Несмотря на шквальный огонь ПВО противника, экипаж достиг цели, точно сбросил бомбы и вызвал два сильных взрыва…

В ночь на 21 мая 1943 года вылет под Неберджаевское, на Кубани. Экипажи, летевшие за Ниной, видели, как после точного бомбового удара экипажа Распоповой на земле начался сильный пожар…

Закончились бои на Кавказе, Кубани, освобожден Таманский полуостров, начались бои за Крым. В холодные осенние ночи сорок третьего года наш полк помогал наземным войскам при форсировании Керченского пролива и при высадке десанта на побережье Керченского полуострова. В этих полетах самое активное участие принимала и Нина Распопова. Более пятидесяти раз летала она к десантникам — бомбила огневые и прожекторные установки, сбрасывала на Малую землю боеприпасы и продовольствие, снижаясь до предельной высоты, выключала мотор и кричала отважным малоземельцам слова поддержки и привета. «Кому из них суждено пройти сквозь эту огненную бурю и остаться в живых?» — думала каждая из нас, восхищаясь мужеством, отчаянной отвагой десантников…

В одном из вылетов, когда экипаж Распоповой бомбил огневые точки противника с малой высоты, фашисты вывели из

строя двигатель на ее самолете. Внизу — вражеская территория. Нина развернула машину в сторону Таманского полуострова. «Нет, до берега не дотянуть… Неужели конец? Попробовать сесть на воду? Но ведь самолет сразу пойдет ко дну, мы даже выбраться не успеем…»

Мотор захлебывался, то и дело чихал и останавливался, но все еще тянул. «Ну, милая, ну, ласточка, еще немного, еще чуть-чуть», — мысленно заклинала Нина машину. И «ласточка» чудом дотянула до берега. Выбирать место для посадки было уже невозможно. Летчица приземлила машину рядом с дорогой, по которой бесконечным потоком шли войска в сторону пролива, чтобы переправиться на Малую землю.

Самолет сел между глубокими воронками, а вокруг были противотанковые ежи. Приехавшие из полка инженер эскадрильи Дуся Коротченко и техники Тоня Рудакова и Катя Бойко только ахнули, оглядев эту «посадочную полосу»:

— Ну, под счастливой звездой родились вы, девчата, — сказала Дуся.

На самолете заменили двигатель — на нем были пробиты два цилиндра, наложили перкалевые заплаты на плоскости и фюзеляж, и снова Нина летала на задания, бомбы, сброшенные ее экипажем, не один раз четко ложились в цель, а жизнь еще не однажды висела на волоске. Через некоторое время ее боевая работа была отмечена орденом Отечественной войны I степени и орденом Красного Знамени.

Всем нам памятны майские дни 1944 года. Щедрое цветение крымской весны и наше наступление. Мы бомбили остатки войск противника на мысе Херсонес. В одном из вылетов в ночь на 10 мая точными бомбовыми ударами экипаж Распоповой вызвал два сильных взрыва с густым черным дымом — это были машины с боеприпасами.

— Удачно слетали, — говорила штурман Таня Костина. — Нина, разгромлены ведь фрицы! Наша весна в Крым пришла!

— Танюша, погляди, что в районе Севастополя творится! Какой салют! Значит, Крым наш. Все ближе победа, Танюша, все ближе мир!

На аэродроме в этот день состоялся митинг. Нина выступила на нем, говорила жарко и взволнованно — она умела говорить, ее, парторга эскадрильи, всегда хорошо слушали… Днем Распопова упросила командира полка разрешить ей долететь до Севастополя, чтобы с воздуха поглядеть на любимый город.

Лежа на аэродроме, среди свежей ароматной зелени, мы наслаждались тишиной, южным солнцем и легким майским ветром, когда Нинина машина взлетела и на бреющем

направилась в сторону Севастополя. Через полчаса она вернулась, лицо ее было мрачно и сурово.

— Девочки, милые, вы не представляете, что эти варвары сделали с городом, в руины превратили, а какой чудесный город был… — с болью и гневом говорила Нина. — Да и весь Крым — это же рай земной, а что фашисты с ним натворили! Но им не поздоровится за это! Техники их разбитой кругом полно. На берегу Южной бухты вдоль и поперек железнодорожных путей вагоны, паровозы немецкие. Наши экипажи тоже постарались там. Берега завалены немецкой техникой, из воды торчат остовы затонувших транспортов. Они заплатили за поруганную землю, но это еще не все, — с угрозой произнесла Нина. — Главная расплата еще впереди!

Бои в Белоруссии, в Польше, и, наконец, в Германии, экипажи нашего полка бомбили оборонительные линии фашистов, вражеские укрепления, в воздух взлетали блиндажи и доты, машины с боеприпасами…

— А знаешь, Марина, — сказала мне Нина, — один раз здорово не повезло: в сорок пятом орден раньше времени вручили на два дня. Помнишь восьмое марта сорок пятого победного года?

8 марта забыть нельзя. В тот замечательный день к нам в гости приезжал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, вручал награды нашим девушкам. Перед этим нас, пожалуй, впервые за всю войну, разместили в городе. Хорошие комнаты, удобные чистые постели.

В ночь на 8 марта нас освободили от полетов. За всю войну такого ни разу не было — не летали. Всем выдали новую форму — платья, разрешили надеть туфли.

— Помнишь, как похорошели наши девчонки? — вспоминает Нина Максимовна сегодня. — На вечер в городской театр пришли все такие красивые, юные, стройные. Все мы так тронуты были вниманием — в огромном зале празднично накрытые столы, цветы. Волновались, что скажет Рокоссовский, какое у него отношение к нашему полку, — именем полка дорожила каждая.

Да, этого забыть нельзя. Наконец он вошел, весело поздоровался, и все себя почувствовали легко и просто. Рокоссовский вручил нашим девушкам Золотые Звезды Героев Советского Союза, а затем ордена. И тут Нине так обидно стало, что свой орден Красного Знамени она получила два дня назад в штабе армии. Вот не повезло!

Командир звена Нина Распопова прошла нелегкими дорогами войны от Дона до Берлина. О том, как воевала Нина Максимовна Распопова, красноречиво говорят многочисленные ее ордена и медали, Золотая Звезда, которой Нина была отмечена за боевые

операции по освобождению Севастополя. Сегодня Герой Советского Союза Нина Максимовна Распопова возглавляет в Мытищах, где она живет, комитет содействия Советскому фонду мира. Только за один 1979 год вклады жителей Мытищ в фонд мира составили около ста тысяч рублей.

Мир на земле. Чисто и светло небо над нашей Родиной. Но Нина Максимовна помнит его суровым, потемневшим от дыма пожарищ, израненным трассами пулеметных очередей.

— За мир нужно бороться не только словами, — говорит она. И борется. Борется за мир как коммунист, как мать двух сыновей, как человек, хорошо знающий, что такое война.

Мой друг Таня

Татьяна Николаевна Сумарокова… Долгие годы дружбы связывают нас крепче кровных уз. Называю имя Сумароковой — и словно тут же слышу ее веселый бодрый голос, вижу открытое жизнерадостное лицо. Помню Таню в самые трудные для меня дни — нежданно приведшего горького и отчаянного одиночества. Не могу представить, что было бы со мной а эти дни без друзей…

Много лет Татьяна Николаевна работала заведующей сектором редакции философии и педагогики издательства «Прогресс». Но если вы захотите поговорить с ней на работе, то вряд ли удастся. Дверь в ее кабинет то и дело приоткрывалась, без конца звонил телефон.

— Татьяна Николаевна, не забудьте, в шестнадцать тридцать заседание парткома!

— Татьяна Николаевна, местком когда собирать будем? Нужно заявления на путевки рассмотреть…

Сумарокова торопливо записала что-то в настольном календаре, звонит по телефону, чтобы перенести время назначенной встречи.

— Нет, Марина, здесь у нас никакого разговора не получится, решительно говорила она. — Задергают. Я уж в этом году наотрез отказалась от поста председателя месткома. Пощадите, говорю, ветерана, имейте снисхождение к моему преклонному возрасту, — в голосе Татьяны Николаевны явно слышится ирония по собственному адресу. — Уговорили еще годок поработать.

— Ну а Саша как относится к такой твоей загруженности? (Саша — сын Татьяны Николаевны).

— А что Саша? Привык. Он и сам унаследовал от меня вкус к общественной работе. В институте — комсорг группы. К Олимпиаде выучил болгарский язык, работал со спортсменами из Болгарии. Очень доволен был…

Пытаюсь взглянуть на Татьяну глазами постороннего человека. Красивая женщина. Пожилая? Нет, не могу отнести к ней это определение. Столько живого огня в ней, веселой решительности и молодого оптимизма. Как много успела сделать в жизни!

После войны Сумарокова закончила редакционно-издательский факультет Московского полиграфического института. С тех пор долгие годы трудится в печати — 15 лет в издательстве «Физкультура и спорт» и в газете «Советский патриот», потом в издательстве «Знание». Всегда вела обширную общественную работу. И сейчас она — член правления общества

«Португалия — СССР», часто выступает перед молодежью. Так живет не только Сумарокова, так живут все мои боевые подруги, думаю я. А Татьяна, словно прочитав мои мысли, восклицает с присущей ей шутливой интонацией:

— Ну что, не стареют душой ветераны?

Милый мой друг, добрый и верный товарищ! Как хорошо, что есть на свете такие светлые люди, рядом с которыми теплее и в самые ненастные дни.

Немало боевых вылетов совершили мы вместе с Таней. А самый-самый памятный? — спросите вы. Самый памятный для меня восемьсот десятый. У Тани к этому моменту боевых вылетов было почти восемьсот…

В начале мая сорок пятого года мы добивали одну из фашистских группировок на берегу Балтийского моря в порту Свинемюнде. Здесь у гитлеровцев скопилось огромное количество войск и техники. Погрузка на транспортные суда шла в Свинемюнде круглые сутки…

И так же с утра до ночи и с ночи до утра бомбила порт наша авиация, чтобы помешать гитлеровцам. Не смолкала орудийная канонада, не прекращался треск крупнокалиберных зенитных пулеметов. Рвались авиационные бомбы, подымая высоко к небу фонтаны тяжелой балтийской воды.

Кого ни спроси, с удивительной ясностью вспоминает каждый свой первый вылет. Но, пожалуй, не меньше помнится и последний… Наш с Таней Сумароковой вылет 5 мая запомнился мне навсегда, хотя во время полета не случилось ничего особенного.

До цели мы долетели спокойно. Словно сейчас вижу: матово блестит темная вода, у причалов обреченные громады кораблей. И неожиданная, недолгая тишина… Где-то на востоке зарницами вспыхивают взрывы — летчицы 125-го гвардейского Борисовского ордена Суворова и ордена Кутузова полка пикирующих бомбардировщиков бомбят противника на Курляндском полуострове.

— Марина! Цель под нами! Бросаю «гостинцы»!

Пятидесятикилограммовые бомбы полетели вниз, а самолет, как всегда, резко качнуло.

«А может быть, это последние наши бомбы», — вдруг подумалось мне.

Две следующие ночи мы провели на земле — полетов не было. Непривычно спокойными были эти ночи для нас. Зато третья выдалась исключительно бурная — ведь это была ночь на 9 мая.

Еще чуть светало, когда в нашу спальню влетела Римма

Прудникова (она была дежурной по полку).

— Девчата! Победа! — голос у Риммы от волнения звенел. — Победа! Мир!

На несколько мгновений воцарилась мертвая тишина. Ждали, как мы ждали этой минуты. В последние дни знали, что она не за горами — и все-таки онемели от неожиданности. А потом поднялось такое, будто все с ума посходили. Во дворе началась стрельба — майское небо озарили вспышки красных, зеленых и белых ракет. Стихийный салют.

Только к утру все понемногу угомонились, разошлись по комнатам. Но уснуть, конечно, никто от возбуждения не мог. Лежали с открытыми глазами, тихонько переговаривались.

— Таня! Ты о чем думаешь сейчас? — спросила я Сумарокову.

— Я представила, как маму увижу, — шепотом ответила Таня. — Я ведь ее с сорок первого года не видела. А тогда, в начале войны, мы с ней всего одну ночь вместе были…

— Таня, а в авиацию ты по желанию попала?

— Нет, собиралась быть хирургом. В небо привели война и случай. Хотя была в детстве у меня встреча с человеком, о котором я много-много раз вспоминала в полетах…

13 октября 1941 года в коридоре 1-го медицинского института студентка Таня Сумарокова встретила Катю Доспанову, свою однокурсницу.

— Катя, хочу на фронт!

— Я тоже, только нигде не берут. А в ЦК комсомола девушек-летчиц собирают. Ты слышала?

— Так то летчиц, — разочарованно ответила Сумарокова.

Летчиц Тане приходилось встречать редко. В предвоенные годы это были чаще всего инструктора или учлеты аэроклубов, встречались и женщины-пилоты самолетов ГВФ. Эти девушки казались ей совершенно недоступными, существами из другого мира.

— Таня, пойдем попробуем, — уговаривала ее Катя, — ведь если женское подразделение организуется, то кроме летчиц еще кто-то потребуется, какой-нибудь обслуживающий персонал!

Этот довод подействовал, и подруги пошли в ЦК ВЛКСМ, записались на прием к М. М. Расковой.

— Воевать хотите? — строго и внимательно глядя на девушек, спросила Раскова.

— Да!

— Образование?

— Студентка.

— Здорова?

— Абсолютно.

— Зрение?

— Отличное.

— Штурманом пойдете воевать?

Слово «воевать» для Тани в те дни было самым желанным, слово «штурманом» она даже осмыслить в то мгновение не успела. По счастливо вспыхнувшему лицу девушки Раскова поняла ее без слов.

— Через два часа приходите сюда. При себе иметь запасную пару белья.

Так началась военная служба Тани Сумароковой.

Поначалу было очень трудно. Многие девушки приехали на учебу, уже имея небольшой летный опыт, учились до этого в аэроклубе. Для Тани и авиация, и вообще воинская служба были непривычны. Сама она вспоминает об этом времени так: «Привыкать было очень тяжело. Только страстное желание воевать заставляло напрягать всю волю и включаться в совершенно незнакомые, никогда раньше не предполагаемые условия жизни. С техникой я была, по сути дела, незнакома, равняться со студентками физико-математического факультета мне, конечно, было трудно. Собирая пулемет или решая навигационные задачи, я путалась и отчаянно презирала себя в такие минуты. К счастью, таких, как я, было немало. Надо было учиться — напряженно, упорно. Зато как я гордилась, оказавшись одной из первых на морзянке. Занятий по радиоделу ждала, как в детстве ждешь посещения цирка…»

Первый вылет помнят все. Помнит его и Татьяна Николаевна. Она была счастлива и горда. 8 душе словно звенела туго натянутая струна. «А тебе никогда не хотелось взлететь туда, в вышину, и парить словно птица?» вспомнился ей вопрос Циолковского, Ощущение полета настолько захватило девушку, что впервые за многие месяцы она забыла о войне.

— Рядовой Сумарокова! Вы что, заснули? — услышала она голос инструктора. Таня вздрогнула и «вернулась на землю». Это был полет на зачет по ориентировке. Впервые очутившейся в воздухе Тане было трудно разобраться в обстановке.

— Я первый раз в воздухе, товарищ летчик! — призналась она.

Учились мы, хотя и недолго, но с исключительным напряжением. За короткое время овладели воинскими специальностями. Хорошим штурманом стала и Таня Сумарокова. Перед отправкой полка на фронт на контрольный полет с Сумароковой собралась Евдокия Давыдовна Бершанская. Услышав об этом, Таня побледнела.

— Ну-ну, не трусить! — спокойно и мягко улыбнулась

Бершанская. — Вы штурман, вам и карты в руки.

Маршрут был незнаком. Преодолев волнение, Таня подготовила карту, старательно вспоминая все, чему учили на занятиях. Полет прошел удачно.

— Твердо верю, будете отличным боевым штурманом! — сказала Бершанская взволнованной и счастливой Татьяне после возвращения на аэродром.

«Помню свой первый боевой вылет, — вспоминает Татьяна Николаевна. Со мной летал известный боевой летчик нашей дивизии Лев Рощин. (Герой Советского Союза Лев Рощин погиб при исполнении служебных обязанностей после войны. — М. Ч.) Он хорошо отозвался о моих способностях и очень меня этим вдохновил.

Мне все казалось, что я ничего не умею, а он после полета сказал: „Будешь хорошо воевать! Как орденом наградят — сообщи“. И когда в 1942 году меня наградили первым орденом Красного Знамени, Рощин был одним из первых, кто поздравил меня с этой высокой наградой…»

Это было в сентябре. А потом наступила сырая, непогожая осень. Зарядили дожди. Но полк летал без перерывов. Трудные это были полеты. Нередко цель была закрыта облачностью или туманом. Но задание нужно выполнить во что бы то ни стало. Каждый боевой вылет в этих сложных условиях прибавлял нам опыта, помогал вырабатывать тактику борьбы с врагом.

С каждым полетом крепло мастерство штурмана Татьяны Сумароковой.

Из боевой характеристики: «Штурман эскадрильи гвардии лейтенант Сумарокова Татьяна Николаевна в полку с начала его организации. От рядового штурмана выросла до штурмана эскадрильи. Отлично владеет самолетовождением в сложных метеоусловиях днем и ночью. За период боевых действий в результате точных бомбовых ударов в стане врага было вызвано 131 очаг пожара, 158 сильных взрывов, уничтожен склад с боеприпасами, два склада с горючим. Подавлен огонь трех артбатарей, уничтожено и повреждено 2 переправы противника. Уничтожено 6 машин с горючим и боеприпасами. Эффективность боевых действий показана далеко по неполным данным, а только то, что подлежало учету.

Тов. Сумарокова является прекрасным мастером своего дела. Как опытный штурман подготовила и ввела в строй боевой работы 8 молодых штурманов. Имеет большой опыт боевой работы и умело передает его своим подчиненным. Как штурман авиаэскадрильи в работе проявляет большую инициативу…

Командир авиаполка гвардии подполковник Бершанская».

Мне вспоминается ноябрьская ночь 1943 года. Наш полк в те дни помогал отважным десантникам, высадившимся на Эльтиген. Каждую ночь мы доставляли этим отчаянным ребятам продовольствие, медикаменты, боеприпасы. Большие неуклюжие мешки подвешивались к бомбодержателям, это, естественно, создавало в воздухе сопротивление и снижало скорость и маневренность самолетов. Сбрасывать мешки в цель нужно было с исключительной точностью. Малейший просчет — и ценный груз мог достаться не своим, а врагам.

Я вылетала с Таней Сумароковой. Ветер в ту ночь бушевал с особой силой. Он приносил эхо выстрелов и запах гари: на Эльтигене шли беспрерывные бои.

Первым взлетел экипаж заместителя командира полка по летной части Серафимы Амосовой и штурмана полка Жени Рудневой. Через две-три минуты за ними — мы с Таней. Земли почти не видно, только шум моря, заглушающий рокот мотора, подсказывает, что мы над Керченским проливом. Летим на минимальной высоте, чуть не касаясь колесами воды. Таня все время смотрит вниз. Волны с бешеной яростью рушатся одна на другую, словно стараясь захлестнуть наш маленький самолетик. Но вот впереди показались контуры скалистого берега…

Как только я сделала разворот, в небо впились лучи прожекторов, а впереди вспыхнули разрывы зенитных снарядов. В кабине стало светло до слепоты: мы в лучах прожекторов. Главное — не сбиться с маршрута.

— Таня, курс?

— Идем зерно, — спокойно ответила Татьяна.

Наконец прожекторы и зенитки позади. Теперь самое трудное: разыскать сигналы десантников и точно сбросить груз. Таня, не отрываясь, смотрит на землю.

Снова разрывы снарядов. Надо планировать. Почти на бреющем полете пронеслись мы над головами фашистов и наконец увидели на земле сигналы — с земли тускло мигал огонек… Теперь уже действовала штурман. Машину слегка подбросило — это оторвался первый мешок… За ним второй…

— Держитесь, ребята!

На земле несколько раз мигнул фонарик. Так десантники давали нам знать, что груз получен.

Убедившись, что мешки упали куда следовало, мы развернули самолет и полетели за новым грузом…

В новогоднюю ночь Таня с командиром звена Верой Тихомировой вылетела на задание в район южнее Керчи. К цели подошли с приглушенным мотором. Сумарокова прицелилась и сбросила бомбы — внизу вспыхнули четыре взрыва. Задание

выполнено, но самое трудное ждало экипаж впереди.

Только Ласточка (так мы называли Веру) включила мотор, как самолет был схвачен сразу восемью прожекторами. Начался ужасающий зенитный обстрел.

— Вера! Теряем высоту!

— Вижу, но не могу ничего сделать. Мотор вышел из строя. Ухожу в море…

Да, мы все в те дни знали: лучше упасть в море, чем на территории, оккупированной фашистами.

Высота продолжала быстро падать. Казалось, в кабине чувствовался солоноватый запах моря — оно было совсем близко. Но самолет каким-то чудом продолжал тянуть к берегу. Приземлились на восточной окраине косы Чушка, в расположении своих войск.

14 марта 1944 года полк в полном составе участвовал в бомбежке станции Багерово, западнее Керчи. Туда, по донесениям разведки, гитлеровцы стянули большое количество техники, боеприпасов, живой силы. Защищали эту станцию усиленно. Ставя экипажам боевую задачу, командир полка Бершанская сказала:

— Погода нынче сложная — низкая облачность, луна. На фоне светлых облаков самолеты, как на экране, видны. Нужно ждать сильного зенитного огня. Будьте особенно осторожны. Каждый экипаж может действовать самостоятельно, исходя из условий.

Идя к машине, мы с Таней обсудили предстоящий полет.

— Бомбить Багерово в лоб не имеет смысла. Все подходы с востока, конечно, сильно защищены, — сказала Таня. — И с большой высоты нынче не подойдешь, облачность не даст.

— Значит, пойдем вдоль северного побережья полуострова, а над морем свернем на запад. Подойдем к цели с другой стороны…

Большую часть маршрута мы летели в облаках. Изредка ныряли вниз, чтобы штурман могла уточнить курс. На подходе к станции действовали прожектора. Их мощные лучи насквозь пробивали тонкий слой облаков. Мы увидели фантастическую картину: под нами — удивительная игра света и тени, над нами — огромная серебристая луна. Ее бледное сияние заливало волшебным светом медленно проплывающие внизу облака, всклокоченные озорным весенним ветром.

Далеко-далеко, в бархатно-черной бездонной глубине призывно мерцали звезды. Крупные, необыкновенно яркие, они приковывали внимание и невольно настраивали на философский лад. Под ровный шум мотора мне подумалось, что через много-

много лет истории человечества с ее бесконечными войнами покажется людям далекого будущего смешной и нелепой. Как счастливы будут тогда люди. Молчала в эти минуты и Таня, мой боевой штурман. Тоже, наверно, мечтала о мирном будущем. Невозможно было не задуматься о нем в этом удивительно красивом небе…

Мы летели на боевое задание, летели навстречу смертельной опасности. Но так велика сила красоты, что на какое-то время мы забыли о мощной зенитной артиллерии, о прожекторах, о скорой встрече с ненавистным врагом.

— Марина! Ты видела когда-нибудь такое небо? Красота-то какая, дух захватывает…

Наши мечты прервал разорвавшийся вблизи снаряд… Самолет тряхнуло.

— Цель близко. Выходим на боевой курс, — сказала по переговорному аппарату Таня.

Даю ручку управления от себя, приглушаю мотор, и мы вываливаемся из облаков прямо над станцией. Ай да Таня, вывела точнехонько на цель! Внизу неясно просматриваются длинные темные линии — это железнодорожные эшелоны.

— Таня! Давай САБ!

Все вокруг заливается неживым призрачным светом…

— Марина! — слышу обрадованный голос штурмана, — на путях полно составов. Теплушки с солдатами, на открытых платформах машины, орудия, танки. Наверно и боеприпасы… Фашистов полно, суетятся, спешат, сволочи, разгрузить эшелоны… Ну держитесь!

Татьяна сбросила бомбы в самую гущу железнодорожных путей. Куда они угодят? Хорошо бы попали туда, где под брезентовыми полотнищами топорщатся ящики со снарядами и патронами! Если так, то и техника взлетит на воздух, и рельсы разметает, и…

Все эти мысли проносятся в голове мгновенно. Мне так хочется увидеть, куда же упадут бомбы. Я склоняюсь над краем борта и тут же зажмуриваю глаза: лучи прожекторов схватили нас. Ощущение такое, словно по глазам ударили лезвием. Одновременно с этим внизу раздается сильный грохот, за первым взрывом еще и еще. Физически ощущаем, как вздрагивает самолет.

Внизу к глухим разрывам снарядов добавляются звуки взрывов боеприпасов.

— Молодец, Татьяна! В самое яблочко угодила… А штурман, ни на мгновение не растерявшись, командует:

— Вправо! Влево! Еще влево!

Прожекторы крепко ухватили наш самолет. Вырваться из их лап удается не сразу. Маневрировать на этот раз трудно — до земли всего пятьсот метров. Разрывы все ближе. Сильно пахнет гарью — на земле пожар.

* * *

Сколько раз бывало с нами такое? Сотни! Продолжалось же испытание всего несколько минут. Но какого напряжения требовали эти минуты. Мозг работает молниеносно, зрение напряжено до предела. В лучах прожекторов, в грохоте взрывов, доносящихся с земли, в зенитном обстреле летчица послушно и точно держит курс, выполняя команды штурмана. Каково же в эти секунды штурману она должна успевать следить за землей и за воздухом, стремительно принимать решения, учитывая все вводные, мгновенно выдавать команду летчице, стараясь вывести машину из-под вражеского огня, из ослепительных лучей прожекторов…

Татьяна продолжала подавать команды, я послушно выполняла их, стараясь выжать из мотора все возможное.

Кажется, чуть не вслух обращаешься к мотору, словно к живому, словно к надежному другу: «Ну, дружище, не подкачай! Выручай, как ты выручал не однажды. Мы знаем, тебе тяжело, очень тяжело. Твои мускулы, хоть они и стальные, тоже поизносились, ослабли. И шум твой напоминает шум больного, усталого сердца… Но ты поднажми, дружище…»

Зенитный огонь наконец становится слабее. Да и пора — мы уже ушли далеко в море. Только лучи прожекторов все еще тянутся за нами, остервенело мечутся по небу. Не верится фашистам, что можно вырваться из такого ада. Ждут, наверно, что самолет с минуты на минуту упадет в море. Не выйдет по-вашему, гады!

Долетели благополучно. Вот и родной аэродром. Как хорошо виден он при лунном свете. Приземляюсь, заруливаю на линию предварительного старта.

— Ну и покромсали вас сегодня, — такими словами встретила нас Маша Щелканова, старший техник эскадрильи.

— А что? — встревоженно глянула на нее Сумарокова.

— Сами посмотрите! Не плоскости — чистое решето. Да не пугайтесь, подлечим-подштопаем вашу краса-вицу…

Невозможно рассказать обо всех сложных и страшных полетах, даже просто обо всех самых памятных, которые выполнила штурман Татьяна Николаевна Сумарокова. Ведь на ее

боевом счету их почти восемьсот! Я просто вспомнила несколько из них, в которых мы с Таней вдвоем поднимались в черное небо войны. Она была надежным штурманом — знающим, смелым и выдержанным. И таким же надежным другом была она всегда для своих товарищей, сохраняя верность боевой дружбе во все времена.

Несколько лет назад Татьяна Николаевна написала небольшую книгу «Пролети надо мной после боя». В ней — о большой и чистой любви нашей однополчанки, штурмана эскадрильи Героя Советского Союза Кати Рябовой и ее мужа — летчика Григория Сивкова дважды Героя Советского Союза. Но не только о них двоих эта книга. Она о юности, об испытаниях, выпавших на: долю нашего поколения, о том, что верность нашей дружбе мы сохранили на все времена.

«Дело наше ответственное»

Это было в канун Нового, 1944, года. Татьяна Алексеева, старший техник одной из эскадрилий нашего полка, встречала его в госпитале, куда попала по болезни. В госпитале, на свободе, многое передумала, припомнила. На душе было горько. На родной николаевской земле бесчинствуют фашисты. Что с братьями и сестрами — неизвестно. Живы ли? Куда забросила их война? И что в родном полку? Совсем одиноко без милых девчонок — боевых подруг, с кем сроднились душой за два долгих военных года. Печальные раздумья прервала медицинская сестра, заглянувшая в палату:

— Товарищ Алексеева, к вам пришли.

— Кто?

— Из женского авиаполка.

Таня торопливо поднялась с постели и быстро вышла в коридор. В конце его, у окна, стояла Дина Никулина, командир эскадрильи, в которой служила Алексеева. Милая, неугомонная Дина, верный друг, отличный летчик.

— Бог мой, Дина, командир ты мой дорогой! Вот неожиданная радость! Как это ты догадалась навестить меня в такой день? Сижу, печалюсь, Новый год, а я совсем одна! — обрадовалась Алексеева.

— Подожди, Татьяна, главная радость — вот она! — и Дина из-за спины, выдернула и протянула Тане унты и комбинезон. — Одевайся, я за тобой! С начальником госпиталя уже договорилась. Он отпускает тебя на новогодний вечер в полк. Полетели, все наши ждут тебя…

— Ох, девочки вы мои дорогие! — только и сказала Таня.

В самолете, по пути в полк, Таня, улыбаясь, думала: «Не забыла меня командир полка Евдокия Бершанская, давняя подруга. Какая же она молодчина!» Под стать настроению и воспоминания пришли другие светлые, радостные. О том, как вступала в 1928 году в комсомол. Комсомольская жизнь захватила, увлекла активную, деятельную натуру. К поручениям Таня относилась с жаром, все свое свободное время отдавала общественной работе. В 1930 году цеховая комсомольская организация послала ее учиться в город Купянск на курсы пионерских работников при ЦК ЛКСМ Украины, а после окончания этих курсов Алексеева стала работать в райкоме комсомола Жмеринки. Работа ей нравилась. Казалось, путь выбран удачно и окончательно.

Но в 1931 году судьба комсомолки Тани Алексеевой круто

повернулась. В райком комсомола пришла разнарядка — надо послать одного человека для учебы в Батайскую летную школу Гражданского воздушного флота. Выбор пал на Таню Алексееву. С радостью и гордостью приняла она это доверие.

Приемная комиссия зачислила Алексееву на техническое отделение Батайской школы ГВФ. Здесь она встретила и Евдокию Бершанскую, которая училась на летном отделении. И вот на долгие годы подружились.

Получив специальность авиационного техника, Таня Алексеева стала готовить кадры для Гражданского воздушного флота. Спокойная, всегда выдержанная, она, казалось, была рождена для этой работы. Когда в 1935 году в Батайской школе была создана эскадрилья, Таня работала в ней техником звена, сменным инженером отряда. В эти годы она близко узнала Лелю Санфирову, Дину Никулину, Мери Авидзбу, Веру Тихомирову, Римму Прудникову тех, кто учился в Батайске, с кем теперь пришлось служить в женском авиационном полку ночных бомбардировщиков, кого она с такой радостью увидит в этот новогодний вечер.

Веселые праздничные встречи Нового года были полковой традицией. Мы праздновали этот день, даже если и под Новый год велась боевая работа. Обязательно собирались вместе, поздравляли друг друга, выпускали специальный номер стенгазеты с новогодними пожеланиями — шутливыми и серьезными. Вслух читали веселые приветствия от имени друзей, от Деда Мороза.

Прилетевшую из госпиталя Алексееву окружили девушки — нарядные, насколько это возможно в наших условиях, разрумянившиеся, с блестящими от возбуждения глазами.

— Таня, Татьяна! Привет болященьким! На побывку! — слышались веселые восклицания. — С Новым годом, Танечка! — объятия, поцелуи.

— Девчонки, какие же вы все пригожие, ладные. Не глаза, а звезды сверкают. Каждую хоть сейчас замуж выдавать, — влюбленно глядя на подруг, говорила Таня.

— Сначала добьем фашистов! — послышался чей-то звонкий голос.

— Да ты посмотри наш новогодний «Крокодил», там и о женихах кое-что говорится, — расхохоталась наш штатный художник Надя Тропаревская. — Вот, читай: «Раз в крещенский вечерок девушки гадали…» Старые методы на новый лад, видишь? «Сбросить с самолета унт. Носок укажет курс на полк жениха…»

В тот вечер Таня смеялась, кажется, больше всех, радуясь, что

она в полку, с самыми близкими своими друзьями.

Вскоре была объявлена команда на вылет. Все поспешили к машинам.

Тогда мы сделали по три вылета. Техники и механики, прибористы и вооруженцы с волнением встречали нас на земле. В 23.30 полеты закончились. Новогодние «гостинцы» врагам были доставлены. Мы разошлись по эскадрильям, чтобы продолжить встречу Нового года. Таня побывала у всех, зашла в гости и в нашу эскадрилью. Мы вспомнили, как пару месяцев назад она ухаживала в госпитале за мной.

— Хочу скорее к вам, девочки, домой, — вздохнув, сказала Таня. Надоело, стыдно и обидно в такое время валяться на больничной койке.

— Ничего, Танюша, подлечишься и вернешься, — успокоила я подругу. Вспомни, как ты меня с ложечки поила-кормила, ночи все рядом была. Когда, бывало, ни открою глаза, ты всегда здесь. И врача опытного разыскала. Если бы не ты — не летать бы мне сейчас.

— Да, Марина, я тогда всерьез за тебя испугалась. Подумать только, никогда ангину за страшную болезнь не считала…

Таня действительно выходила меня, когда я слегла с тяжелейшей фолликулярной ангиной. И вообще, будучи старше большинства из нас, она относилась к своим однополчанкам, как к младшим сестренкам — с теплой и строгой заботой. Естественно, это особенно чувствовали девчата — техники, механики — из ее эскадрильи: Леля Евполова, Зина Радина, Катя Титова, Аня Шерстнева. Многие из них пришли в полк, не имея ни малейшего опыта обслуживания самолетов. Татьяна Алексеева — заботливая и требовательная стала для них отличным учителем. У нее были воспитанные всей ее нелегкой жизнью качества, необходимые командиру, руководителю: волевой характер, инициативность, самостоятельность в решениях. И конечно, большой опыт, знания. Татьяна с первых дней формирования полка полюбила своих учениц, и они отвечали ей взаимностью.

* * *

Не очень видна непосвященному, но как же ответственна и сурова работа технического состава. Месяцы нашей учебы в маленьком волжском городке пришлись на зиму. Сильные волжские ветры с морозами, с вьюгами, снежными заносами требовали огромного напряжения в работе. Татьяна Алексеева

появилась в полку вместе с техником Тоней Калинкиной в трескучий январский мороз. В Саратов они прилетели на самолете, а оттуда пришлось поездом добираться.

В полку Татьяна встретила много знакомых и среди летчиц, и среди техсостава. Радостной была встреча.

— А ты каким путем сюда попала? — спросил кто-то из старых друзей.

— По знакомству, конечно, по блату, — смеясь, отвечала Татьяна.

Три месяца назад на аэродроме в Куйбышеве она встретила Бершанскую. Долго проговорили подруги, вспоминая мирные дни, обсуждая планы, как попасть на фронт.

— А меня ведь в женскую авиачасть вызывают. Ее Марина Раскова формирует, — сказала Бершанская. — Вот телеграмму получила, оставляю сынишку и на днях отправляюсь.

— Дуся, дорогая, вспомни там, на месте, обо мне. Запиши адрес и где работаю. Я же там пригожусь. Опыт есть, сама знаешь.

— Приеду, все выясню и напишу. Желание твое понимаю, просьбу постараюсь выполнить, — ответила Бершанская.

Вот так «по знакомству» и прибыла Татьяна в женский полк и сразу же активно включилась в подготовку техники и наземных кадров.

Как-то Алексееву вызвала к себе майор Раскова… После короткой беседы Марина Михайловна сказала:

— Вот что, товарищ старший техник, придется вас как специалиста и давнего авиатора перевести на другую материальную часть — на самолеты-истребители Як-1. Да вы не огорчайтесь, тоже женский полк, — с улыбкой добавила она.

— Товарищ майор, очень прошу, оставьте в полку Бершанской, я поклялась пожизненно работать на нашем маленьком По-2, уж очень люблю его, — в шутку сказала Татьяна. — А если серьезно, то ведь в полку Бершанской мало опытных наземных специалистов. Надо учить молодежь. И Евдокию Давыдовну знаю добрый десяток лет, вместе учились в Батайской школе. Люблю, глубоко уважаю ее. Быть в это трудное время рядом со смелой, доброй и душевной женщиной — тоже много значит.

— Ну, ладно, уговорила, оставайся в полку Бершанской, — решительно закончила разговор Раскова.

Алексееву назначили старшим техником в эскадрилью, где командиром была Люба Ольховская. Обе они настойчиво готовили молодежь к работе в боевых условиях. И сами юные патриотки учились упорно, осваивая специальности техников, механиков, прибористов, электриков. Таня работать умела, как

редко кто умеет. В холодные зимние ночи не уходила от машин, пока не были проверены каждый винтик, каждая гаечка. К своей работе относилась с исключительной добросовестностью. Тому же учила и молодых.

— Дело наше очень ответственное, — не раз говорила она. — Нам летчицы и штурманы жизнь свою доверяют. Об этом мы должны помнить всегда.

— Товарищ старший техник! Вы не сомневайтесь в нас! — чистым, звенящим от волнения голосом отвечала техник Леля Евполова. — Мы выполним все, что требуется от технического состава, не пожалеем сил, любое задание выполним.

В свободное от полетов время мы часто были среди техников, помогали им. Мне очень нравилась Леля Евполова, эта красивая девушка с «Трехгорки». Девчонками мы вместе пришли учиться в аэроклуб Ленинградского района Москвы, дружили. Потом стали — я летчиком, а Леля — техником. Когда над Родиной нависла гроза, Леля добровольцем ушла на фронт и всю войну трудилась безукоризненно. Веселую, неунывающую певунью любили все. В свободное время она часто рассказывала подругам истории из прочитанных книг или пела звонко и нежно…

В недавнем письме ко мне Татьяна, вспоминая это время, писала:

> «Ты помнишь, Марина, как после трудового дня или ночи девушки-техники словно и не чувствовали усталости. Сколько юношеского задора, смеха, песен куда и усталость девается… Жили, учились, трудились и мечтали: скорее на фронт! Сколько можно сидеть в тылу? Там защищали Родину с оружием в руках наши отцы, братья. И мы с нетерпением ждали часа, когда нам дадут команду на вылет.
>
> Когда майор Раскова дала команду готовить самолеты к перелету на фронт, день этот стал незабываемым…»

Как ни трудны были месяцы учебы в тылу, на фронте было гораздо сложнее. Осваивая фронтовые условия, старший техник Татьяна Алексеева учила своих подчиненных обслуживать машины при любой непогоде, в жару и в холод, не теряя спокойствия и самообладания и в самых тяжелых случаях.

— Спеши медленно! Помни, пропустишь мелочь какую-нибудь — может обернуться бедой для экипажа. Никакие особые обстоятельства не дают нам права на бездумную спешку, на малейшую небрежность, — говорила Таня своим младшим подругам.

Командира эскадрильи Любу Ольховскую часто можно было видеть с Таней Алексеевой — вместе проводили они технические разборы, а иной раз просто беседовали с девушками — наземными специалистами. Командир была довольна старшим техником — опытным, выдержанным и надежным.

Лейтенант Люба Ольховская вмести со штурманом эскадрильи Верой Тарасовой первыми открывали боевой счет эскадрильи. Алексеева сама готовила их самолет, сама проводила девушек в первый боевой вылет. Но из этого вылета Люба и Вера не вернулись. Их машина была обстреляна, девушки тяжело ранены. Летчица сумела все же посадить сильно поврежденную машину, но выбраться из кабины ни она, ни штурман не смогли. Утром их нашли местные жители. Нашли уже мертвыми. Отомстить за смерть Любы и Веры — был общий порыв полка. Таня с какой-то новой, ожесточенной энергией набросилась на работу, не давая себе ни минуты покоя…

С новыми командиром и штурманом эскадрильи Диной Никулиной и Женей Рудневой Алексеева работала дружно, всем сердцем привязавшись к ним. И они полюбили Таню, глубоко ценили ее преданность своему делу.

Боевая работа была напряженной. Таня почти все время находилась на аэродроме. Поврежденные в боях самолеты приходилось восстанавливать в полевых условиях в самые сжатые сроки. Техники, бывало, с ног валились от усталости, но возвращали машины в строй за небывало короткое время. Когда они спали — никому не было известно. Когда успевали привести себя в порядок? Как находили силы шутить и смеяться, когда, казалось, можно было отупеть, ожесточиться от изнурительного, изматывающего труда, которому не видно было ни конца, ни края?

— Вечно грязный, вечно сонный, неумытый, запыленный техник авиационный! — продекламировала как-то Леля Евполова. Дружный смех в ответ на шутку как рукой снимает усталость, прогоняет сон. И продолжается нескончаемая работа — девичьи нежные руки вновь и вновь латают подношенные машины, устраняют повреждения, полученные «ласточками» в боях.

— Девочки, внимательней, тщательней — мы в ответе за наших подруг! неустанно повторяет Таня, Сама работавшая безукоризненно, она была примером для младших специалистов. За весь период боевой работы в эскадрилье, как и в полку, не было ни одного случая отказа и задержки материальной части по вине наземных специалистов. Техники эскадрильи под руководством Татьяны Алексеевой обслужили более шести тысяч боевых вылетов, не считая полетов по связи и спецзаданиям.

Сложно работать в фронтовых условиях — в любую погоду под открытым небом, а для По-2 еще и ночью, в полной темноте, чтобы не демаскировать аэродром. Нередко требовалось вернуть в строй искалеченную машину в казалось невозможные сроки. Девушки творили чудеса, а мы — летчицы и штурманы всякий раз поражались их находчивости, восхищались терпением, смекалкой.

Помню, как Дина Никулина с Катей Рябовой вернулись с задания на совершенно разбитом самолете. Тридцать пробоин, перебиты шасси, повреждены центроплан и фюзеляж.

— Дня три, не меньше, будете безлошадными, девчата! Как только дотянула «ласточка», — обсуждали подруги.

Но Татьяна Алексеева с техниками Зиной Петровой, Лелей Евполовой, Тоней Калинкиной восстановили самолет за 10 часов…

В одном из писем ко мне Таня вспоминает:

> «В сентябре 1943 года, ты помнишь, Марина, из полка была выделена группа самолетов для выполнения боевых заданий под Новороссийском, Командиром группы была заместитель командира полка Сима Амосова, а я инженером группы. Остальные экипажи полка действовали на эти же цели, но только с основного аэродрома. Наша группа базировалась в Солнцедаре. Там стояли морские авиачасти, они летали днем с этого же аэродрома. Хотя мы семь месяцев уже летали днем в район Новороссийска, прошли большой боевой путь, но вот с морскими летчиками встречались впервые…
>
> Торпедоносцы — летчики и техники — смотрели тогда на нас и, как они сами говорили, не верили своим глазам, что наша группа состоит только из девушек. В первую боевую ночь они буквально все пришли смотреть на нашу работу. Тут наши девчата — техники и вооруженцы показали, как они умеют готовить машины к выполнению боевых заданий. А летчицы и штурманы буквально не вылезали из своих машин. Когда самолеты улетали на задания, техники с торпедоносцев приходили на стоянку, поближе. Сначала слышны были едкие задиристые шутки, колкости, но наши девушки не терялись, привлекая соседей к работе — помочь поднять хвост самолета, плоскость. Вера Дмитриенко пошучивала:
>
> — Это вам не Ил-четыре. Наши По-два требуют ласкового обращения.

Наши девушки быстро завоевали уважение соседей-авиаторов. Они восхищались нашими летчицами, штурманами, техниками, вооруженцами, прибористами, их боевым мастерством, организованностью. В те ночи наши экипажи делали по 8–9 вылетов…»

С любовью вспоминала Татьяна Тимофеевна своих боевых друзей. Перечитываю письма и вспоминаю Таню тех дней. Как бессменно находилась она у самолетов, как самоотверженно трудилась, чтобы те, с кем связана она была боевой дружбой, смогли спокойно подниматься в грозное ночное небо, смело доверяя своей машине. Таню любили все. Война закалила ее, а сердце осталось по-женски ласковым и добрым. До Победы она была в полку. Мужество и самоотверженный ратный труд Татьяны Алексеевой отмечены орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, многими медалями.

Авиации осталась верна Татьяна Тимофеевна и после войны. Более тридцати лет она проработала в Херсонском аэропорту. К боевым наградам прибавился орден Трудового Красного Знамени. До последних дней ее жизни мы переписывались. Не остывала с годами наша дружба, родившаяся и закаленная в огне боев.

Вся страна — под крылом

Восьмой всесоюзный слет победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа проходил на родине первого Совета — в Иванове. Много ярких встреч, волнующих событий вместили в себя шесть коротких, но таких емких дней. А мне особенно запомнилась поездка в Шую — небольшой городок текстильщиков под Ивановом.

Мы приехали туда на открытие музея комсомольской славы. Скромная экспозиция его тронула за сердце — собранная с удивительной любовью, буквально по крупицам, она рассказывала о героях, среди которых было много из нашего поколения. С фотографий в одной из витрин на меня глянуло такое знакомое, милое и родное лицо. С радостью и гордостью я узнала Веру Тихомирову, летчицу нашего полка, мою боевую подругу…

Ярко, словно это было вчера, припомнилась первая встреча с Верой. Она прибыла в часть в конце 1941 года из Омской области. И сейчас вижу Веру тех дней — в комнату вошла красивая, стройная девушка и, смущенно улыбаясь, представилась:

— Вера Тихомирова, летчик-инструктор Особой эскадрильи ГВФ.

Мы обступили ее, стали расспрашивать о Сибири, а жизни в тылу.

Война застала Веру в Одессе — она учила курсантов летать. Но с каждым днем фронт неумолимо приближался, вражеская авиация непрерывно бомбила город. Эскадрилья была эвакуирована сначала в Старобельск, а затем в Сибирь, в Омскую область.

— Прилетели на пустое место, — вспоминала позже Вера, — начали строить аэродром. Работали все — и курсанты, и инструкторы, и технический состав. Выравнивали взлетно-посадочную полосу, строили временные ангары для самолетов. Спешили начать подготовку летчиков. И вот начались полеты, и одновременно наступили жестокие сибирские морозы. С утра надеваешь на себя все, что можно, а поверх меховую летную форму. Поднимешься в воздух раз, другой — и чувствуешь, что и внутри тебя, и снаружи температура одинаковая. Зуб на зуб не попадает. А курсантам еще холоднее, у них меховой летной формы нет.

Самоотверженно работали инструкторы. Не отставала от товарищей и Тихомирова. Чувство ответственности, долга было у молодой летчицы превыше всего. Недосыпала. Холод сводил руки

и ноги. Но она шла в класс, на аэродром, мечтая о том дне, когда ее питомцы поднимутся в суровое военное небо. И сама она полетит с ними. А потом пришел долгожданный вызов в женскую авиационную часть.

Но обо всем этом мы узнали позже. А тогда, в первые минуты знакомства, Вера застенчиво отвечала на сыпавшиеся со всех сторон вопросы и щедро угощала нас черствыми коржиками. Эти коржики мы вспоминали с ней совсем недавно. Смеясь, она рассказывала, как провожали ее в дорогу сослуживцы по Особой эскадрилье и курсанты, как повар приготовил ей — первой из эскадрильи отправлявшейся на фронт — мешочек коржиков.

— Ох и дорога была в сорок первом. Я ее до сих пор во сне вижу. Бесконечные пересадки, очереди у касс на вокзалах. Устала до предела, и вещи замучали. Дремлю на какой-то станции в зале ожидания, а мешок с коржиками тихонько от себя отодвигаю. Хоть бы их украли, думаю в отчаянии. И только начну засыпать, кто-то заботливо трогает за плечо и спрашивает: «Это ваш мешочек? Смотрите, не стащили бы…» Ну потом в полку, когда добралась, коржики пришлись очень кстати, и я не раз добрым словом вспоминала нашего повара… А помнишь, Марина, как в карантине я во сне с койки свалилась? — и Вера звонко, молодо смеется.

И сразу вспоминается начало нашей учебы. Большой физкультурный зал и койки в два этажа. В первую же ночь Вера шагнула вниз, забыв, что спит наверху. Так потом мы с ней и спали вместе на нижней койке до конца пребывания в карантине. И позже, в солдатской казарме, наши кровати стояли рядом. Мы были неразлучны. После долгого дня напряженной учебы, после полетов, лежа в постели, шепотом обсуждали последние события, наши удачи и промахи.

Я с восхищением следила за успехами подруги, училась у нее. У Веры были методические навыки, большой опыт летной работы. Она щедро делилась им с девушками. В эти трудные месяцы учебы Вера была агитатором, ежедневно проводила политбеседы.

Ее хватало на все. Она любила и хорошо читала стихи, танцевала, пела и потому была непременной участницей самодеятельности. Успевала и спортом заниматься, особенно любимой гимнастикой, по которой имела спортивный разряд.

Попав в мае 1942 года на фронт, она выполняла задания командования по обеспечению бесперебойной связи с частями дивизии.

В один из летних дней Тихомирову вызвала командир полка Евдокия Давыдовна Бершанская:

— Вам предстоит очень ответственное дело. Полетите с

командующим воздушной армией генералом. Науменко. Постарайтесь оправдать доверие…

— Задание будет выполнено! — четко ответила летчица.

С Николаем Федоровичем Науменко Тихомирова выполнила более тридцати полетов, Сталинград, Котельниково, Гремячее, Малгобек, Верблюд, Целина. На тяжелый период отступления сорок второго года Вера; стала как бы личным летчиком у командующего.

— Эти полеты были очень важными. Генерал Науменко, — вспоминает Вера, был человеком смелым и хладнокровным, в самых критических ситуациях сохранял выдержку и спокойствие, умение ясно и широко мыслить, выбирать единственно верное решение. Полеты с ним мне очень запомнились.

В одном из таких вылетов Вера с тревогой увидела, что за ее тихоходной невооруженной машиной устремился фашистский истребитель. Что делать? У летчицы; замерло сердце. Молнией пронеслась мысль — в задней кабине командующий, за его жизнь она отвечает головой…

Внизу плоская голая равнина. Укрыться негде. Выход, один — снизиться до предела, недоступного вражескому истребителю. Но вот их разделяет всего лишь двести метров. Фашист дал очередь по самолету и стал делать второй заход, собираясь вновь атаковать беззащитную машину. Тихомирова продолжала крутое снижение. Показание высотомера — 250, 200, 150 метров…

Неожиданно в небе появился краснозвездный «ястребок». После короткого яростного боя немецкий самолет вспыхнул, гитлеровец выпрыгнул с парашютом и был схвачен нашими бойцами.

Николай Федорович приказал приземлиться. Пойманного фашистского летчика допросили, а его парашют — сорок метров шелка — Науменко решил через Тихомирову передать женскому полку.

— Берите его, наверняка девушки будут рады такому трофею. — И, засмеявшись, добавил: — Шейте себе обновки.

В послевоенные годы Науменко не раз вспоминал своего «личного летчика» — нашу Веру, всегда интересовался ее жизнью, работой. В одну из последних наших встреч, вновь и вновь обращаясь памятью к трагическим дням войны, Николай Федорович говорил:

— Много было пережито, выстрадано в годы войны, но и в то время, и сейчас я с глубочайшим уважением, с восхищением склоняю голову перед нашими людьми, их героической самоотверженностью, их великим терпением. А ваши девушки? Никогда не забываю их, ведь они чудеса творили. Помню Верочку

Тихомирову, что за прелестная девушка была, да и к тому ж еще отличный мужественный летчик…

Летом 1942 года, в дни отступления, мы долго не получали писем. Отсутствие вестей из дома угнетало. Настроение, и без того не радостное, опустилось ниже нуля.

— Надо во что бы то ни стало разыскать полевую почту, — решили командир полка и политработники. Когда, наконец, разыскали полевую почту, Тихомировой поручили лететь за письмами для полка и для штаба дивизии.

С нетерпением ждали мы ее возвращения. Когда из приземлившегося По-2 вышла Вера, подруги бросились к ней и едва не задушили в объятиях. Евдокия Давыдовна Бершанская, с улыбкой наблюдавшая шумную сцену, подошла и сказала:

— Ну вот, Вера, ты, словно ласточка, привезла нам добрые вести. Спасибо, родная…

Трудное это было время. Доставалось и нашей Ласточке. Она неоднократно летала на разведку. На тихоходном невооруженном По-2 такие полеты были тяжелыми и опасными. Ведь при встрече с немецкими самолетами машина представляла собой просто мишень.

Однажды в бреющем полете Вера почувствовала, как машину резко подбросило:

— Парирую рулями ее отклонение, — вспоминала позже подруга, — а сама верчу головой, ищу причину такого странного ее поведения и вижу — орел с лету попал в расчалки. Раскачиваю самолет из стороны в сторону, никак не могу столкнуть его тело оттуда. С трудом наконец сбросила. А когда приземлилась, мой техник Маша Чех, увидев меня, побледнела и лицо руками закрыла. Оказывается, я вся была в крови, и она подумала, что я ранена. Позже мы шутили — орлиная кровь!

В августе Тихомирова вместе с офицером штаба дивизии летала на разведку по маршруту Георгиевск — Саблевская — Александровская Солдато-Александровская. В полете были получены ценные данные.

400 вылетов по спецзаданиям, связи, разведке значатся у Тихомировой. 400 раз поднималась она на легком По-2 в небо и с честью выполняла порученное ей непростое дело. В конце сентября 1942 года летчица Тихомирова была награждена орденом Красного Знамени.

…Вера росла в семье рабочего-кузнеца. Жили небогато, как большинство в те годы. Но в доме было всегда светло, тепло, уютно. Семья была дружная. Вера собиралась стать токарем, пошла учиться в ФЗО, но училище вскоре расформировали — пришлось освоить специальность ткачихи, самую

распространенную в тех местах. И хотя не об этом мечтала — работала на совесть, стала ударницей.

Была у девчонки и другая большая мечта — стать балериной. Балетной школы в Шуе не было, и Вера много и упорно занималась гимнастикой. И надо сказать, гимнасткой была отличной, двигалась легко, грациозно. В комнате, где жила Вера, одна стена сплошь была увешана фотографиями балерин.

И вдруг в один день все переменилось. Увидев на обложке журнала «Смена» портрет девушки в летной форме, Вера почувствовала, что именно в небе ее судьба. Теперь на стене был только один-единственный снимок — из «Смены». Мама лишь вздохнула — характер дочки она знала хорошо.

Об увлечении Тихомировой узнали в комитете комсомола. Когда в Шуе организовали планерный кружок при Осоавиахиме, Веру как отличную производственницу направили туда учиться. Летом планеристы выезжали в лагеря, летали на планерах, изучали основы военного дела, совершали прыжки с парашютной вышки. Первые полеты подтвердили — выбор сделан правильно. И когда инструктор сказал о наборе в Батайскую летную школу, Вера очень обрадовалась.

Приехавший на каникулы старший брат — курсант летной школы, узнав о решении сестры поступать в Батайскую летную школу, сказал:

— Нелегко будет тебе, сестренка. Но если сердцем чувствуешь, что это твое настоящее призвание, тогда учись не жалея сил!

Поступив в Батайскую летную школу, Вера в первые же месяцы почувствовала, как не хватает ей знаний. Семь классов — это так мало, да к тому же за время работы на фабрике много подзабылось. Насколько трудно было учиться, можно было судить по тому, что из 120 принятых в училище в 1936 году закончили его всего 32 человека.

Но Вера не сдавалась. Вставала в три-четыре часа утра и уходила в степь, там и занималась, чтобы не мешать соседям по комнате. Со второго курса она была уже отличницей, так и школу закончила — на все пятерки. Получила удостоверение пилота ГВФ 4-го класса и стала развозить почту по селам и городам Одесской области…

Эти полеты, когда ее самолет веселой шумной толпой прибегали встречать ребятишки, молодежь, вспоминались сейчас удивительно светло и солнечно. Каким огромным счастьем был мирный труд! Вернуть его, вернуть на землю мир можно было, лишь одержав победу над ненавистными захватчиками. Значит, все силы нужно отдать этой борьбе. Все силы, а понадобится — и

жизнь!

…С декабря 1942 года Вера стала летать ночью. В первом же полете с опытным штурманом Татьяной Сумароковой попала под очень интенсивный обстрел.

— Растерялась бы я, наверно, — рассказывала потом Вера, — если бы не Таня. Своим спокойствием, самообладанием она показала мне пример смелости и хладнокровия. Рядом с ней нельзя было трусить. Задание мы выполнили.

Штурманом у Веры надолго стала Лида Лошманова — спокойная, выдержанная, знающая и умелая девушка. Экипаж работал слаженно. Каждую ночь вылетали на выполнение боевых заданий.

Вспоминается такой эпизод. Августовской ночью 1943 года мы вылетели бомбить фашистскую технику на Кубани. Сбросив бомбы в расположении войск противника, возвращались на аэродром. Вдруг Вера заметила, что одна бомба осталась в гнезде бомбодержателя — что-то случилось с замком. Возвращаться с таким грузом на аэродром обидно, а главное — опасно. Тогда штурман, рискуя жизнью, осторожно вылезла на крыло, держась за борт кабины, попыталась сбить бомбу ногой. В эти напряженные мгновения Вера удерживала самолет в горизонтальном движении с выключенным двигателем. Рискованная попытка ни к чему не привела. Вконец измученная, Лида вернулась в кабину.

Придется производить посадку с бомбой. А она может в любую минуту сорваться. Летчица осторожно, плавно, что называется, не дыша, повела машину на посадку. Но только По-2 коснулся посадочной полосы — бомба сорвалась. Вера резко дала газ. Самолет устремился вперед. Бомба, к счастью, не взорвалась.

А на посадку шли уже другие самолеты. Заподозрив неладное, заместитель командира полка Сима Амосова, руководившая полетами, запретила посадку другим машинам. Вооруженцы быстро разрядили бомбу и убрали ее с поля. А Вера была страшно расстроена: бомба при падении на землю повредила крыло, и в ту ночь экипаж уже не смог вылететь на задание.

В те дни Вера вела дневник. Вот короткие записи из него, сделанные во время боев на Тамани.

«Вчера ночью бомбили скопление войск противника. Улетая, видели два очага пожара… Третий полет нынешней ночью был особенно удачен. Наблюдала два сильных взрыва — очевидно, бомбы попали в колонну автомашин, везших боеприпасы».

«Мне везет на фашистские боеприпасы: сегодня опять вызвала два сильных взрыва. На этот раз, видимо, взорвались склады,

которые гитлеровцы еще не успели разгрузить. Избавила их от этой заботы!..»

Вера Тихомирова произвела 530 боевых вылетов, в результате которых был нанесен огромный урон врагу.

530 боевых вылетов. Каждый по-своему труден, а потому и памятен. Но есть среди них те, что помнятся особенно, такие, когда минуты стоят недель и месяцев жизни, полеты, после которых появляется первая седина. В такие ночи от летчиц и штурманов требовались выдержка, самообладание и, конечно, мастерство.

— И умение летное, и смелость — это бесспорно хорошо, — говорит и сегодня Вера, — но если к этому добавить летное счастье, ну, просто немножко везения, так и совсем отлично получится! Помнишь мою посадку на кукурузное поле?..

В одну из сентябрьских ночей 1943 года самолет Тихомировой едва не потерпел аварию. Через 20 минут после взлета отказал двигатель. Машина с полным грузом бомб резко теряла высоту. Сбросить опасный груз нельзя — внизу наши войска. Лида выстрелила ракетой.

Летчица пристально всматривалась в темноту. Что внизу? Казалось, самолет вот-вот заденет за верхушки деревьев или за телеграфные столбы — и тогда конец. При недолгой вспышке ракеты Вера успела заметить — в левой стороне неярко блеснула светлая полоска. Туда и довернула она свою машину.

Высота — ноль. Снизу по плоскостям что-то приглушенно стучит. Толчок. Самолет катится довольно спокойно и останавливается. Девушки быстро выбираются из машины и отбегают в сторону. А вдруг взорвутся бомбы?

Полчаса, наверное, они стояли и мерзли. Темнота кромешная, а холодок все основательнее забирает. Вернулись в машину. А когда рассвело, огляделись и только руками развели. Вот уж повезло так повезло! Сели на кукурузное поле, причем так, будто заход строили совершенно обдуманно. С одной его стороны кукуруза вымахала высокая, ее стебли и стучали снизу при посадке, а там, где пробежку делали — кукуруза уродилась низкая и не могла помешать. Но мало этого. С двух сторон поле окружал лес, с одной оно кончалось глубоким оврагом, а еще с одной — канавой… Чудом живы остались!

Утром девушек заметили с пролетавшего самолета и прислали из полка помощь.

На Тамани мы летали много и успешно, вместе со всеми каждую ночь вылетала на боевые задания и Вера. Летишь над территорией, занятой противником, внимательно вглядываешься в темноту. Вражеские машины двигались всегда с затемненными

фарами. Неожиданно блеснет тоненькая полоска света и тут же погаснет. Но для летчиц и этого достаточно: самолеты снижаются до высоты 600–700 метров, штурман сбрасывает САБы — и если по дороге двигалась колонна автомашин или танков, то в эти минуты мы жалели лишь об одном: грузоподъемность По-2 невелика, бомб маловато.

Когда мы на рассвете возвращались с последнего боевого вылета и шли с аэродрома в общежитие, то с линии фронта доносился глухой, перекатывающийся гул. Это наша артиллерия расчищала дорогу наступающим частям. Советские войска освобождали от фашистов Таманский полуостров.

И вот — Тамань свободна. В предрассветном тумане мы перелетаем на новую точку базирования. Пролетаем Варениковский и Ахтанизовский лиманы. Внизу поля с неубранной кукурузой, обугленные развалины станиц. Страшные следы войны видны повсюду.

Мы приземлились у самого берега Азовского моря. Рыбацкий поселок Пересыпь. Холодный осенний ветер, соленые брызги в лицо, унылые крики чаек. На берег, израненный окопами, идут в наступление громады волн. Здесь мы остаемся надолго. Будем летать на Керченский полуостров. Появилось время хоть немного заняться бытом — привели себя в порядок, в полуразвалившихся хибарках и в землянках оборудовали жилье. А боевая работа — нелегкая, напряженная — шла своим чередом.

Осенью 1943 года в эскадрилью, которой мне довелось командовать, заместителем командира назначили гвардии лейтенанта Веру Тихомирову. Она стала во всем моим надежным помощником. Вот скупые строчки из наградного листа от 16 октября 1943 года:

> «Тов. Тихомирова за период боевых действий на фронте проявила себя дисциплинированным, выдержанным, смелым командиром. Летает в сложных метеоусловиях, днем, ночью и в горной местности. Техника пилотирования отличная, потери ориентировки, аварий, поломок не имеет. Материальную часть самолета и мотора знает отлично и умело ее эксплуатирует…
>
> Тов. Тихомирова отлично освоила боевую ночную работу. Отлично владеет техникой пилотирования в ночных условиях. Умело выводит свой самолет из лучей прожекторов и из зоны зенитной артиллерии противника. С сентября месяца назначена на должность командира звена, к работе приступила с большим

желанием. К себе и подчиненным требовательна, повседневно работает над повышением своего летного мастерства. Боевая работа Тихомировой служит образцом для личного состава звена. Из числа произведенных вылетов наиболее эффективными были:

В ночь на 10 марта 1943 г. бомбила переправу в пункте Славянская. В результате точного бомбометания было вызвано 4 сильных взрыва с черным густым дымом, что подтверждает последующий экипаж гвардии лейтенанта Е. Пискаревой.

В ночь на 15 апреля 1943 г. бомбила по скоплению войск противника в пункте Крымская. Несмотря на сильный огонь зенитной артиллерии и пулеметов противника, Тихомирова, маневрируя в зоне огня, умело достигла цели и произвела бомбометание, в результате чего наблюдалось два сильных взрыва, что подтверждает экипаж гвардии лейтенанта З. Парфеновой.

В ночь на 22 июля 1943 года бомбила пункт Луначарский по скоплению войск противника, где была схвачена тремя прожекторами противника. Смелым маневром Тихомирова вывела машину из лучей прожекторов, сделала несколько заходов на цель, произвела бомбометание и точным бомбовым ударом вызвала два очага пожара, которые горели в течение всей ночи, что подтверждают последующие экипажи.

В ночь на 12 августа 1943 года производила бомбометание по живой силе, мотомехчастям и укреплениям противника в пункте Дубинка, в результате точного бомбометания было вызвано 4 сильных взрыва, что подтверждает последующий экипаж гвардии лейтенанта М. Чечневой…

За лично произведенные 180 боевых вылетов с успешным выполнением боевых заданий командования т. Тихомирова представляется к правительственной награде ордену Отечественной войны II степени».

И вскоре мы горячо поздравляли нашу Ласточку с высокой наградой.

Вчитайтесь в скупые, сжатые строки наградного листа. За каждой опасные полеты в ночном небе, изрезанном клинками прожекторов, прошитом трассирующими снарядами. За каждой — риск и отвага, преодоление собственной слабости и страха, непременная воля к победе. В них, в этих по-военному суровых, лаконичных строчках, как в капле воды, отразился боевой путь

моей подруги.

Славной, незабываемой страницей в истории нашего полка остались полеты на небольшой клочок земли на Керченском полуострове — на мыс Эльтиген. Помогая бесстрашным десантникам, мы доставляли им боеприпасы, медикаменты, продукты.

Об этих огненных днях и ночах вспоминает бывший командир 318-й стрелковой дивизии генерал-майор в отставке В. Гладков.

«Первая ночь ноября выдалась ненастной. Суда с солдатами и матросами отошли от причалов Таманского побережья в штормовое море. Мотоботы, сейнеры, катера, переполненные людьми, оружием, боеприпасами швыряло из стороны в сторону. Преодолеть тридцатикилометровую минированную полосу моря в этих условиях было невероятно сложно. Передовые отряды перемещались между собой. Были потери от мин.

У Крыма наш плавучий отряд нащупали лучи прожекторов. Артиллерийский огонь врага достиг предела. Десантники бросались в воду, шли на штурм берега…

В районе Эльтигена мы захватили небольшой плацдарм. Пять суток фашисты непрерывно атаковали этот клочок земли, пытаясь сбросить десантников в море. Пятнадцать — двадцать атак приходилось отбивать за день бойцам 318-й…

У десантников не хватало продовольствия, боеприпасов, медикаментов. Большую помощь нам оказали славные летчицы из 46-го гвардейского женского авиационного Таманского полка. Мужественные девушки каждую ночь перелетали на своих По-2 через пролив, снижались до самой земли и сбрасывали в назначенное место мешки с боеприпасами и продовольствием…»

Аэродром у нас был на этот раз очень неудобный. Узкая полоса морского берега шириной метров 300. С севера — море, с юга — шоссе с линией высоковольтной передачи. На взлете и посадке в непроглядные осенние ночи от летчиц требовалась исключительная точность. Сильно мешал и постоянный ветер, дувший то с юга, то с севера. Прибавьте к этому проливные дожди и туманы, и будет ясно, что это были за полеты, какой выдержки и умения требовали они.

…С наступлением сумерек — мы уже в кабинах самолетов и ждем команду на вылет. Ждем минуты, когда небо и вода сольются, над проливом повиснет туман. Летим. Фашисты неистовствуют. Щупальцы мощных прожекторов шарят над водой. Бьют автоматы, крупнокалиберные пулеметы, ухает береговая артиллерия.

Летим. К месту, где зажжен костер и выложен

опознавательный знак, подлетаем на высоте меньше 50 метров. Перегнувшись через борт, кричим во весь голос:

— Полундра! Лови картошку! Привет, братишки! Ответа не разобрать за шумом мотора и морского прибоя, за свистом и воем ветра. Но слышно — кричат. Живы, держатся — это главное.

Таких полетов у Веры Тихомировой было тридцать пять. Они не стираются в памяти, не тускнеют…

В это же время мы продолжали бомбить вражеские войска, летать на разведку. В ночь на 1 декабря 1943 года экипаж Тихомировой проводил бомбометание по скоплению мотомехчастей и живой силы противника в Ортаэли. Девушкам удалось уничтожить зенитную точку.

Багерово. Невероятно тяжелыми были даже для самых опытных наших экипажей полеты к станции Багерово в районе Керчи. В этом сильно укрепленном населенном пункте немцы установили свыше ста прожекторов. Экипажи Тихомировой и Парфеновой, вылетевшие сюда на разведку, встретил, что называется, ад кромешный — ослепительные лучи прожекторов, пальба зениток.

— Подошли на большой высоте, с выключенными двигателями, — рассказывала Вера. — Сбросили САБы. Аэродром как на ладони, но и мы будто на сцене: к самолету тянутся цепкие лапы прожекторов, огненные строчки светящихся трасс. Осколки дырявили плоскости. Самолет крепко тряхнуло. Но мотор пока работает. Что же случилось? Смотрю, падает давление масла. Господи, только бы через Керченский пролив перетянуть, а там на косу Чушка сядем! Но машина — умница, не подвела, сумела дотянуть до дома. Оказалось, снарядом повредило маслофильтр и один цилиндр разворотило…

А в следующем полете Тихомирову, летевшую с Сумароковой, недалеко от цели на станции Багерово встретил плотный зенитный огонь. Прямое попадание. Самолет загорелся. Скольжением Вера сбила пламя. Резко маневрируя, пыталась вырваться из зоны обстрела. Но с грузом бомб сделать это было трудно. Выход один — резкое снижение. Фашисты, решив, что самолет подбит и падает, прекратили обстрел. Мастерски Вера вывела машину из пикирования и, набрав высоту, зашла на цель с тыла. Отсюда их не ждали. Вниз полетели бомбы, вспыхнули взрывы. А экипаж со снижением уходит в свою сторону. Начавшийся обстрел опоздал. Вера, и Таня, выполнив важное задание, вернулись на свой; аэродром…

Полеты, полеты… Севастополь, Белоруссия, Польша. В апреле 1944 года «за смелое руководство личным составом, лично произведенные 256 боевых вылетов с высокой эффективностью»

летчица Тихомирова удостоена третьей правительственной награды — ордена Александра Невского.

Кроме боевой работы Вера много вводила в строй молодых летчиц и штурманов, вела занятия, постоянно была в гуще полковой жизни. Осенью 1944 года она тяжело заболела. Из госпиталя ее отправили в Москву. Вернуться в полк Вера уже не смогла.

После трудного и длительного лечения Вера сумела вернуться на летную работу. Из ее письма мы узнали, что она получила назначение на военную кафедру в Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе. Боевая летчица учила теперь летному мастерству студентов, а мечтала о тяжелых самолетах…

В 1949 году Вера стала пилотом самолета Ли-2. Отличная техника пилотирования, боевой опыт, правительственные награды… Но, несмотря на все это, в части Тихомирову встретили весьма сдержанно. Еще бы! Она была здесь единственной женщиной. Но прошло немного времени — и летчики приняли Веру в свой мужской коллектив. Ее летное мастерство, настойчивость и воля, открытый ровный характер покоряли всех…

Шли годы, а с ними новые и новые полеты, по дальним и ближним маршрутам.

— Ташкент и Каунас, Ростов и Архангельск, Казань и Рига, — рассказывала мне Вера, — где только ни побывала я в эти годы. Вся страна под крылом. И всюду кипит работа, строится, обновляется земля. Радовалась душа. Даже после самых трудных, самых утомительных полетов мы возвращались на свой аэродром с бодрым, деятельным настроением.

Через несколько лет гвардии капитан Тихомирова стала командиром корабля, на котором до этого летала вторым пилотом. Экипаж уважал и любил своего командира, ценило опытную летчицу и командование, ей поручали все более ответственные задания. А в 1955 году сослуживцы оказали Вере Ивановне высокое доверие — выдвинули кандидатом в депутаты городского Совета. Летчица-коммунистка с честью оправдала это доверие. Работе в комиссии здравоохранения она отдавала много сил и времени. Комиссия содействовала строительству новых больниц, детских садов и яслей, благоустройству и озеленению города…

И еще одно большое событие произошло в том году — майор Тихомирова освоила управление новым самолетом — Ил-14. Это сегодня, когда авиация шагнула далеко вперед, Ил-14 — небольшой пассажирский самолет. А в пятидесятые годы он был

самым совершенным пассажирским и транспортным самолетом. Спустя два года командиру корабля Вере Ивановне Тихомировой было присвоено звание «Военный летчик 1-го класса».

— Большому кораблю — большое плавание, — говорит сегодня Вера Ивановна. — На Ил-14 мы летали далеко — и в союзные республики, и в социалистические страны. Но больше всего почему-то любила я восточную трассу. Ширь Сибири, ее бескрайние просторы, особенную, могучую и удивительную красоту этого края… Вспомнишь эти полеты, и сердце замирает в счастливом тревожном ожидании. Повторить бы все это сегодня…

В авиации Вера Ивановна Тихомирова летала и служила больше двадцати лет. Теперь ее часто можно видеть на фабриках, заводах, в техникумах и школах, она рассказывает о боевых подвигах своих однополчан, о героизме и мужестве советских солдат, которые принесли мир народам земли. Военный летчик первого класса Вера Тихомирова остается горячей пропагандисткой авиационного спорта, с которого начинался ее путь в авиацию, ведет большую военно-патриотическую работу. Наша Ласточка по-прежнему неутомима.

Павлик

Павликом мы ласково звали Тоню Павлову, механика по электроспецоборудованию, появившуюся в полку в январе 1942 года и назначенную в первую эскадрилью. В гимнастерке, ловко затянутая ремнем, круглолицая, коротко остриженная, с веселым и лукавым выражением блестящих глаз, она и впрямь чем-то напоминала мальчишку-подростка. Но к самолетам Павлик приближалась первое время не по-мальчишески робко. До прибытия в полк ей близко не приходилось видеть воздушные машины, ведь родилась Тоня в маленькой деревеньке Колбино Пензенской области. Здесь провела детские годы, окончила семилетку. В шестнадцать лет впервые увидела город.

— Конечно, в детстве я и не мечтала об авиации, просто и представления о ней не имела, — рассказывала позже Тоня, — ведь жила в глухой деревне, далеко от железной дороги. В те годы в селе было мало грамотных людей, жилось трудно, и мечты наши были самые простые — о хлебе, о достатке. А вот когда переехала в город, стала учиться на курсах химиков, а потом работать на Балашовском заводе, кругозор мой несравненно расширился. Об авиации в те годы говорилось так много… И вот я, секретарь заводского комитета комсомола, пошла в райком комсомола и стала просить, чтобы меня послали в летную школу. А секретарь райкома посмотрел на меня и с улыбкой говорит: «Маленькая ты очень. Поработай еще годок да подрасти немного, а потом можно и в летную школу…»

В 1939 году Тоня начала учиться в Саратовском индустриальном техникуме, отсюда и пришла в полк. Забавно было видеть, как она, маленькая, по-крестьянски трудолюбивая, быстрая в работе, трудилась у самолета. Одежда частенько доставалась нашим девушкам не по росту. И вот бывало Павлик пытается подняться не плоскость, а огромные сапоги свободно снимаются с ног и остаются на земле. Куртка — большая, чересчур просторная — превращала хрупкую девичью фигурку в неуклюжую, неповоротливую. Но наш Павлик, как веселый муравей, быстро и аккуратно делала свое дело.

На фронте у застенчивой и не очень-то уверенной в себе девчонки появилась мечта о полетах. Помогли подруги, любившие Павлика, как младшую сестренку.

Как-то раз осенью (мы стояли в те дни в станице Ассиновская) Тоня вернулась с аэродрома усталая, вымокшая и продрогшая. К ней подошла адъютант эскадрильи Тоня Ефимова:

— Тебе, Павлова, нужно идти в наряд к самолетам, больше

некому, посмотрела на иззябшую фигурку и говорит: — Переодеться тебе надо. Снимай-ка все мокрое, я тебе свою теплую одежду дам.

— Пошли мы с Тоней на аэродром, — вспоминает сегодня Антонина Васильевна, — по дороге разговорились. Сердечный, чуткий человек была Тоня Ефимова. Адъютант эскадрильи, она летала на задания как штурман. Идем, расспрашивает меня о моей жизни, кто да откуда и вдруг говорит: «Хочешь, научу тебя штурманскому делу, летать будешь?» Я только коротко выдохнула: «Хочу!»

Но не пришлось Павлику заниматься с Тоней — неожиданная, нелепая в дни войны смерть вырвала Тоню Ефимову из наших рядов. А мечта о полетах, явившаяся, теперь не уходила. Павлик самоотверженно, как и раньше, трудилась, но про себя думала о летной работе, только вслух об этом говорить не решалась. О тайном ее желании догадалась Галя Докутович. Подошла.

— Павлик, хочешь буду тебя штурманскому делу учить?

И девушки стали заниматься — Галя знакомила Тоню со штурманской службой, с теорией полетов, бомбометанием. В ночь на 1 августа 1943 года Галя погибла, и Тоня опять осталась без учителя. Павлова так позже вспоминала об этом: «Такая горечь на душе была после этой страшной ночи, бесконечно жаль было Галочку Докутович, крепко к ней сердцем прикипела я. Мои занятия снова прекратились и настроение было скверное. Эх, думаю, видно, рожденный ползать — летать не может. А так хотелось в воздухе отомстить фашистам за наших девочек. И когда стали в полку формировать штурманскую группу, я набралась смелости, обратилась к начальнику штаба Ирине Ракобольской с просьбой зачислить в эту группу и меня». Училась Павлик успешно, все дисциплины сдала на отлично. Начались тренировочные полеты днем. Тоню Павлову вывозила в первый полет Надя Попова. Требовательная, по-хорошему придирчивая летчица осталась довольна начинающим штурманом. Но физически Тоне в воздухе было плохо — ее укачало, и из машины она выбралась белее стенки. Сима Амосова, руководившая в тот день полетами, увидев Тоню, сразу спросила:

— Как себя чувствуешь? Ты такая бледная!

— Хорошо, все хорошо, — отвечала Павлик, боявшаяся, что если узнают о ее плохом самочувствии в воздухе, то отчислят из штурманской группы.

Учеба продолжалась. И вот последний тренировочный полет днем. Павлова взлетела с командиром эскадрильи Диной Никулиной. Этот полет Тоня вспоминает частенько, хотя и не был

он ни боевым, ни опасным.

Погода на маршруте поначалу была плохая, низкая облачность, обледенение. Но молодой штурман четко прокладывала курс, и экипаж точно вышел к конечному пункту. Небо к этому моменту прояснилось, над головой ни облачка, солнце. Впереди, километрах в пятнадцати, находилась железнодорожная станция. Павлику захотелось посмотреть на нее сверху, и она, забыв свои обязанности, не дала летчику команду на разворот. Залюбовавшись пейзажем, перестала следить за курсом, высотой и скоростью полета. К реальности ее вернул строгий голос командира:

— Где мы находимся? С каким курсом лететь на аэродром? — спрашивала Дина Никулина.

Павлик перепугалась, совсем по-детски и растерянно ответила:

— Не знаю.

Никулина вывела самолет к Кубани и полетела к аэродрому. Тоня замерла на своем месте, мучительно переживая вину. Она глубоко уважала, искренне любила Дину Никулину и Симу Амосову. В эти минуты ей казалось, что своей оплошностью она подвела их. Павлик горячо раскаивалась в досадном просчете и сразу же решила, что ей, конечно, не разрешат больше летать. Но старшие подруги все поняли…

На Тамани началась для Тони Павловой боевая работа. Она стала летать с летчицей Люсей Клопков0й в звене Тани Макаровой. Первый боевой вылет был суровым испытанием мужества и остался в памяти на долгие-долгие годы…

23 октября 1943 года Клопкова и Павлова поднялись в воздух, чтобы лететь на Ляховку на Керченском полуострове. Когда долетели до цели, Тоне показалось, что здесь сосредоточен весь огонь зенитной артиллерии противника. Обстановка и впрямь была для наших ласточек здесь очень трудной. Только отбомбилась Тоня, как их самолет был пойман пучком прожекторов и на него обрушился огонь зениток. Опытная, обстрелянная в четырехстах боевых вылетах летчица в какой-то миг сумела поддержать своего штурмана. По переговорному устройству до Тони донеслось:

— Держись, Павлик! Командуй, как в обычном полете! И повнимательней!

Тоня, оправдывая доверие своего командира, считала прожектора и зенитки, замечала, откуда они бьют, передавала команды летчице. Экипаж благополучно вырвался из огня, лег на курс к родному аэродрому. И вот внизу коса Чушка, кажется — опасность миновала. Но на протяжении всего Керченского

пролива девушки летели под огнем противника.

Приземлились, доложили о выполнении боевого задания. Командир полка и комиссар поздравляли Тоню с началом боевой работы.

— Поволновались мы тут за вас, — сказала Бершанская, — отсюда видно было, как долго вы находились в лапах прожекторов и под обстрелом.

— Да, настоящее боевое крещение ты, Тоня, прошла, — добавила замполит Рачкевич. — Ну, удачи вам, девочки!

С этой ночи началась боевая работа штурмана Антонины Павловой и продолжалась почти до конца войны, до 9 марта 1945 года, когда Тоня была тяжело ранена. Первые ночи она делала по одному вылету, потом по два, по три, постепенно втягивалась в боевой напряженный ритм.

— Со своим командиром Люсей Клопковой мы крепко подружились, на земле, бывало, договоримся обо всем, а в воздухе каждый четко выполняет свое дело. Я себя с ней чувствовала уверенно, да и Люся была мной довольна. Только однажды Люсю послали в наряд, а меня назначили лететь с командиром звена Таней Макаровой. Я, конечно, заволновалась — штурман-то я неопытный, вдруг что не так, — вспоминает Антонина Васильевна. — Идем к самолету, а Таня говорит: «Ты, Павлик, не бойся летать: Люся самый лучший летчик в нашей эскадрилье, опытный, умелый, на нее всегда можно положиться, и человек она очень справедливый». А меня и уговаривать не надо — для меня лучше Люси не было командира.

Макарова и Павлова выполнили задание, удачно вырвались из света прожекторов и огня зениток, легли на обратный курс. Летят над Керченским проливом, и Тоня с удивлением замечает, что летчица начала набирать высоту. Обычно с задания возвращались на более низких высотах.

— Бери управление, — говорит Макарова. — Как бы ты повела самолет, если бы меня, например, ранило?

— Как я могу взять управление, я ведь не летчик. А что делать? — позже рассказывала Павлик. — Взяла, повела машину. Как я управляла, это только Таня знает, но через небольшое время она берет управление и говорит: «Посмотри на высоту!» Смотрю — 600, а была 1200 метров. Это я ввела самолет в штопор, и если бы действительно что случилось с летчицей, мы бы погибли. Вот такой урок мне Таня дала. В ту ночь мы выполнили с командиром звена пять боевых вылетов, и в каждом, когда выходили на свою территорию, Таня учила меня вести самолет. С этого полета я всегда следила за действиями летчика в воздухе.

Таня Макарова была заботливым и умелым воспитателем для начинающих летчиц и штурманов. После полетов с ней Тоня почувствовала себя свободнее, раскованнее и не волновалась уже так, когда ей приходилось летать не с Люсей Клопковой, а с другими летчицами. С Макаровой Павлова летала и на Багерово. В одном из таких вылетов сброшенная Тоней Павловой бомба попала в цистерну с горючим. Видимо, недалеко находились боеприпасы — раздались взрывы и начался сильный пожар. Правда, девушкам было тоже жарковато. Плоскость самолета была пробита, но экипаж не пострадал.

А в другом полете на Багерово с Наташей Меклин Тонины бомбы попали в склад с боеприпасами, но у самолета снарядом разворотило левую плоскость. Уходили на север в сторону Азовского моря. Наташа с трудом удерживала самолет в воздухе, а Тоня переживала, сознавая невозможность помочь в эти минуты летчице…

Экипаж Тони Павловой и Люси Клопковой стал очень дружным, слаженным. Спустя 20 лет после войны Люся писала о своем штурмане: «Для меня лично Тоня была заботливой, внимательной сестрой. Я была ограниченно годной к полетам, но скрывала это, скрывала свою болезнь. Когда полет был продолжительным, с трудом доводила машину до цели, а на обратном пути передавала управление штурману. И маленькие Тонины руки умело держали штурвал. Своими боевыми успехами я во многом обязана ей». Не многие из нас в те дни знали об этом о терпеливом мужестве Люси, о молчаливой преданности ее штурмана, ее младшей боевой сестры. Немало испытаний выпало на долю подруг.

В начале декабря 1943 года в тяжелых условиях оказался десант моряков, высадившихся на полуостров в район поселка Эльтиген. Полеты на помощь мужественным десантникам были очень напряженными, требовали от экипажей огромного самообладания и выдержки, четкой, слаженной работы. В непроглядной густой тьме точно выдержать курс, сбросить боеприпасы и продовольствие, развернуться и уйти в море, чтобы не столкнуться со своим же самолетом. Вражеские прожекторы и зенитки, низкая сплошная облачность над проливом, снег пополам с дождем — все было против летчиц, и все они преодолевали. Таких полетов у Тони — четырнадцать.

Отдыха в эти дни почти не было. Спали в нетопленом домике рыбачьего поселка, на нарах, по двое в спальном мешке. Сон короткий, полный тревожных видений.

* * *

Как немного нужно юности, чтобы стряхнуть с души тяжелые, угнетающие впечатления, выпрямиться и веселой минутой, песней или шуткой вернуть себе оптимизм, без которого нельзя жить и бороться. Как часто мы смеялись и пели в самой казалось бы неподходящей обстановке и как это помогало нам…

Сложными были полеты на Керчь. В одну из ночей во втором вылете в машину Клопковой — Павловой попал снаряд и повредил один цилиндр. Трудно представить, каких отчаянных усилий стоило Люсе вывести машину и перетянуть через пролив. Воля мужественной летчицы, её опыт, мастерство и попутный ветер помогли экипажу — пролив остался позади, но дотянуть до аэродрома не удалось.

— Павлик, придется садиться на вынужденную, — сказала Люся. — Или пан, или пропал. Если что — не поминай лихом. Сядем, стреляй ракетами. Девочки наши сверху увидят, будут знать, где нас искать.

Тоня выпустила несколько белых ракет, освещая землю. Спустя несколько томительных мгновений машина коснулась земли и, удачно избежав многочисленных рвов и воронок, остановилась. Девушки определили, что находятся где-то в районе Фонталовской.

— Павлик, постарайся поскорее добраться до аэродрома. Я останусь с самолетом до рассвета, — сказала) Люся.

Подруги крепко обнялись. Тоня решительно зашагала в темноту. Ей хотелось как можно скорее найти своих, чтобы помочь любимому командиру. Павлику повезло — первая же встреченная танкетка шла в нужную* сторону, и очень скоро Тоня очутилась в полку. Доложила о случившемся и, так как была еще ночь, вылетела на очередное задание с Надей Топаревской. И в каждом вылете с Надей, проходя над местом вынужденной посадки, она сигналила Люсе ракетами, подавая подруге знак, что о ней знают, помнят, скоро придут на помощь.

Эта ночь оказалась для Тони одной из самых тяжелых. В последнем вылете был поврежден мотор. Снова вынужденная посадка, не менее отчаянная, чем первая, снова сжимающее сердце волнение. Только на этот раз посадку произвели прямо на Керченском полуострове, тянуть через пролив было невозможно. По счастливому стечению обстоятельств, сели именно на тот небольшой клочок земли, который был отвоеван нашими, и были сразу же обнаружены своими. Бойцы санитарного батальона разместили девушек в своей палатке. Утомленная до предела волнениями бесконечно долгой ночи, Тоня забывалась буквально на несколько мгновений и тут же просыпалась. В сознании с удивительной четкостью вновь и вновь всплывали самые острые

моменты сегодняшних вылетов. Охватывала тревога за Люсю. Потом снова одолевала усталость, приглушенные голоса бойцов, охранявших у землянки покой своих неожиданных гостей, явившихся с небес, отодвигались, и на несколько минут Тоня засыпала. Так прошли короткие часы отдыха.

Утром Павлику удалось улететь на Большую землю с одним из «братцев» летчиков полка майора К. Бочарова, а Надя осталась с машиной и вернулась в полк через два дня, после того как самолет был отремонтирован.

Павлик, Павлик! Нежная, любящая, самоотверженная душа… Вспоминаю сегодня годы войны и дивлюсь, как в грубой военной обстановке, полной не только смертельной опасности, но и чисто физических лишений, бытовых неудобств, мы сохраняли нетронутыми нежность и чистоту, свойственные юности. Как свято берегли отношения товарищества, какой непорочно чистой, незамутненной была любовь, когда она встречалась на фронтовой дороге девушки-воина! А как мы дорожили ею и берегли ее — эту любовь!

Нередко встречались на путях-дорогах фронтовых и родственники. В те дни, когда мы летали на Севастополь и мыс Херсонес, по соседству с нами стоял полк морской авиации, в котором летчиком служил брат Тони. Эти дни, по признанию Антонины Васильевны, были для нее и радостными, и по-особому трудными. Ночью полеты, а днем тревога за брата. У Павловых были установлены сигналы, которыми они давали друг другу знать о себе. Расстояние в три километра между аэродромами полков-соседей брат и сестра преодолевали легко и при малейшей возможности спешили увидеться.

— Вчера нам крепко досталось, — с жаром рассказывала Тоня, встряхивая мальчишеским чубчиком, — но и фрицам не поздоровилось. Мы с Люсей оказались над их аэродромом в тот момент, когда самолеты выруливали на старт. Высота у нас была приличная. Подошли с планирования, сбросили «гостинцы». Здорово! Но тут же угодили в сплошной огонь, еле ноги унесли. Вернулись, а Леля Евполова — это наш техник — говорит: «Что же вы натворили? Ведь ни перкали, ни эмалиту не хватит, чтобы залатать „ласточку“».

— Эх, Тонечка, сказал бы тебе — будь осторожнее, да ведь сам летаю, знаю, что к чему. Хочется жить до Победы, но еще больше хочется прогнать гадов с нашей земли, — обнимая сестренку за плечи, говорил брат.

Снова подошла и новая разлука. Херсонес был освобожден, и мы перелетели в Белоруссию.

Если бы своими глазами не видела, сама не летала, то и не

поверила бы теперь, что можно летать с таких площадок, с каких летали мы в лесной и болотистой Белоруссии. Особенно сложными были полеты в районе Минского котла. Площадки обычно выбирали около леса, а из леса нередко выходили «бродячие» группы гитлеровцев.

Как-то летали с площадки за Березиной. Площадка у самого леса, машины тщательно замаскированы. Подходят Люся и Тоня к своему самолету и видят, что от леса идут четверо немцев с поднятыми руками, а за спинами — автоматы. Здесь подоспели другие девушки, и немцев под конвоем отправили в штаб.

Ярким примером самоотверженной фронтовой дружбы стал вылет на одну из станций железной дороги Гродно — Белосток. Мы базировались восточнее Гродно. В ту ночь первыми бомбить логово врага вылетела Татьяна Макарова с Верой Белик — своим незаменимым штурманом. За ними в воздух поднялся экипаж Клопковой — Павловой. Девушки, летевшие за своим командиром звена, увидели, как на машину Макаровой обрушилась стена вражеского огня. И они, не раздумывая, бросились на помощь подругам.

Отвести удар от товарищей, принято огонь на себя — это особое мужество. Самолет Клопковой — Павловой оказался в настоящем пекле. Ослепительный свет прожекторов, разрывы снарядов, треск пулеметов. Снарядами разорвало плоскость и фюзеляж, но машина, вся в пробоинах, продолжала полет к цели. В этот момент на помощь подругам поспешили экипажи Иры Себровой и Наташи Меклин. Они приняли огонь врага на себя. Удачно сброшенными бомбами заставили замолчать несколько зениток, Люся и Тоня сумели вырваться из лап прожекторов, избежать пулеметных очередей.

Верный, испытанный друг, терпеливая, многострадальная «ласточка» вышла из этой переделки основательно покалеченной. Надежды добраться на ней до своего аэродрома почти не было.

— Будем садиться в Гродно, Павлик, до своих не дотянуть, — сказала командир.

Тоня подсвечивала ракетами, но подходящей для посадки площадки не находилось. На израненной и обожженной земле не было ни одного мало-мальски ровного кусочка — воронки, рвы, траншеи… Люся продолжала вести изуродованную машину вперед и вперед и каким-то чудом дотянула до своего аэродрома.

Приземлились благополучно, зарулили на заправочную полосу. И тут Павлик перепугалась за своего командира. Клопкова, не шевелясь, сидела в кабине, не делая даже попытки встать и выбраться из самолета.

— Люся, что с тобой? Тебе плохо? Ты ранена, да? Скажи же

что-нибудь!

— Все в порядке, Павлик, все хорошо. Просто устала как никогда.

Через несколько минут девушки докладывали на КП о выполнении боевого задания.

— Машина в тяжелом состоянии, хотели даже садиться в Гродно, — добавили они после официального доклада.

— Ну, девочки, под счастливой звездой родились, — воскликнула Бершанская. — Гродно снова немцы захватили. Если бы вы там сели, прямо в руки к фашистам топали бы…

Немало эффективных вылетов совершил экипаж Клопковой — Павловой в районе Ломжи и Остроленки на территории Польши. Августовской ночью 1944 года подруги, довольные результатами своего вылета, возвращались на свой аэродром.

— Скоро будем дома, осталось совсем немного, — говорила Тоня. — Бомбы сегодня легли как надо. Ты не видела, какой пожар полыхнул у фрицев?

А на земле их встретила тяжелая весть: погибли Таня Макарова и Вера Белик. Милые, родные девочки! Сколько лет минуло с той трудной, горькой поры! Мы выросли, повзрослели, а потом и постарели, а вы остались, живете в благодарной памяти нашей все такими же юными, прекрасными. Прошли длинные годы, но сердце снова и снова сжимает боль за павших подруг и в памяти снова звучат ваши веселые, чистые голоса.

«Я вам не скажу за всю Одессу, вся Одесса очень велика» — мелодия любимой Таниной песни словно преследовала Тоню. В голове никак не укладывалось, что Тани и Веры нет в живых.

В эскадрилью назначили нового командира — хорошего опытного летчика Клаву Серебрякову и нового штурмана — Лиду Демешову. Боевая работа шла своим чередом. Тоня вновь и вновь поднималась в грозное ночное небо, чтобы мстить ненавистному врагу за поруганную землю, за гибель подруг. В кармашке ее планшета хранилась фотография Тани Макаровой — любимого командира.

Наутро 9 марта 1945 года Тоня вместе с Клавой Серебряковой полетели бомбить скопление немцев d Гданьске. Этому полету было суждено стать последним в жизни штурмана Антонины Павловой.

Много позже Тоня рассказала, что произошло в том полете.

«На цель мы вышли нормально, отбомбились хорошо, но Клаву ранило. Когда стали возвращаться, погода начала стремительно портиться. Ветер, снег — ни зги не видно. Наш аэродром был закрыт, приняли решение тянуть подальше на юго-восток. Искать посадочную вблизи не решились — из-за опасения

попасть в „котел“ к немцам. Думаем, надо сесть поближе к городу и недалеко от дороги, чтобы сразу же, ночью, определить обстановку. Я выпустила две осветительные ракеты, просматривая местность, и больше ничего не помню. Очнулась к концу следующего дня. Не знаю, после меня или раньше пришла в сознание Клава. У меня было странное состояние: вроде бы все вижу, понимаю, что с нами, а что произошло — ни понять, ни вспомнить не могу.

— Тоня, ты можешь стрелять? Дай знать, может нас найдут… — сказала Клава. — Только три патрона оставь, вдруг немцы. Тогда — сначала меня, потом себя. Слышишь?

— Слышу, — отвечала я, чувствуя вместо губ какие-то лохмотья.

Клава лежала под обломками самолета, а меня выбросило чуть в сторону. Мне удалось встать на уцелевшую ногу и повиснуть на стоявшей ребром плоскости. Но я даже не сознавала, что у меня сломаны рука и нога. Лицо было все разбито. Я что-то делала, но для чего это нужно — не понимала.

Привстав, увидела, как немецкие ребятишки катаются на санках. А как подошли немки с детьми — не помню. Заметила их уже рядом с обломками самолета. Я не знала немецкого, они не понимали по-русски. Потом женщины стали перетаскивать меня и я снова потеряла сознание. А когда очнулась, у самолета стоял невысокий красноармеец.

Он отыскал мой планшет, положил меня на санки и повез в госпиталь. Я невнятно, но с жаром повторяла ему:

— Там летчица осталась, там Клава…

Боец успокаивал меня:

— Клаву доставим в тот же госпиталь. Не волнуйся! Лежи, лежи спокойно!»

В госпитале Тоню и Клаву поместили в одну палату, но они даже разговаривать не могли. У Павловой были обнаружены переломы руки и ноги. Клаве грозила ампутация ноги.

В палату к Клаве и Тоне часто заглядывал выздоравливающий летчик-фронтовик Кузьма Ильич Яковенко. Читал раненым летчицам вслух книги, газеты, писал письма родным. В Белоруссии во время оккупации у Кузьмы Ильича случилось горе — погибла жена, остался сын. Кузьма Ильич заботливо помогал Тоне, когда она училась ходить сначала на костылях, а потом с палочкой. Около нашей нежной и всегда улыбающейся Тони он оттаял, потеплел.

После окончания войны Тоня по просьбе Кузьмы Ильича приехала к нему в Ленинград, где в то время стояла его часть…

В послевоенной жизни наш отважный штурман Тоня Павлова,

награжденная орденами Красной Звезды, Отечественной войны, Красного Знамени и боевыми медалями, выбрала очень женскую, очень мирную профессию — стала учителем. У Антонины Васильевны и Кузьмы Ильича Яковенко большая, дружная семья — три сына, дочь, внуки. Девятого мая, в День Победы, мы встречаемся с нашим Павликом в сквере у Большого театра, и хотя годы изменили нас, нам как и тогда, на фронте, легко и просто друг с другом.

Девятнадцатый вылет

В селе Русское Краснодарского края в братской могиле рядом с боевыми подругами покоится прах Ани Высоцкой. Она успела в жизни так мало — ей было всего 22 года, и погибла, сделав лишь 19 боевых вылетов, не успев вкусить радости побед, не успев испытать счастья любви и материнства…

Трагична судьба семьи Высоцких. На фронт Великой Отечественной ушли четверо детей: Аня и ее три брата — Яков, Антон, Леонид. Летчица Аня Высоцкая, партизан Антон Высоцкий и краснофлотец Леонид Высоцкий пали смертью храбрых. Вернулся только Яков. Их отец Григорий Антонович умер во время оккупации. Его зверски избили полицаи за то, что не захотел снять со стены фотографии своих детей — воинов и на вопрос: «Комсомольцы ли они?» гордо ответил: «Да».

…Хорошо помню первый боевой вылет Ани. Это было 19 июля 1943 года.

Перед вылетом на задание Аня вместе со мной — командиром звена и своим штурманом Лидой Лошмановой уточнила подробности маршрута, все особенности подхода к цели, возможности ухода в случае осложнения обстановки. Она просила задавать ей вопросы: как выводить самолет из зоны прожекторов и зенитного огня? как действовать в том или ином случае?

— Вы спрашивайте, спрашивайте меня, как на экзамене, строго и обо всем. Это я себя проверяю… — смущенно повторяла Аня.

Потом она подошла к Тане Макаровой, командиру нашей эскадрильи, и четко отрапортовала:

— Товарищ лейтенант! Младший лейтенант Высоцкая к выполнению первого боевого вылета готова!

— Желаю удачи! — ответила комэск.

Первый боевой вылет. Наконец-то! Она так долго стремилась к этой цели с первых дней войны…

Мы вместе шли к самолетам. Аня, всегда очень подтянутая, безукоризненно опрятная, умевшая в той же форме, что и все, быть как-то по-особенному щеголеватой, сегодня выглядела нарядно: белоснежный подворотничок, начищенные до блеска сапоги, отутюженная гимнастерка. Свой первый вылет она встречала как праздник, вся буквально светилась радостью.

Наш с Олей Клюевой экипаж вылетал первым, а через пять минут за нами Высоцкая и Лошманова. По службе Аня, как летчица моего звена, обращалась ко мне «товарищ командир», а в

обычное время по имени. И сейчас, когда мы расходились по машинам, она, положив мне руку на плечи и на мгновение прижавшись, негромко сказала:

— Если б ты знала, Марина, какая я сегодня счастливая. Вместе с вами иду на врага. Первые бомбы — за мои родные места, за Украину, которую топчут фашистские изверги…

— Всем сердцем понимаю тебя. Желаю успешного вылета!

Я готовилась к запуску, к выруливанию на старт, а думала о Высоцкой. Первые боевые вылеты. Они всегда вызывают тревожное волнение. Как справится необстрелянная летчица с боевым заданием? Не растеряется? Сумеет преодолеть естественную робость, неуверенность? Правда, штурман у Ани опытный поддержит, подскажет. Но и обстановка в те дни была очень и очень сложной. Здесь, на Голубой линии, фашисты прикрывали свои расположения сильнейшим зенитным огнем, десятки прожекторов и истребителей встречали наши маленькие тихоходные машины. И вырваться из их цепких объятий иной раз казалось невозможно даже закаленным в боях летчицам и штурманам.

Тяжелая ночь. Каждый экипаж возвращался на аэродром, пройдя огненное испытание. Мы с Олей произвели посадку раньше Высоцкой и Лошмановой и готовились к очередному вылету. Ольга пошла на КП доложить о выполнении задания, а я с беспокойством вглядывалась и вслушивалась в ночную темь — где же самолет Ани? Но вот послышался характерный рокот двигателя. Еще несколько тягостных минут — и машина Высоцкой приземлилась. Я подошла к машине. Аня и Лида выбрались из кабин, доложили о выполнении задания. Подошла Оля, мы поздравили Аню с началом боевой работы. Тут техник звена Маша Щелканова обратилась ко мне:

— Командир, взгляни на их самолет!

Мы глянули и ужаснулись. Многочисленные пробоины, фюзеляж поврежден. Да, это было настоящее боевое крещение! И не растерялась молодая летчица, сумела привести плохо управляемую машину на свой аэродром.

Только теперь, когда спало напряжение, Аня не выдержала и бросилась целовать Лиду:

— Это ты, ты помогла мне сегодня! Если б не Лида, я бы растерялась: такой огонь на нас и прожектора схватили — не вырвешься…

— Да, — подтвердила Лошманова, — из четырех огневых точек били по нашей «ласточке», а пять прожекторов держали. Ну ничего, Анечка, лиха беда начало… А ты молодчина! Таким курсом и следуй!

Все поражались, глядя на израненный самолет Высоцкой — Лошмановой, вновь и вновь поздравляли Аню с началом боевой работы, а она восторженно повторяла:

— Я летчик. Наконец-то! Как долго ждала этого дня! Действительно, на фронт она рвалась с первых дней войны. Хорошо бы в авиацию, а нельзя — так куда угодно, лишь бы на фронт. Ей несколько раз отказывали. Но упорная девчонка добилась своего — Высоцкую отправили в школу первоначального обучения, где готовились кадры для фронта. Молодой летчик-инструктор напряженно работает: готовит летчиков и сама совершенствует свою технику пилотирования, учится у старших товарищей.

Позже, на фронте, Аня говорила об этом времени:

— Тяжело было. И не потому, знаешь, что приходилось помногу работать кто же в эти дни работал мало? — не потому, что физически выматывалась. Было тяжело от мыслей бесконечных о родных, о близких. Братья на фронте, а что с родителями — не знаю. Казатин оккупировали фашисты, терзают нашу дорогую Украину. И все время казалось, что здесь, в тылу, я мало пользы принесу, вот на фронте — там нужнее. Без конца вспоминались мирные дни, вспоминались так светло-светло.

Аню рано стала привлекать авиация. Старший брат Яков бия инструктором по парашютному и планерному спорту в дорожно-транспортном совете Осоавиахиме. Его рассказы родили желание у девочки попробовать свои силы, испытать свою волю. В 14 лет ученицей 9-го класса Аня пропадает у парашютной вышки. Прыжки с 70-метровой высоты приносят счастливое ощущение полета, гордое сознание преодоления себя. Летала Аня и на планере. На высоту 25 метров. Эти первые небольшие высоты и стали началом пути в небо.

Школьная подруга Вера Чекорская не переставала удивляться:

— Как ты, Анечка, все успеваешь? Учишься хорошо, с пионерами своими столько возишься, а уже про спорт и не говорю. Велосипед, волейбол, лыжи, а теперь еще и планеризм. Откуда времени на все взять?

— Захочешь — успеешь, — поблескивая своими красивыми глазами, с юным задором отвечала Аня. — А всерьез — ты только не улыбайся, что я высоким стилем говорю, — у меня цель большая. Ради такой цели можно не жалеть сил. Я твердо решила стать летчицей.

Аня упорно шла к поставленной цели. В 1937 году окончена школа. В родном Казатине аэроклуба не было, и Аня уезжает в Ереван к тете. Начинает работать библиотекарем в Ереванском

аэроклубе. И поступает одновременно учиться на пилотское отделение. После окончания теоретического курса все экзамены сдала на отлично и, счастливая, начала осваивать практические полеты. В июле 1939 года инструктор Иван Становое выпустил в первый самостоятельный полет упорную ученицу.

После нескольких полетов Аня еще тверже, чем прежде, решила посвятить жизнь авиации. Она совершенствует свое летное мастерство, становится летчиком-инструктором. Она думала поступать в авиационный институт и, учась, продолжать полеты в аэроклубе. Эти планы нарушила война.

К нам в полк Высоцкая пришла из 145-й отдельной авиаэскадрильи, выполнявшей задания командования по связи и базировавшейся в Тбилиси. Не один десяток таких полетов выполнила и Аня.

Аню зачислили в мое звено, и мы очень быстро подружились. Она мне сразу понравилась, да и не только мне, — веселая, неунывающая, всегда с милой улыбкой, всегда готовая помочь. Аню отличала активная доброта, внимание к людям. Ее не надо было просить о помощи, она сама сразу замечала, когда кому-то было трудно, и спешила сделать все, что могла.

До боевых вылетов было еще далеко. Нужно пройти тренировки в дневных условиях — полеты по кругу, в закрытой кабине по маршруту. Потом перешли к тренировочным ночным полетам. В начале 1943 года наш фронт перешел в наступление. Мы наносили бомбовые удары по отступающему противнику в Ставрополье. Напряженная обстановка заставляла летать в любую погоду. Но как только появлялось «окно», мы вместе с командиром эскадрильи Татьяной Макаровой тренировали новую летчицу. Не все сразу получалось у Ани, но ее отличало огромное терпение и трудолюбие. Упорно преодолевая трудности, она училась мастерству у опытных летчиц.

Кроме летной учебы у младшего лейтенанта Высоцкой было немало обязанностей: дежурство на старте и по полку, быть часовым и оперативным дежурным, приходилось помогать и техникам в подготовке машин к очередной боевой ночи, когда экипажи отдыхали после полетов. Все эти обязанности Аня выполняла. Ей была свойственна глубоко сознательная внутренняя дисциплина. Даже в наших дружеских разговорах — беседах по душам она никогда не высказала недовольства, что вот, мол, она — летчик, а выполняет другие обязанности.

Но что бы ни делала Аня, она с нетерпением ждала дня, когда ей доверят боевой самолет, чтобы вместе с подругами громить ненавистного врага. Надо было видеть ее глаза, когда она провожала экипажи на старте. И вот, наконец, этот день

пришел и принес с собой сразу же такое трудное испытание. Ну что ж, лейтенант Высоцкая выдержала его с честью.

В один из июльских дней Аню вызвали на заседание комсомольского бюро. Внимательно выслушали ее рассказ о первом боевом вылете, пожелали боевых успехов. От волнения Аня разрумянилась, у нее больше чем обычно заблестели глаза. Тряхнув головой с короткой мальчишеской стрижкой, она сказала:

— Девочки, товарищи, вот увидите, все силы, все отдам, а любое боевое задание выполню.

Пророческими оказались эти вырвавшиеся из сердца слова.

Огненные ночи сорок третьего года. Как давно эта было! И кажется, совсем недавно! Далеко в прошлое отодвинулись события тех дней, но не заживают раны сердца. И сегодня вы рядом с нами, дорогие наши подруги, жизнь отдавшие за Победу, вы в памяти нашей, в сердцах, навсегда сохранивших верность фронтовой дружбе.

Аня, Анечка! Жизнерадостная, веселая непоседа. В ней столько молодого огня было, задора. И при этом великая целеустремленность — летать, летать… С первого вылета она старалась не отстать от самых опытных летчиц.

В одну из июльских ночей Аня вылетела на боевое задание вместе со штурманом полка Женей Рудневой в район станицы Крымской. Командир полка Е. Бершанская встречала на аэродроме возвращавшиеся экипажи. Волнуясь за своих девочек, она, естественно, особенно беспокоилась за недавно пришедших в полк и еще не имеющих большого опыта. Все, кто уже успел вернуться с задания, находились у командного пункте и с нетерпением ждали задержавшихся, напряженно вглядываясь и вслушиваясь в темное небо.

Один за другим приземляются экипажи. Небо стала затягивать плотная облачность.

— Что-то долго нет Высоцкой, — негромко проговорила командир полка. Сегодня пятый ее вылет.

Вот уже все дома, а Высоцкой и Рудневой все нет. Облака низко и плавно накрыли аэродром. Стало душно и глухо, словно перед грозой. А может быть, это от волнения так кажется? Нет, не может быть, ничего плохого не должно случиться, ведь у Жени Рудневой такой опыт. Уже не одной молодой летчице помогала она «стать на крыло», дала путевку в боевую жизнь. Но их все нет и нет. От напряжения душевного и физической усталости не хочется говорить. Сердце отстукивает длинные минуты. Где же вы, девочки?

— Вот поверьте, ничего не случилось! — восклицает техник

Катя Бройко. Слышите, слышите! По-два летит! Да вы прислушайтесь получше! Точно, летит!

Действительно, в глухой плотной тишине мы, теперь уже все, услышали родной гул. И мне вспомнились слова Ани о ее первом инструкторе:

— Он любил повторять, что, мол, в воздухе бывают самые разные неожиданности. Что бы ни случилось — не теряйся. Принимай решение быстро, без колебаний… И всегда верь в свои силы. Ты — летчик.

— Да, но то было в мирном небе, а сейчас — война. Страшная, кровопролитная война, которая каждый день готовит нам трудные испытания, сказал кто-то.

— Ну и что же, все равно мы — летчики, — возразила Аня. — Значит — не теряться ни при каких обстоятельствах и обязательно верить в свои силы, — и словно убоявшись громких слов, она мягко улыбнулась…

Гул самолета становился все ближе, громче. Наконец Высоцкая благополучно приземлилась. Мы с Олей Клюевой поспешили на заправочную полосу, куда она зарулила машину.

— Боевое задание выполнено, — доложила Аня командиру полка, — но самолет поврежден. На цель пришлось заходить несколько раз, а по машине беспрерывно били зенитки, пять минут держали прожектора. — И, сбиваясь с официального тона, добавила: — Если бы не штурман полка старший лейтенант Руднева, не знаю, как бы я вышла оттуда. Она мне так своевременно команды подавала, и вот — вырвались.

— Наш птенец настоящим соколом будет, — сказала Женя. — Не теряется в трудный момент. С заданием справилась и самолет привела домой…

— Ну вот, Аня, и тебе война своим дыханием опалила крылья, — тихонько сказала Таня Макарова, наш комэск. — Теперь ты уже обстрелянный соколеныш.

После этого задания Анна Высоцкая стала летать и в темные, и в лунные ночи, входила в ритм боевой работы. А каждый вылет на Кубани отличался большим напряжением, таил в себе бесконечные опасности.

22 июля 1943 года Аня Высоцкая со штурманом Лидой Лошмановой полетела бомбить скопление техники врага в районе станции Варениковская. Лида рассказывала после возвращения на свой аэродром:

— Мы уже почти вышли на цель, когда самолет схватили три прожектора. Тут же открыли огонь зенитки. Началась настоящая свистопляска. А пилот мой молодец, слушает команды, с курса не сворачивает. Чувствую, что пробоин в плоскостях и фюзеляже уже

немало, а обстрел все усиливается. Тут Аня разворотом вправо со снижением вырвала «ласточку» из-под обстрела. Снова заходим на цель, только уже с противоположной стороны. Сбросила я две пятидесятикилограммовые бомбы на зенитку, которая уж очень рьяно стреляла, та замолкла. Сбросила остальные бомбы. Ложимся на обратный курс. Отлетели немного, и я говорю Ане, что под обстрелом находились ровно шесть минут. «Неужели только шесть? — удивилась она. — Ох и длинными они мне показались…»

— А зенитку вы точнехонько поразили, — заметила тут Таня Макарова. — Мы с Верой за вами летели.

Скупая на похвалу, командир эскадрильи Татьяна Макарова снова при разборе полетов похвалила Высоцкую и Лошманову за четкие действия над целью. Аня радовалась и смущалась и, как всегда в таких случаях, коротко взглянув на подругу, опускала вниз свои красивые глаза и закрывала ладонями разрумянившиеся щеки.

Аня Высоцкая погибла в страшную ночь 1 августа 1943 года. Это был ее девятнадцатый вылет. В ту ночь погибли сразу четыре экипажа, в которых вылетали: Женя Крутова, Лена Саликова, Аня Высоцкая, Галя Докутович, Соня Рогова, Женя Сухорукова, Валя Полунина, Ира Каширина. Дорогие наши девочки, боевые подруги! Яркими факелами в ночи вспыхнули ваши сердца, полные любви к Родине. Вспыхнули и сгорели. Но огонь этих юных сердец светит нам и сегодня…

В ночь на 1 августа наша эскадрилья вылетела первой. Аня Высоцкая подошла ко мне незадолго до вылета и попросила, чтобы ей дали в эту ночь опытного штурмана. Я передала ее просьбу Тане Макаровой. Бывшая рядом Женя Руднева, услышав этот разговор, пообещала послать с Аней одного из штурманов звеньев. Так с Аней на этот раз полетела Галя Докутович.

Экипажи вылетали на задание с обычными интервалами — три — пять минут. Высоцкая и Докутович были вторыми. Мой самолет шел восьмым. Это и спасло нас с Олей Клюевой…

В июле 1943 года превосходство нашей авиации в воздухе становилось все ощутимее. На Таманском полуострове, где сражался наш полк, шли исключительно жаркие бои. Наша авиация не давала гитлеровцам покоя ни днем ни ночью. А маленькие «ласточки» висели над позициями противника с заката солнца и почти до рассвета. Днем на фашистские коммуникации обрушивался орудийный и пулеметный огонь, частые налеты штурмовиков и тяжелых бомбардировщиков, ночью наши самолеты один за другим сбрасывали на головы фашистов бомбы, не давая ни сна ни отдыха.

Присмотревшись к действиям советской ночной авиации, противник решил перестроить систему противовоздушной обороны. Свели прожекторы в мощные группы, причем так, что одна группа могла передавать пойманный самолет другой. Для борьбы с фанерными тихоходными машинами на Тамань прибыла эскадрилья фашистских асов. В ночь на 1 августа и была впервые применена новая тактика.

Уже на подходе к цели мы отметили необычное поведение противника. Вражеские прожекторы то включались, то выключались, а зенитного огня все не было. Зловещая тишина настораживала.

Вот впереди в лучах прожекторов показался маленький По-2. Это был самолет Жени Крутовой. Лена Саликова, ее штурман, сбросила САБ. Тут же включились несколько прожекторов и зашарили своими ледяными щупальцами по небу. Самый мощный ухватил самолет Жени, к нему присоединились другие. А зенитки продолжали свое непонятное молчание. Было видно, как Женя, стремительно маневрируя, пытается уйти от света прожекторов. Но тут тишина взорвалась очередями скорострельных авиационных пушек. Подлетевший вплотную фашистский истребитель короткими очередями в упор расстреливал беспомощную машину.

Загорелась правая плоскость и машина стала падать. Как это страшно видеть, как гибнут подруги, и ты ничем не можешь помочь. Выключились прожекторы, и наступила снова черная тишина. Лишь на земле догорал самолет. Когда я пришла в себя, то во рту ощутила вкус крови от закушенных губ. Пальцы судорожно сжимали штурвал. Мы летели туда, где нас ждал затаившийся враг. Мы летели туда, где находилась цель, которую нужно поразить. И у нас не было права повернуть назад — ведь нам была нужна только победа.

Впереди вновь зажглись прожекторы. Теперь они поймали самолет Ани Высоцкой и Гали Докутович. О чем думали в эти мгновения Аня и Галя? Выполнить задание любой ценой. Зенитки продолжали молчать. Ночную тьму снова прорезали трассирующие очереди… Самолет загорелся и стал падать…

Мы с Олей вышли на цель на самой минимальной, граничащей с риском высоте. Нам грозила возможность подорваться на собственных бомбах. Но все-таки это было лучше, чем стать мишенью для фашистского истребителя. Выполнив задание, благополучно вернулись на свой аэродром.

На душе было безысходно тяжело, А утро вставало над землей такое ясное, как будто не было этой страшной ночи, не было гибели юных прекрасных девушек, наших подруг. Какой-то

сумасшедший от радости бытия, случайно уцелевший жаворонок заливался в вышине ликующей песней. Неужели на этой земле, розовеющей а чистых лучах солнца, жизнь не может быть прекрасной? Может. Может и должна быть радостной, счастливой. Ведь именно за это и отдали свои жизни наши девочки…

Не так давно я получила письмо из города Казатина, родного города Ани. Писал Яков Григорьевич Высоцкий: «Очень рады, что получили от Вас письмо. Мне особенно оно дорого, дорого как брату Ани, как ветерану Отечественной войны. Письмо от человека, который рядом с моей дорогой сестрой шагал дорогами войны, дорогами тревог, надежд и невзгод. Читаю Ваше письмо и понимаю, что вы были боевыми сестрами и боевыми подругами, с болью в сердце понимаю, что невозможно вернуть то, что кануло в вечность…

Я часто посещаю село Русское, где спят вечным сном в братской могиле Аня, Галя и все девушки, которые погибли вместе с ними, возлагаю цветы… 2 августа 1943 года я был у вас в полку, под Краснодаром, и не застал уже Аню в живых…

В школе № 2, где Аня училась, теперь директором Вера Алексеевна Чекорская, Анина подруга детства. Там же есть и отряд имени Ани Высоцкой».

Мужество

«Уважаемая Марина Павловна!

С глубоким интересом прочитал Вашу „Повесть о Жене Рудневой“. Еще раньше прочел несколько книг о боевом пути 46-го гвардейского Таманского полка, О его людях. Интерес этот не случаен. Я близко знаю ветерана вашего полка — Анастасию Ивановну Шарову.

Мы знакомы давно, больше двадцати лет. Хорошо помню дни учебы в профессионально-техническом училище № 2 г. Мытищи — знаменитом в годы войны ремесленном училище, самоотверженный труд учащихся которого был отмечен орденом Красной Звезды. Анастасия Ивановна преподавала нам историю КПСС. На ее занятиях всегда было интересно. Не раз делилась она воспоминаниями о недавних еще военных годах. С каким волнением мы, совсем еще мальчишки, слушали ее, живую свидетельницу, участницу Великой Отечественной войны, просили рассказывать еще и еще.

Она и сейчас без устали ведет большую воспитательную работу среди молодежи. Совсем недавно был свидетелем, как Анастасия Ивановна выступала перед ребятами в пионерлагере „Дружба“. С первых минут дети слушают с неподдельным интересом, скажу больше — она сразу покоряет ребят. И это не удивительно. В свои выступления Анастасия Ивановна всю душу вкладывает. А сколько сил, волнения они стоят ей, такой больной, слабой.

И все время она в хлопотах, в постоянных хлопотах о других. Вот уж поистине — неспокойный характер. Она всегда хочет все сделать как можно лучше. Поразительны ее отзывчивость, участие, готовность прийти на помощь. Когда служил в армии, мы переписывались. Ее письма заряжали бодростью, помогали нести службу вдали от Родины, в Группе советских войск в Германии.

Думаю, жизнь Анастасии Ивановны, насквозь пронизанная скромным мужеством и светлой самоотверженной любовью к людям, — один из примеров для подражания. О таких людях надо рассказывать.

Вячеслав Куракин».

Да, вы правы, Слава. Жизнь Анастасии Ивановны — а для нас, ее боевых подруг, — просто Аси Шаровой — действительно удивляет, хотя не было в ней громких подвигов, особенных событий, резких поворотов судьбы. Ася привлекала и привлекает к себе оптимизмом, который сохраняла всегда, несмотря на неотступную болезнь, и исключительной любовью к людям — самоотверженной и чистой.

Была в ней какая-то пронзительная искренность в отношениях с подругами и душевная незащищенность, и все это несмотря на определенный командирский талант организатора и воспитателя.

Надо другу ради друга
Не страшиться испытаний,
Откликаться сердцем сердцу
И мостить любовью путь.

Любящий поймет влюбленных:
Он участник их страданий,
Нам без друга жизнь не в радость,
Как сладка она ни будь!

Эти строки Ася записала мне в фронтовую тетрадь в ноябре 1944 года, когда полк наш базировался в Польше. Перечитываю написанное ею в те дни и понимаю, какая потребность счастья, полноты жизни, какая жажда любви была в наших молодых душах. Не каждая из нас в те дни сознавала это и умела выразить — так молоды мы были. Ася была человеком со зрелым, глубоким сердцем. Она испытала великое счастье любить и быть любимой, но счастье это отняла война. Ее друг погиб в сентябре 1939 года в сражениях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол.

«Дорогая моя, помни мечтательную, уединенную Аську. Вот и сейчас мне хочется помечтать, поговорить с тобой, но ты после боевой ночи спишь. Бог знает что за настроение… Да, никто не назовет меня хорошей никогда. Это все песни, сказки, все это неправда! Я одна и останусь одной навсегда, никого не будет со мной рядом… Никому не нужно все то, чего никто во мне не знает, что во мне растет и крепнет — нежность, страстность, преданность… Теперь я знаю, что много прожила и много видела, но все стороной — без вкуса, без радости… Как бы я любила его — этого человека. Неужели его совсем не будет? Знаю, что говорит во мне сейчас инерция несчастья. Да, да, именно инерция несчастья. Ведь человек рожден для счастья, понимаешь это? Потому что солнце, воздух, море — это счастье! Потому что

любовь — счастье! Потому что материнство — счастье!

Но я все-таки верю, что жизнь не ускользнет от меня. Я еще буду шагать вместе с ней…»

Так металась раненая душа нашей Аси. Но все это было внутри, как сжатая стальная пружина, и знали о ее смятении и боли лишь самые близкие подруги. На старт выходила адъютант эскадрильи младший лейтенант Анастасия Шарова строгий, требовательный командир. Отличный организатор, человек исключительно четкий в работе, она была прямым помощником командира эскадрильи. На плечах адъютанта лежала отчетность о боевой и учебной работе эскадрильи — и с этой работой Ася справлялась отлично.

На фронт она ушла добровольцем в апреле 1942 года, не дождавшись присвоения воинского звания политрук. Почти год прослужила в 26-й отдельной роте связи при управлении 218-й авиадивизии — сначала диспетчером военно-телефонной радиостанции, потом диспетчером по перелетам. К нам в полк Шарова пришла в феврале сорок третьего.

Подавая рапорт о переводе в наш полк, Ася страстно мечтала летать, самой бомбить врага. Придя в полк, она стала заниматься в штурманской группе. Командование полка к этому времени организовало бесперебойную, без отрыва от боевой работы учебу — штурманы переучивались на летчиков, а механики, вооруженцы — на штурманов. Эта огромная работа по подготовке молодых кадров нуждалась не только в отличной организации. В нелегких боевых условиях она требовала неимоверных физических и духовных сил и от учеников, и от учителей.

Сейчас даже представить себе трудно, какие нужны были усилия, чтобы выполнять свои служебные обязанности, а потом, отрывая время от сна, заниматься, заниматься, заниматься! В мирные дни кажется невозможным подготовить метчика или штурмана без отрыва от его основной работы. Но война диктовала свои жесткие условия…

Желающих учиться или преподавать в группах по переучиванию искать не приходилось. Девушки буквально рвались в «школу». Можно назвать десятки имен наших однополчан, кто в военное время, в условиях фронта стал летчиком и штурманом. Это Герои Советского Союза Нина Ульяненко, Наташа Меклин, Женя Жигуленко. Это Маша Никитина, Валя Лучинкина, Глаша Каширина, Саша Акимова, Оля Яковлева, Оля Голубева, Лида Целовальникова, Надя Студилина и Клава Старцева… Всех не перечислишь!

Училась в штурманской группе и Анастасия Шарова и до сих пор жалеет, что ей не разрешили летать. Подвело зрение. Но

знание штурманского дела ей очень и очень пригодилось — и на частых дежурствах на аэродроме во время ночных боевых вылетов, и в штабной работе эскадрильи.

Работа штабного офицера — для непосвященного незаметная, и потому рассказывать о ней трудно. Она включает в себя массу обязанностей: вместе с командиром обеспечивать боевую, учебную подготовку и, конечно, сами боевые вылеты. Адъютант занимается и всеми нуждами подчиненных, начиная с обмундирования и ночлега и кончая организацией культурно-массовых и спортивных мероприятий. Когда летчики и штурманы спали, отдыхая после вылетов, штабные офицеры готовили расчеты боевых экипажей, продумывали задания и маршруты.

Штабной офицер — это и воспитатель, педагог. И у летчиц, и у штурманов было немало различных наземных обязанностей — дежурств, нарядов, которые, бывало, выполнялись с большой неохотой. Каждая девушка рвалась к боевой работе, а наземные обязанности, уставные требования выполнялись далеко не с таким же рвением. И здесь командиру нужно было умело сочетать требовательность и такт. Шаровой хорошо удавалась и эта работа. Она умела найти подход к каждой девушке. Сказывались знание психологии, педагогический опыт Шаровой, который к моменту ее прихода на фронт был уже значительным.

После окончания педагогического училища она работала учительницей начальных классов, вела занятия в комсомольской политшколе. Вскоре комсомолку Асю Шарову назначили помощником директора Вольского педучилища по заочному обучению. Ее несколько раз избирали секретарем комитета комсомола училища и учительского института. В 1939 году девятнадцатилетняя девушка была принята в члены партии. В том же году молодой коммунист Анастасия Шарова была избрана депутатом Вольского городского Совета…

Адъютанту эскадрильи приходилось выполнять и другие нелегкие обязанности. С механиками, вооруженцами Ася как старший руководитель группы выезжала или вылетала на новую «точку» готовить площадку для боевой работы. А иной раз наоборот — оставалась за командира на старом месте базирования, потому что отправить сразу весь наземный состав не хватало транспорта.

Когда под Минском в тылу фронта оказались несколько десятков тысяч фашистских войск, вторым и третьим эшелонам был отдан приказ — взять их в плен. Полк работал днем и ночью. С группой рядового и сержантского состава Анастасию Шарову оставили в лесу. Томительные дни ожидания. Чтобы сэкономить продукты, собирали грибы, ягоды, орехи — благо богаты ими

леса Белоруссии. Были и встречи с группами немцев. К счастью, обошлось без боя — противник отходил, опасаясь столкновения с большой воинской частью. А у девушек всего-то и было, что автомат с двумя дисками и один пистолет.

Служба штабного офицера казалась Анастасии похожей на гражданскую жизнь, особенно на партийную работу — быть среди людей, заботиться о них, делить и радости и трудности, а нередко и опасности!

Военное время. Мы вспоминаем о боях — больших и малых, о сложных вылетах, требовавших отчаянной смелости, о подвигах солдат и командиров. Но есть другая сторона жизни на войне — военный быт. Быт — это нечто второстепенное, об этом вроде и говорить как-то неловко: чем питаться, где спать? Да разве важно это, когда солдат и жизни своей для Родины не жалеет? Но ведь и есть, и спать — хоть и война — все равно надо, а иначе и воевать сил не будет… А быт наш устраивался по-всякому — когда получше, когда похуже, бывало и совсем плохо…

Весной 1943 года мы базировались в станице Новоджерелиевской, на Кавказе. Полк был окружен. Нет, не противником, а грязью. Грязь в эти дни стала нашим главным неприятелем. Дороги превратились в жидкое месиво. Ни пройти, ни проехать. Подвоз боеприпасов и продовольствия стал почти невозможен — по раскисшему грунту только на ганке и можно было добраться. Население помогло расчищать полосу для взлета и посадки самолетов. А питались мы в основном рыбой и кукурузой — без хлеба и соли. Местные жители делились, чем могли.

* * *

Хозяйка дома, в котором жили командир третьей эскадрильи Полина Макагон со штурманом эскадрильи Лидой Свистуновой и Асей Шаровой, от души поила их молоком. Ни сама хозяйка, ни тем более девушки не предполагали, что корова больна бруцеллезом. Ася тяжело заболела бруцеллезным менингитом. Несколько мучительных месяцев провела в госпиталях, затем на полгода была демобилизована из армии. Но не с ее характером было сидеть дома! Всеми правдами и неправдами добилась — Павловский военкомат Ульяновской области выдал ей документы, и Шарова вернулась в родной полк. Вид у нее был такой изможденный, что начальник штаба Ирина Ракобельская не хотела допускать Асю к исполнению служебных обязанностей и запросила райвоенкомат о правильности ее документов.

Бледная, исхудавшая после болезни до предела, Шарова весила в те дни всего 45 килограммов. Тем не менее она включилась в работу. Болезнь не ушла совсем, она лишь отступила. Асю донимали жуткие боли, но она, скрывая от всех свое состояние, продолжала выполнять обязанности адъютанта эскадрильи до конца войны.

Послевоенные годы стали для Анастасии непрекращающимся сражением с болезнью. Даже перейдя на инвалидность, она считала: инвалид только телом, но не духом. Шарова не оставляет работу — сначала учительницей, потом заведующей протокольной группой горсовета. С апреля 1951 года она снова в рядах ВВС — старший инструктор политотдела Краснознаменной Военно-воздушной академии. И все это время Анастасия Ивановна учится на историческом факультете Московского заочного педагогического института.

Откуда она черпает силы? Воля к жизни, терпеливое мужество этой маленькой женщины поражают всех, кто ее знает. Работает, учится и без устали борется со своим «внутренним» врагом — болезнью. В то время от паралича ее спасли лишь постоянные занятия лечебной физкультурой, потребовавшие огромного упорства и терпения…

В 1955 году Анастасия Ивановна демобилизовалась из армии, работала в профессионально-техническом училище, потом заместителем секретаря парткома Мытищинского машиностроительного завода. Работа прерывается го и дело пребыванием в больницах: вновь и вновь больничная койка, мучительные боли. Но как только болезнь отступала, Шарова неизменно возвращалась к работе. И всюду ее окружали люди, всегда она всем нужна — такая больная и такая жизнелюбивая!

Еще на фронте она как-то сказала: «Как правильно я выбрала профессию учитель! Больше всего в жизни люблю людей любого возраста — с рождения до глубокой старости». И люди, чувствуя это, всегда идут к Анастасии Ивановне идут с болью и радостью, идут за помощью и чтобы помочь ей самой…

«Мы просто сражались за Родину»

Празднично украшен концертный зал саратовского клуба «Кристалл». Торжественно выглядят собравшиеся здесь сегодня люди: ветераны Великой Отечественной войны, ветераны труда с боевыми и трудовыми наградами на груди, нарядные мальчишки и девчонки с раскрасневшимися от волнения лицами, с ярко блестящими глазами. У них, шестнадцатилетних, особый день — юные граждане Страны Советов сегодня получают паспорта.

Смолкла музыка. Депутат городского Совета Е. Н. Савинова приглашает в президиум почетных гостей — участника революции, гражданской и Великой Отечественной войн кавалера многих боевых наград Я. И. Литвинова, бывшего военного штурмана, а ныне сотрудницу областного управления внутренних дел Л. К. Демешову, ветеранов Великой Отечественной войны, ударников коммунистического труда В. М. Трофимова и А. А. Кузнецова…

Пионеры вносят на сцену флаги всех союзных республик. И вот гордо звучат слова: «Для вручения паспорта гражданина Союза Советских Социалистических Республик на сцену приглашаются…» — и впервые ребят называют не просто по имени или по фамилии, а по имени-отчеству!

Сидя за столом президиума, майор милиции Лидия Константиновна Демешова глядела на сияющие юные лица и думала о том, что скажет она ребятам. Ей не впервые предстояло выступить с речью — наказом перед молодыми гражданами, получающими паспорта, но, как и каждый раз, она с волнением искала в душе слова, способные донести до юных значение этого дня в их жизни.

— Дорогие товарищи! Сегодня не могу уже назвать вас «ребята», — и большие карие глаза по-матерински улыбнулись притихшим в первых рядах мальчишкам и девчонкам, — ведь вы не просто повзрослели, вы сделали большой шаг к гражданской зрелости. Сегодня вам вручили «молоткастый, серпастый советский паспорт», паспорт гражданина великой страны — Союза Советских Социалистических Республик. И каждый из вас с гордостью может отныне сказать: «Я гражданин Советского Союза!» Будьте всегда достойны этого высокого имени…

Гремела музыка, кружились в танце счастливые, веселые ребята. «Хорошо проходит вечер», — подумала Лидия Константиновна, словно подводя итог, и заспешила мыслями к завтрашним делам и заботам. А их у майора Демешовой, сотрудника паспортного стола областного управления

внутренних дел, немало…

После войны штурман звена женского авиационного полка ночных бомбардировщиков Лидия Демешова пришла проситься на работу в Саратовское УВД, в уголовный розыск. «Мы очистили землю от фашистской нечисти. В мире, отвоеванном такой огромной, такой великой ценой, не должно оставаться никакой грязи», — думала Лида. Но в уголовный розыск Демешову не взяли помешало ранение. Предложили работать в паспортном столе. Скрепя сердце, согласилась. Порученное дело выполняла, как всегда, добросовестно, не в душе никак не могла примириться с назначением Работа казалась скучной, неинтересной, да вроде и не очень-то нужной.

Начальник отдела, видимо, почувствовал ее настроение, подошел как-то, присел рядом:

— Что, Лидия Константиновна, не нравится вам ваша работа?

Лида смутилась под его внимательным взглядом, хотела отмолчаться, но не выдержала и выпалила:

— Скучная. Не могу привыкнуть, втянуться.

— Это потому, что вы ее не прочувствовали душой. Наша работа может быть интересной, надо ее просто понять и принять сердцем!

— Я постараюсь! — негромко ответила Лида. Нельзя сказать, что сразу после этой беседы Лида полюбила свою работу. Но дни бежали за днями, она входила в заботы своего отдела, дел появлялось все больше… Постепенно Лида стала чувствовать, что вне своей работы она себя и не мыслит.

Однажды в кабинет Демешовой вошла пожилая седая женщина.

— Я Соколова, вы просили зайти, — нерешительно сказала она.

Лидия Константиновна выдвинула ящик стола, вынула письмо и протянула женщине. Это письмо прислали пионеры — следопыты из одной сельской школы. Возле села ребята нашли остатки разбитого самолета и планшет летчика Виктора Соколова. Долгими были поиски родных героя-авиатора. И вот его мать читает письмо ребят, беззвучно плачет. Материнское горе… Нет для него забвения…

Лидия Константиновна долго молчит — надо дать женщине выплеснуть горе в слезах. Оно всегда с нею — долгие годы, но сегодня она словно теряет сына снова. Потом Лидия Константиновна присаживается рядом, обнимает женщину за плечи.

— Поезжайте к пионерам, — говорит она, тихонько гладя натруженные материнские руки. — Поезжайте, ребята вас

встретят.

И еще что-то говорит негромко, рассказывает о себе, вспоминает войну и подруг, не вернувшихся домой, оставшихся навсегда юными, — Лилю Литвяк, Женю Рудневу, Катю Буданову, Надю Васильеву…

Лидия Константиновна Демешова прошла по дорогам войны большой путь — от момента формирования полка и до конца войны, до светлого Дня Победы.

Передо мной пожелтевший, ломкий от старости листок — вырезка из многотиражной газеты «Трактородеталь») от 18 августа 1939 года. С фотографии белозубо улыбается веселая девчонка с яркими глазами, в лихо надвинутом белом беретике. «Буду пилотом» — называется заметка, подписанная Лидой Демешовой. В те дни Лида работала на тракторном заводе, а по вечерам училась в аэроклубе. Перечитываю заметку, вновь и вновь смотрю на девчонку в беретике — и словно возвращаюсь в незабываемые для нашего поколения тридцатые годы…

Да, так это было — страстная напряженная работа, жадная учеба, огромные, как небо, мечты и никаких сомнений в том, что они должны сбыться, — все так, как и должно быть в юности!

«Как-то в декабре прошлого года, — писала Лида, — на комсомольское собрание приходил инструктор аэроклуба. Он рассказал комсомольцам о развивающейся авиации в нашей стране, о необходимости овладевать летными специальностями и объявил о наборе в аэроклуб.

С этого дня у меня появилось стремление стать пилотом, и я поступила учиться в аэроклуб.

Я со всей энергией принялась за учебу. Хорошо освоила весь пройденный курс. С мая начались практические учения. Несколько полетов совершила под руководством летчика. Теперь самолетом управляю самостоятельно…»

Мечты Лиды исполнились, да только не так, как об этом думалось. Она закончила аэроклуб. Но грянула война. Курсанты Саратовского аэроклуба чуть не ежедневно приходили в военкомат, упрашивали, чтобы их послали на фронт. Чтобы не терять времени, Лида записалась на курсы медсестер — ведь девушек-летчиц в армию не брали. Но в военкомат подруги продолжали упорно ходить. И однажды кто-то из сотрудников сказал им:

— А знаете, Раскова формирует женский авиаполк. Попытайте счастья!

Лида вместе с Надей Васильевой и Раей Ароновой поехали и разыскали Марину Михайловну и сказали о своем желании стать военными летчиками.

— Как закончили аэроклуб? — спросила Раскова Демешову.

— Хорошо. Инструктором работала.

— На фронт пойдете?

— Пойду, — решительно и твердо ответила Лида.

— Ну, быть по сему, — и Марина Михайловна пожала руку девушке…

Как самое дорогое хранит Лидия Константиновна Демешова свою летную книжку. Перелистает порой ее хрупкие странички, пробежит глазами по скупым строчкам — каждая дышит грозным воздухом войны, немногими емкими словами рассказывая об одном из трехсот боевых вылетов, выполненных штурманом легкого бомбардировщика Л. Демешовой.

…В один из вечеров, еще до наступления темноты, экипаж Клавы Серебряковой — штурманом в нем была Лида — перелетал на аэродром подскока, чтобы с него ночью вылетать на бомбежку войск противника. Неожиданно девушки увидели фашистский истребитель. Зайдя в хвост нашей машине, фашист обрушил на «ласточку» огонь. Струи снарядов и пуль ударили по двигателю и кабине. В то же мгновение резкая нестерпимая боль в руке заставила Лиду вскрикнуть.

— Лида, самолет подбит! Как ты?

— Ничего, Клава, все нормально, — ответила Лида и стиснула зубы от боли.

Умело маневрируя и пользуясь сгущавшимися сумерками, Клава ушла от преследовавшего их самолета и посадила машину на поле. Здесь, на земле, Лида сказала подруге:

— Я ранена, Клава.

— Двигаться можешь? — с волнением глядя в побледневшее лицо своего штурмана, спросила Серебрякова.

— Могу, только руку надо покрепче перевязать. Добраться до госпиталя помогли девушкам наши бойцы. Посадили в машину, и когда на дороге встречались заторы, шофер, высунувшись из кабины, громко кричал:

— Пропустите! Раненую летчицу в медсанбат везу! Дорогу, как это не было трудно, тут же освобождали…

В госпитале Демешова пробыла недолго — торопилась в полк. Как мы обрадовались, увидев Лиду снова «дома» — окружили, затормошили. Карие глаза ее сияли от радости, побледневшее, осунувшееся после ранения лицо светилось счастьем. Но вот кто-то, не рассчитав силы, прижал Лиду покрепче, она охнула и сморщилась от боли:

— Ой, рука! Еще не совсем зажила, — смущенно объяснила она окружившим ее девушкам.

Рана еще не успела как следует зажить, а Лида уже снова

вылетала на выполнение боевых заданий. В полете, когда приходилось напряженно работать с прицелом и оборудованием, руку сводило судорогой. Лида, превозмогая боль, действовала одной рукой, а на земле продолжала тренировать себя…

Наши маленькие По-2 не давали покоя гитлеровцам. В любую погоду мы появлялись над вражескими позициями на малых высотах и бомбили их. Каждый боевой вылет требовал огромного напряжения сил, тщательной подготовки, проявления разумной инициативы, непрерывной осмотрительности, беззаветной отваги. Бывало, что какой-то экипаж попадал в безвыходное, казалось, положение, но мужество и мастерство летчиц и штурманов, несокрушимая воля к победе, всегдашняя взаимовыручка помогали выходить победителями в самых невероятных условиях.

Как-то ночью Серебрякова и Демешова вылетели бомбить аэродром противника. Неожиданно подруги увидели, как голубые щупальца прожекторов цепко схватили самолет. «Ласточка» бьется, словно в тенетах, пытаясь вырваться, но разрывы зенитных снарядов все теснее смыкаются вокруг нее.

— Клава! Надо выручать наших!

— Попробую! Иду на прожектор — готовься!

Клава повела машину прямо на вражеский прожектор. Лида метко сбросила на него бомбы — и он погас.

— Теперь за пулемет, Лида!

— Есть!

Огненные трассы потянулись к прожекторам. Самолет вырвался из-под обстрела.

На земле, когда сели на свой аэродром, командир полка Е. Д. Бершанская подозвала экипажи и, обращаясь к командиру эскадрильи Никулиной, сказала:

— Кто вас выручил сегодня, знаете? Клава Серебрякова и Лида Демешова. Они вас спасли от верной гибели…

Подруги крепко обнялись.

Весной сорок четвертого года наш полк находился на крымской земле. Началась операция по очищению Крыма от врага. Мы принимали в ней самое активное участие.

Переняв опыт летчиков нашей 2-й гвардейской Сталинградской дивизии, экипажи стали брать увеличенную бомбовую нагрузку.

Ту ночь Лида Демешова запомнила на всю жизнь. Экипаж Серебряковой и Демешовой вылетел на задание — бомбить вражеский аэродром. Стояла кромешная тьма, такая, какая бывает лишь в южные ночи.

Недолгий полет по маршруту — и вот впереди, в абсолютно черном небе, заметались яркие лучи прожекторов. Скорей бы

цель! Штурман напряженно отсчитывает минуты полета. Наконец самолет вышел из зоны обстрела. Тут же летчица и штурман заметили вражеский самолет, который заходил на посадку.

Серебрякова подстроилась к нему в хвост: пусть фашисты думают, что это свой! Фашистский летчик приземлился, а Демешова в это время сбросила на аэродром бомбы. В следующее же мгновение гитлеровцы начали бешеный обстрел. Отважный экипаж прорвался сквозь огненный шквал. А когда девушки вернулись на свой аэродром, в их самолете насчитали почти тридцать пробоин…

Этот полет припомнила Лидия Константиновна, когда несколько лет назад поехала с дочерью на отдых в Крым. Многое связывает нас с этой героической землей, обагренной кровью ее бесстрашных защитников. 1150 боевых вылетов совершил наш полк в боях за Севастополь. Наше гвардейское знамя украсил боевой орден.

А тогда, летом 1944 года, Лида Демешова увидела город-герой вскоре после освобождения его от гитлеровцев — она ехала на лечение. Потрясенная, в слезах, стояла она среди руин. На месте знакомых зданий лишь обгоревшие развалины.

— Стою, плачу, — рассказывала Лида, — такую красоту уничтожили гады. Вдруг подходит женщина пожилая и успокаивает: «Поднимем город, дочка, не плачь! Вот увидишь — приезжай после войны!» Я вспоминала эту женщину, когда мы с Людой бродили часами по удивительно живописному городу, словно птица Феникс, восставшему из пепла. Привела я дочку к обелиску, на котором высечены наименования частей, принимавших участие в освобождении Севастополя. Среди них и наш родной полк. И снова — в который раз рассказывала ей о наших замечательных девушках… Молодые должны знать прошлое.

Активистка военно-патриотической работы, Лидия Константиновна вместе с боевыми подругами — жительницами Саратова делает для этого все, что в ее силах. Долгое время была секретарем секции ветеранов Великой Отечественной войны при областном краеведческом музее, участвовала, пока позволяло здоровье, в походах молодежи по Саратовской области. Сейчас часто выступает перед учащимися в школах, институтах, ГПТУ, перед допризывниками на заводах. Об этом она пишет и в письмах.

«Больше всего меня радует, — пишет Лидия Константиновна в одном из последних писем, — что в ответ на нашу просьбу в обком КПСС в г. Энгельсе сделали новый памятник — обелиск на могиле наших девушек. Мы — однополчане в марте и 9 Мая

бываем здесь обязательно. И знаешь, в День Победы школьники всегда приносят к памятнику живые цветы, возлагают венки. Трогает внимание ребят из школы-интерната № 1 — они постоянно ухаживают за могилой. В этой школе хороший музей — много в нем материалов о нашем полку. И в саратовских школах № 93 и № 94 — музеи, посвященные женским авиационным полкам. Ребята часто приглашают нас к себе. Ведем переписку и со школьниками из других мест. Хорошую встречу организовал как-то обком комсомола, встречу летчиц воспитанниц Саратовского аэроклуба с комсомольцами школы № 19 Северодвинска. Выступали и О. А. Клюева, О. Т. Терес, Н. В. Агушева-Худякова. Как слушают ребята! Надо видеть их глаза… Просят часто дать что-нибудь для музея — а не так много и сохранилось-то. Мы же не думали в те дни, что это станет историей. Мы просто сражались за Родину, делали все, что могли для нашей общей Победы».

Такие трудные и долгие экзамены…

Жаркий летний день. Бледно-голубое небо словно выцвело от жары. Душно. Пахнет разогретой травой. И только по временам ветерок приносит прохладу со стороны реки. Аэродром наш в эти летние дни располагался в Белоруссии, рядом с Неманом.

Устроившись недалеко от штаба полка, мы горячо обсуждали результаты последних боевых вылетов. Шло заседание партбюро. Оно неожиданно было прервано. Прибежал запыхавшийся боец — в нескольких километрах от аэродрома немцы обстреляли нашу машину с бойцами батальона аэродромного обслуживания.

— Связному самолету вылететь на разведку, — приказала командир полка. Экипажам Макаровой, Тепикиной и Смирновой подготовиться к вылету. Полетите среди бела дня, так что на цель заходите на высоте не ниже девятьсот метров.

Мария Тепикина со штурманом Руфиной Гашевой бегом направились к стоянке самолетов.

— Руфа, ты как к этой высоте относишься? — на бегу спросила Мария.

— Критически.

— И я тоже. Давай с пятисот попробуем.

— Вышли к цели, — рассказывала позже Мария. — Обстреляли фрицев, видим, как они отступили, спрятались в поле, во ржи. Знаем, что должна группа батальона аэродромного обслуживания подъехать на помощь. А как немцев до их прихода задержать и как показать нашим, где враг? «Будем стрелять? — Руфа спрашивает. — Разбегутся, пожалуй, фрицы». — «Да и хлеб гореть станет, жалко», — отвечаю. И мы стали круто пикировать вниз, прямо на немцев. Видим, лежат, прижавшись к земле. А мы наберем высоту — и опять пикируем. Три таких захода сделали, а там и наши подоспели, окружили немцев… Нравилось мне с Руфиной летать. Что ни говори, а когда за спиной опытный штурман, да еще такой волевой, как Руфа, полет проходит спокойней, какая бы сложная обстановка ни была. Летать мне с Гашевой посчастливилось не раз — помню эти полеты и Руфу всегда с радостью вспоминаю — яркий человек, большой души и прекрасный товарищ.

Как-то в Польше Мария и Руфина вылетели на Остроленку, недалеко от Варшавы. Задание — разбомбить переправу под Остроленкой. Высота — 500 метров.

Ночь выдалась лунная, облака редкие — не спрячешься. И тишина какая-то подозрительная. Только экипаж на цель вышел, как включились прожекторы. Руфина сбросила бомбы. А обстрела

нет. Девушки насторожились!

Летчица взяла курс на восток. Вдруг слышит взволнованный голос штурмана:

— Маша! Самолет — сзади, выше нас! Снижайся!

Мария резко направила «ласточку» к земле, стремясь уйти от света прожекторов и от вражеского самолета. Умелый маневр помог — на высоте 50 метров прожекторы потеряли нашу машину, отстал и немецкий летчик. Мария повела самолет в сторону лесного массива, где не было такой опасности снова попасть под обстрел. Над лесом набрали высоту 100 метров и спокойно полетели к дому.

— Маша, тебе не до того было, — возбужденно говорила Руфина, — а я во все глаза смотрела, как фрицы реагировать будут, что мы на такой высоте уходим. Здорово получилось!

Полеты, полеты… Похожие друг на друга — всегда напряженные, опасные и всегда разные. Летишь, как на самый трудный экзамен, и не знаешь, какой билет сегодня вытянешь. Да, каждый полет был экзаменом — испытанием на летное умение, на мужество, находчивость, выдержку. Много их сдали мы в то суровое время…

Лохматые зеленые ветки дружелюбно заглядывают в окна уютной, чистой до блеска квартиры. В углу комнаты увлеченно возится с самосвалом малыш, насыпает в кузов яркие кубики и без конца разговаривает сам с собой.

— Внук, — отвечая на мой вопрос Говорит Мария Николаевна, — больше с нами живет, чем с папой-мамой. То прихворнет, а то родителям молодым некогда. Да и нам с ним, откровенно говоря, веселее.

Смотрю на Марию Николаевну, теперь уже Попову, — такую женственную, мягкую и улыбчивую — и думаю: «Наверно, когда Маша проходит по тихим зеленым улочкам Лобни, никто, глядя на нее, не подумает, что это идет военный летчик, человек незаурядной смелости, выполнивший 640 полетов ночью».

Отличным летчиком была Мария Тепикина. Какое бы сложное задание ей ни дали, можно было быть уверенным — выполнит безукоризненно. Как и всем, Маше были свойственны переживания, связанные с трудностями боевых вылетов, волнение, страх, но она умела держать себя в руках и быстро перестраиваться. А еще умела улыбаться, даже когда бывало тяжело. Никто из подруг не помнит ее печальной, угнетенной — всегда веселая, жизнерадостная. А это было нелегко. Мало кто из нас знал в те дни, какое страшное горе пережила она в начале войны. Ее муж — тоже летчик — погиб в одном из первых боевых вылетов. Вслед за этой потерей — вторая: смерть годовалого

сынишки. Мария осталась одна, далеко от родных мест, от близких людей, кто поддержал бы ее в эти тяжелые месяцы…

В полк Мария Тепикина прибыла в августе 1943 года. «Начиная с 9 сентября 43-го и до конца боевой деятельности нашего полка я не покидала его ни на один день, — вспоминает она в одном из писем. — Ни разу не перегоняла самолеты в мастерские, ни разу не отдыхала. Летала и летала. В любых условиях вместе со всеми. И в то же время до самого конца войны считали меня новичком, так как пришла в полк позже. Ну а почему задержалась в тылу, тебе известно. Не пускали. Нужны были фронту летные кадры…»

Кадры — это больше пятидесяти летчиков, которых Мария подготовила, работая в авиационной школе Гражданского воздушного флота. Работали днем и ночью, отдавая делу все силы. Тепикину назначили командиром звена: в ее обязанности входило проверять учлетов перед самостоятельным вылетом, а затем и перед выпуском из школы. Одновременно Мария и сама готовила группу летчиков.

Трудиться приходилось очень напряженно, но ни усталость, ни сознание своей необходимости здесь в Актюбинске, в авиашколе ГВФ, не могли отогнать мыслей о фронте. Таким же нетерпеливым желанием попасть на фронт была полна и подруга Марии — Людмила Горбачева, тоже летчик-инструктор. Она и рассказала Марии о том, что на фронте воюет женский авиационный полк ночников, командиром в котором Е. Д. Бершанская.

— Вот бы к Евдокии Давыдовне попасть, — мечтали летчицы, обе окончившие Батайскую авиашколу и считавшие себя ученицами Бершанской.

Не один раз обращались подруги к командованию с просьбой послать их на фронт, но до поры до времени безуспешно…

Как-то под вечер Людмила прибежала к Марии домой и с порога обрушила на нее новость:

— Маша, на двух летчиц разнарядка в школу пришла, вызывают в Москву, в отдел кадров ВВС! Будем проситься?

— Конечно!

Но на следующий день Мария узнала, что послать в Москву решено не ее, а Горбачеву и еще одну летчицу-инструктора. Тепикина бросилась к начальнику авиашколы и стала убеждать, что послать нужно именно ее.

— Вы же знаете, я давно рвусь на фронт, — отчаянно повторяла она, налет у меня не маленький.

— Опытные инструкторы, сама знаешь, Мария, нужны и здесь, — строго сказал начальник школы, опытнейший летчик,

участник боев в Испании, и уже мягче добавил: — А мне, думаешь, не хочется на фронт? Маша, да ведь уже документы из Москвы сегодня утром подписанные получены.

— А вы скажете, что мы вылетели, а документы пришли чуть позже, — Мария умоляюще и с надеждой смотрела на начальника.

— И что вы так на фронт рветесь, девчонки мои неразумные? Думаешь, там легче, что ли?

— Нет, не думаю. Но мне надо туда. А ведь у Ани — ребенок, — Мария отвернулась и глухо, в сторону добавила: — а я, вы же знаете, одна.

— Ну, ладно, лети, птенец отчаянный, да меня потом, смотри, не брани!

В Москве в штабе ВВС девушки получили направление в наш полк. Здесь они встретили немало знакомых и друзей по Батайской авиашколе. У Марии к этому времени был налет около тысячи часов в дневных и ночных условиях, и она быстро вошла в строй. 2-я эскадрилья, куда была назначена Тепикина и которой командовала капитан Ольга Санфирова, за время тяжелых боев на Кубани и Таманском полуострове, почти полностью сменила свой летный состав. Так, за лето и осень 1943 года в боевой строй вошли летчицы Рая Юшина, Люся Корниенко, Лиза Казберук, Маша Никитина, Люся Горбачева, штурманы Валя Пуставойтенко, Валя Лучинкина, Катя Студилина, Лена Никитина, Поля Петкилева, Женя Павлова. Несмотря на это, 2-я эскадрилья боевые задания выполняла не хуже других.

Мария Тепикина — отличная летчица и опытный педагог, кроме боевой работы много занималась с молодыми штурманами — проводила полеты по маршруту днем, а потом ночью, выполняла с ними первые боевые вылеты. Ей много раз пришлось вылетать с юными, начинающими штурманами Валей Пуставойтенко, Полей Петкилевой, Женей Павловой, Леной Никитиной и другими.

В первые же месяцы пребывания в полку Мария зарекомендовала себя знающим и мужественным пилотом. Вскоре она была назначена командиром звена.

В глухую ноябрьскую ночь Тепикина со своим штурманом Олей Голубевой вылетела в район Керчи. Это был 60-й боевой вылет Маши. В те дни на полуострове еще не было нашего плацдарма. Обстановка — сложная, а главное сведений о расположении противника почти никаких. Поэтому высота бомбометания была задана больше тысячи метров.

Мария Николаевна вспоминает:

— За полминуты до цели Оля мне скомандовала: «Товарищ

командир! Держите курс…» Иду строго по курсу. На цель вышли точно. Но тут нас ухватили сразу три прожектора. Отбомбиться мы все же успели. И неплохо. Теперь одно — как уйти? Крутанула правым разворотом в направлении на север, потом левым опять резко курс меняю и пытаюсь скольжением уходить. Ничто не помогает. Держат фрицы нас в своих лапах, «Командир, высота девятьсот!» — кричит Оля. А фрицы такой ураганный обстрел начали, что и представить трудно. Развернулась вправо и к морю, южнее Чушки, с резким снижением.

Не убирая оборотов двигателя, летчица направила машину к морю с таким резким снижением, что немецкие прожекторы потеряли самолет и стали один за другим выключаться. Но зенитчики продолжали вести обстрел. Вот под крылом «ласточки» показался Керченский пролив. С повреждениями в машине экипаж вышел из зоны огня и оказался над темной водой.

— Товарищ командир! Скорость сто семьдесят, самолет рассыплется! Высота сто метров!

Море — ласковое и грозное — спасающее от вражеского огня и грозящее гибелью. В те тяжкие месяцы мы и любили его, и боялись. Водная поверхность одним видом своим успокаивала, когда приходилось спасаться от зениток и прожекторов, но она становилась холодной и неприветливой, когда нужно было тянуть к берегу на поврежденной машине. Мария и Ольга напряженно прислушивались к двигателю, вглядывались в черноту ночи, с надеждой ожидая появления берега.

— Ну как, штурман?

— Нормально. Дотянем потихоньку.

Экипажи, подлетавшие к цели за самолетом Тепикиной — Голубевой, видели, с каким резким снижением уходил раненый самолет, и решили, что он сбит и падает в бездну пролива. Вернувшись с задания, так и доложили Бершанской.

— Нет, не может быть, — твердо возразила Евдокия Давыдовна. — Включите посадочный прожектор, — добавила она, продолжая вслушиваться в ночное небо.

Через 20 минут после подруг подлетела «двойка» со слоником на хвосте прилетели Тепикина и Голубева и доложили о выполнении задания.

Через несколько дней со штурманом звена Галей Беспаловой Мария летала на Эльтиген сбрасывать боеприпасы и медикаменты десантникам. Сначала перелетели к «братцам» — в полк Бочарова. Там загрузили «ласточку» — слева и справа под плоскости подвесили мешки. Полетели. Перед Эльтигеном над немецкими плавсредствами наши самолеты пролетали крадучись, на самых малых оборотах, чтобы их не слышно было, а потом

снижались до высоты 50 метров так что перекликаться с нашими героями-десантниками можно было.

Благополучно выполнили шесть вылетов, удачно сбросили груз и в седьмой раз. А при уходе на первом же развороте на высоте 75 метров самолет обстреляла немецкая батарея. Прямых попаданий девушки как будто и не почувствовали, но самолет тряхнуло так, что подруги долго потом удивлялись, как они уцелели. Мотор забарахлил.

— Маша, падаем! Что случилось?

Потом падение прекратилось. Как пелось в песне, улетали от братцев «на честном слове и на одном крыле».

— Ну и выносливы наши «ласточки»! Такие с виду маленькие, слабенькие, а какие перегрузки выдерживают, — говорила Маша на аэродроме.

— Ну что, обстреляли крепко вас, сестренки? — с беспокойством спрашивали на земле.

— Да тряхнуло разок. Не поймем, в чем дело, что с машиной?

— Поддерживающая лента левой полукоробки лопнула, — ответила старший техник эскадрильи. — Так что на сегодня отлетались…

* * *

Далеко не всегда все кончалось благополучно. Иногда просто чудом летчица выводила машину из-под огня, не раз совершала вынужденные посадки. Выручало летное умение, воля и выдержка.

— Мы как-то с Галкой Беспаловой вспоминали конец сорок третьего года (Мария Николаевна часто ездит в гости к своему штурману в Одессу), и она говорит: «Ох, и не везло тебе в те месяцы! Ведь то и дело какие-нибудь чрезвычайные происшествия!» А я в ответ смеюсь: «Наоборот — везло, да еще как! Ведь кончались-то они все благополучно». Тогда же вот, когда на Эльтиген летали…

Мария Николаевна замолкает ненадолго, с улыбкой вспоминая те незабываемые дни и ночи. С годами она не утратила своей удивительной жизнерадостности и, вспоминая трудное военное время, то и дело улыбается или заразительно смеется.

— Да, так вот, когда на Эльтиген летали, еще и такое ЧП было. С Валей Пуставойтенко сделали два вылета, и очень нам мешал береговой немецкий прожектор. В третьем Валя говорит: «Разрешите отбомбиться по прожектору?» Погасили его мы

удачно. А мотор вдруг начал давать перебои. Высота четыреста метров, а над морем нужно еще километров двадцать пролететь. Как ни удерживаю машину, снижаемся все равно. Вот когда водичка показалась коварной, а берег — таким желанным… До берега все же дотянули — правда, уже на ста шестидесяти метрах. Берег гористый, но садиться надо. «Валя, стреляй!» — говорю, а штурман мой молчит, а потом виновато так: «У меня ракет нет. Они в фюзеляже.» Сумела я прицелиться к проселочной дороге и так между гор долетели к бочаровцам… Нет, конечно, везло, — с веселой убежденностью продолжает Мария Николаевна. — Три вынужденных посадки ночью. Помню, на запасную площадку села — маленькая площадочка, да еще истребители там стояли и от партизан СП-2 прилетел. А у меня с мотором совсем плохо. С трудом, но все же приземлилась: ввела самолет в пике и с левым разворотом… Начальник площадки Анисимов (я его еще по Батайской школе знала) увидел это безобразие и грозно так: «Еще и бомбы висят у нее?» Трое суток искали тогда причину — почему упало давление масла?

А в декабре Маша с Валей Пуставойтенко произвели вынужденную посадку в поле, недалеко от станицы Фанталовская, на Тамани. Экипаж вылетел на разведку погоды без бомбового груза. Полет осложняли метеоусловия: облачность высотой 150 метров, морось, слабое обледенение. Перед экипажем была поставлена задача: промерить высоту облачности над Керченским заливом. Дважды девушки долетели до пункта Маяк и обратно. И вот при возвращении над косой Чушка мотор начал давать перебои. Обледеневшая машина не могла сохранить высоту. Пришлось садиться, не долетев до родного аэродрома 15 километров. Штурман даже не успела осветить ракетой место посадки. Летчица в темноте благополучно приземлила машину.

Второй раз за месяц Тепикина спасла машину и жизнь экипажа. В Фанталовской в те дни базировалась эскадрилья связи воздушной армии. Когда «ласточка» заходила на посадку и прошла над станицей, летчики услышали, что мотор работает с перебоями, и побежали к месту посадки. Среди них был и бывший курсант Тепикиной — Смирнов. С какой же радостью увидел он своего учителя — Марию Тепикину.

Обрадовалась этой встрече и Мария. В эскадрилье связи кроме Смирнова служили три ее курсанта. Все они были хорошими летчиками, и Мария вновь испытала чувство гордости за своих учеников.

Нередко приходилось Марии выполнять специальные задания днем — эти полеты требовали не меньшего напряжения сил и воли, чем ночные. Как-то на поиски пропавшего экипажа Таи

Володиной и Ани Бондаревой вылетели два самолета — Тепикиной и заместителя командира полка Серафимы Амосовой. Вылетели и попали в штормовой ветер.

Амосова приземлялась первой. Села нормально, но стоило прорулить несколько метров, как ветер поставил машину на нос. Видя это, Мария решила сесть ближе к стоянке самолетов, чтобы избежать руления. Техники приготовились, чтобы после посадки сразу же удержать машину. Оказалось, что ветер дул в тот день со скоростью 30 метров в секунду.

Сколько раз на долю пилота Марии Тепикиной выпадали сложнейшие полеты и всегда она с честью выходила из этих испытаний. Так было, когда пришлось срочно вылететь в штаб воздушной армии с начальником штаба полка Ириной Ракобольской. Сгущались сумерки, а ночного старта на аэродроме посадки не было. Подлетели уже в полной темноте. Ракобольская выстрелила один раз из ракетницы, летчица разглядела площадку справа от дороги, вдоль которой стояли столбы. А второго выстрела начальник штаба сделать не смогла помешала застрявшая в ракетнице гильза. Мария посадила самолет, что называется, на ощупь. Получив задачу для полка, девушки вернулись на свой аэродром, и Мария вместе со всеми вылетела на боевое задание.

А в другой раз Тепикина вылетела на разведку погоды со штурманом звена Лидой Лошмановой. Перед экипажем стояла задача: идти с бомбами и промерить высоту облачности над расположением противника в районе Керчи.

Выполнили два вылета. Сбросили бомбы над целью Аджимушкай. Высота по прибору — 500 метров, а истинная и того меньше — около 350. При появлении самолета враг открывал ураганный огонь, ведь машина видна была как на ладони. Поврежденный самолет летчица сумела довести до Пересыпи, а полеты в ту ночь были отменены — изменения погоды не предвиделось.

Эти вылеты Марии запомнились острым чувством одиночества. Обычно экипажи шли один за другим, выручая друг друга, когда это требовалось. А на этот раз Мария и Лида были совершенно одни и потому казались себе абсолютно беззащитными. Но задание выполнили безукоризненно.

Полеты — экзамены, полеты — работа. Дорогие мои подруги! Они и сегодня, спустя десятилетия, снятся нам, и снова тревожно стучит сердце, руки крепко сжимают штурвал, а ослепительно холодный свет прожекторов обжигает воспаленные глаза. Сколько таких экзаменов мы сдали? В летной книжке у Марии Тепикиной записано: «Произвела 640 вылетов ночью, выполняла спецзадания

в дневных условиях. По далеко не полным данным, было вызвано 85 сильных взрывов, 14 пожаров, уничтожено 2 склада с боеприпасами…»

Пройдут долгие годы, многое забудется, но нашу фронтовую юность, опаленную войной, мы запомним навсегда…

Четыре полета

Это было уже в самом конце войны. Шел март 1945 года.

В одну из ночей экипаж командира звена Раи Юшиной и штурмана Галины Беспаловой вылетел на разведку погоды.

— Взлетели, прошли по маршруту, — рассказывала Галя, — погода скверная, с моря сплошная облачность высотой всего в полторы сотни метров. Подлетели к аэродрому, а навстречу нам один за другим поднимаются самолеты. Что случилось? Оказывается, в полку получили неверные сведения о погоде, и командир, чтобы не терять драгоценного времени, приняла решение выпустить самолеты в воздух. Мы приземлились на пустое летное поле.

— Погода погодой, а если весь полк работает, что же нам отсиживаться на земле, — сказала Рая.

— Давай загружаться! Да может и облачность пройдет.

Вооруженцы в несколько минут подготовили «ласточку» к боевому вылету.

Линию фронта пересекли уже в сплошном снегопаде. Несмотря на это, цель увидели издали — там горели склады. Отбомбились. Сквозь снег уже почти ничего не видно, просматриваются лишь световые ориентиры. Правда, противник все равно включил несколько прожекторов, но абсолютно безуспешно.

Когда повернули домой, снег повалил стеной.

— Галя! Включи АНО! Ничего не видно и нас не видно. Как бы не столкнуться с кем-нибудь!

Рая вела самолет строго по приборам — вокруг ни зги. Девушки даже не заметили, как линию фронта проскочили. Кроме собственных аэронавигационных огней — зеленый на правой плоскости, красный на левой — ничего не видно в густой белесой мгле.

Мотор уверенно пел свою песню. Галя внимательно следила за часами: в такой обстановке время — единственный показатель пройденного пути.

— Рая, половину маршрута прошли, — доложила она и тут же почувствовала, что самолет готов потерять равновесие. Машина стала крениться, поднимать нос.

— Галя, помоги нажимать на педали! — крикнула в этот момент летчица.

Полет был настолько утомителен, что Рая, отличный опытный летчик, не выдержала: от усталости, нервного напряжения у нее стала непослушной правая нога. Галя взяла

управление, чтобы дать летчице отдохнуть. Спустя минут пятнадцать, кое-где стала просматриваться земля.

— Раечка, отдохнула? Возьми управление! Попробую осмотреться, может, что увижу. По расчетам аэродром наш уже где-то близко.

Но снег снова закрыл все вокруг. Аэродром не просматривался. Прошло еще десять томительных минут. Девушки решили идти с восточным курсом до Вислы, чтобы сесть на какой-нибудь запасной аэродром. Но когда, в какой момент пересекли Вислу, так и не заметили. Неожиданно справа под крылом мелькнул неоновый маяк.

— Мы над аэродромом. По-моему, это один из полков нашей дивизии. Попробуем сесть, командир?

— Попробуем, штурман!

Несколько заходов закончились впустую, — ракеты, которые давали с земли, казались светлыми размытыми пятнами в сплошном молоке снегопада.

— Сесть не удалось, — вспоминали потом Рая и Галя. — Вскоре не стало ни маяка, ни ракет, мы окончательно потеряли ориентировку. Обстановка осложнялась — горючее было на исходе. Но как только начинала просматриваться земля и мы подсвечивали ракетами, то всякий раз, как нарочно, оказывались над препятствиями — рвы, столбы, деревья… Вдруг видим — лесок, несколько домиков, а рядом ровная полоска земли. Решили садиться. Да, собственно, другого выхода не оставалось.

Галина выстрелила последними ракетами. Машина, подпрыгивая на неровностях, пробежала по земле и остановилась в метре от телеграфного столба. Вверху — густая сеть проводов, каким-то чудом «ласточка» проскочила под ними. Наконец-то на земле! Но где они? Ориентировка потеряна, где сели не знают, кто здесь — свои или враги?

Напряженно вслушиваясь, девушки сидели в самолете, не выключая двигателя, чтобы взлететь в случае опасности. Никого! Тишина — ни голосов, никаких звуков. Когда рассвело, обнаружили, что совсем недалеко проходит железная дорога, а за ней — богатое имение с парком, с фермами и дворовыми постройками. Окончательно убедившись, что поблизости никого нет, Галя и Рая решили осмотреть имение и постараться восстановить ориентировку. Главная опасность — нет ли здесь немцев?

Осторожно продвигаясь и держа пистолеты наготове, преодолели железнодорожную насыпь. К счастью, не пришлось на нее забираться, потому что через насыпь шел тоннель. Миновав его темный коридор, девушки остановились у выхода.

Справа перед ними раскинулся чудесный парк — огромные деревья, покрытые снегом, стояли неподвижно в утренней тишине. Вдали несколько красивых беседок, ажурные решетки металлической ограды. Все это совсем не напоминало войну.

Впереди виднелись ворота — вход в имение. Спрятавшись сбоку от них, Рая и Галя выстрелили. Надо же как-то разбудить это спящее царство? Есть тут кто-нибудь живой? Девушки стояли, затаив дыхание, — со двора доносились какие-то шорохи, скрипы и шаги. Двери ферм и пристроек во дворе были почему-то распахнуты настежь. Неожиданно из одного сарайчика неторопливо вышла корова. За ней другая, третья, четвертая… Брошенные без надзора, они самостоятельно двинулись к роднику на водопой.

Осмелев после появления таких «хозяев», Рая и Галя осмотрели двор, здания — нигде ни души. Девушки вернулись к самолету.

— Что будем делать, командир? Горючего у нас всего минут на десять…

— Туман рассеивается. Давай, штурман, попробуем сообразить, где же мы все-таки?

— Смотри, Рая, город видно на юго-западе. Железная дорога, шоссе — все это ориентиры. Кажется, сообразим сейчас. Похоже, вот здесь, — показала Рая точку на карте.

— Немцы отсюда два дня назад ушли, — отвечала Рая.

Чтобы взлететь, пришлось перекатывать самолет. Наконец-то снова в воздухе. Через десять минут полета девушки приземлились в пункте, где была возможность заправить машину.

— Измучились мы, конечно, еле таскали мокрые унты и комбинезоны, рассказывали они после возвращения. — А тут еще встретили с недоверием. Откуда, мол, женщины эти свалились да еще в нелетную погоду. Хорошо, командир слышал про наш полк, напоил нас горячим чаем, приказал заправить «ласточку». Как же хорошо после всех приключений дома оказаться, — заключила рассказ Галя.

Вспоминая военное время, Галя как-то сказала:

— Удивительно, но в моей фронтовой биографии так получилось, что больше всего помнятся не обстрелы, не прожектора и зенитки. Все это было, конечно, было каждую ночь. И привыкнуть к ним по-настоящему, наверно, было просто невозможно, но мы научились принимать эти опасности как тяжкую необходимость… Помнятся мне, как ни странно, больше всего полеты в сложных метеоусловиях. Ты помнишь бои под Новороссийском?

Еще бы! Это были жаркие ночи. Разве такое забудешь! Мы

наступали. И полк работал напряженно. Полеты в этих местах были для наших легких самолетов сложны еще и из-за особенностей метеообстановки. Близость гор и моря создавала чрезвычайные трудности. Дело в том, что в таких местностях из-за разности давлений образуются восходящие и нисходящие потоки большой силы.

В одну из боевых ночей Беспалова вылетела на задание с Мартой Сыртлановой. Восемь экипажей во главе с заместителем командира полка по летной части Симой Амосовой базировались южнее Новороссийска на берегу моря — в Солнцедаре. Экипажу предстояло лететь к перевалу Волчьи ворота северо-западнее Новороссийска. Маршрут лежал до цели над морем.

Сыртланова вела самолет над морем километрах в десяти от берега. Неожиданно машина стала резко терять высоту. Галя увидела, как стрелка высотомера резко побежала с отметки 1200 метров вниз. Вот уже 700-600-500 метров!

— Марта! Мы в нисходящем потоке!

— Вижу, но ничего не могу сделать! Поток сильнее нас…

Самолет продолжал валиться вниз. Высота 300, нет, уже 200 метров! Вот до воды остается всего 100 метров! Огромные волны, кажется, катятся под самым самолетом и готовы поглотить «ласточку» вместе с ее экипажем. Полная невозможность что-либо предпринять против злых сил стихии, совершенная беспомощность…

Вода приближалась с каждой секундой. Казалось, самолет камнем падает вниз. Галя опустила руку, нащупала спасательный жилет (мы очень редко надевали их, потому что они мешали работе в воздухе). Нет, времени натянуть его просто не хватит!

— Марточка, разверни самолет к берегу, мы хоть взглядом на земле будем!

Не говоря ни слова, летчица осторожно развернула машину. Еще несколько метров и вдруг — чудо! — самолет быстро-быстро начинает набирать высоту. За высотомером трудно уследить, так стремительно отсчитывает стрелка: 800-900-1000-1200 метров! Спасены!

Чудо объяснялось совсем просто — рядом с нисходящим, всего в нескольких десятках метров, был восходящий поток огромной силы.

Самолет продолжал полет к цели. Вышли точно. Сбросили бомбы — внизу вспыхнули шапки взрывов. Но после пережитого волнения не было даже сил порадоваться удачным попаданиям. На «ласточку» обрушился сокрушительный огонь эрликонов. Но и это не могло сейчас поколебать усталого покоя летчицы и штурмана. Умело маневрируя, вышли из зоны огня и

благополучно вернулись на свой аэродром.

Одна за другой приземлялись машины. Девушки оживленно делились впечатлениями. Оказалось, что многие в ту ночь попадали в восходящие потоки такой силы, что было трудно в нужный момент терять высоту. Но испытать что-либо подобное тому, что случилось с Мартой Сыртлановой и Галей Беспаловой, не пришлось больше никому.

Галя Беспалова появилась в полку в конце 1942 года вместе с группой выпускниц школы младших авиационных специалистов. В те дни мы базировались в станице Ассиновская, на Кавказе. Шли тяжелые бои, экипажи полка летали каждую ночь. Но несмотря на напряженную боевую работу из группы прибывших с первых дней стали готовить штурманское пополнение.

Я скоро запомнила Галю. Очень юная, хорошенькая синеглазая девушка занималась с настойчивостью и упорством, была полна нетерпеливого ожидания когда же она получит боевое задание и вместе со старшими поднимется в грозное ночное небо, чтобы бить ненавистного врага!

Штурманской подготовкой с вновь прибывшими занимались наши самые опытные девушки — штурманы эскадрилий Лариса Розанова и Женя Руднева и штурман полка Соня Бурзаева. Как по-детски счастлива была Галя, когда успешно сдала экзамены.

Первый свой боевой вылет — 26 мая 1943 года — она выполняла в одном экипаже со мной, тогда командиром звена. На первые боевые вылеты молодых штурманов всегда посылали с опытными летчицами, теми, кто к этому времени имел не одну сотню полетов на бомбардировку врага.

Хорошо помню наш первый с Галей полет, хотя ничего особенного в нем не было. Запомнился, наверно, потому, что Галя — этот едва оперившийся птенец держалась уверенно и спокойно.

Экипажи получили задачу: бомбить по скоплению живой силы и техники врага в районе совхоза «Красный». Командир эскадрильи Татьяна Макарова уточнила задания экипажам, звеньям, условия подхода к цели, высоту, напомнила о средствах ПВО противника, о сложности метеоусловий.

Мы с Галей еще и еще раз проверили маршрут и были готовы по первому сигналу взлетать. Даже в вечерних сумерках, опустившихся на летное поле, было видно, как светились радостью голубые Галины глаза.

Первый боевой вылет! Конечно, она волновалась — ведь от него нередко зависит, как сложится дальнейшая боевая жизнь. Волновалась, но вида не показывала. Мы с первых месяцев сумели заметить, что этой скромной, по-детски застенчивой девушке свойственны тихая сдержанность, умение сохранять спокойствие

и в трудных, сложных ситуациях.

Сгустились синие майские сумерки, и незаметно подкралась ночь звездная, но темная, как это бывает на юге. Экипажи с интервалом в пять минут один за другим поднимаются в воздух. Взлетели и мы. Взяли курс на цель.

И вот мы одни — я и мой молоденький штурман. Мы словно отрезаны от всего мира. Густая дымка затянула все вокруг. Нигде ни огонька. Галя следит за маршрутом, по переговорному устройству называет места, над которыми пролетаем. На цель вышли точно.

— Галка, молодец! Курс?

— Курс… — четко командует штурман.

Точно выдерживаю направление. Штурман прицелилась и сбросила бомбы. Разворачиваемся на 180 градусов и уходим в сторону своей территории. В этот момент активно включаются зенитки. Поздно, голубчики, спохватились, нас уже не достать… Вот и линия фронта. Всегда бы такие вылеты!

— Командир, все в порядке! Сейчас подходим к аэродрому.

В эту ночь мы с Галей выполнили три вылета. Во всех трех она работала четко, спокойно, словно это была не первая боевая ночь в ее жизни. Утром подруги тепло поздравили молодого штурмана с началом боевой работы. Руфа Гашева отметила первый Галин вылет стихами в боевом листке.

На следующую ночь мы с Галей снова летали вместе и сделали пять вылетов. Были в них и слепящие лучи прожекторов, и разрывы зениток, и разноцветные пулеметные трассы, проходившие рядом с нашим самолетом. Но, казалось, ничто не могло заставить Галю потерять самообладание. Она спокойно и уверенно подавала мне команды и в самые трудные, самые напряженные минуты полета — над целью, под сокрушительным огнем фашистских зениток.

С первых полетов она показала себя грамотным и смелым воином. Но сама Галя считает, что зрелость пришла к ней после трагической августовской ночи 1943 года, когда шли бои на Голубой линии и когда погибли восемь наших девушек. Вот как она сама вспоминает этот день.

«Я тогда летала с Лелей Санфировой. Ты, Марина, помнишь, конечно, сколько прожекторов было там у фашистов — целый лес.

Летим. Прошли линию фронта, подходим к цели. Ее уже видно. Но тут один за другим включаются прожекторы. Один, очень сильный, совсем рядом с нами.

— Леля, ударим по прожектору?

— Давай!

Леля сбавила обороты двигателя, чтобы нас не так слышно было. Тщательно прицеливаюсь и сбрасываю бомбы. Взрывы — прожектор гаснет.

— Леля! Есть! — восторженно вскрикиваю я.

Но это было только начало. Самое страшное ждало нас впереди.

Световые щупальцы — сколько их — не успеваю сосчитать, — тянутся к нашей „ласточке“. И вот мы схвачены ими, самолет в пучке света. Сейчас на нас обрушится огонь! Нет, огня нет! Непонятная, тревожная тишина. Почему молчат зенитки?

Леля отчаянно старается уйти от света — машина мечется, шарахается из стороны в сторону, но уйти от такого количества прожекторов никак не удается. Только почему так тихо? Почему же они не стреляют?

И тут раздается оглушительный удар — машина, как тяжело раненная птица, вздрагивает всем телом. Трассы снарядов прошли через правую плоскость и под самолетом. Выше нас в лучах прожекторов прошел немецкий истребитель со свастикой на хвосте. Теперь все ясно. Он в упор, сверху обстреливает нас.

— Галя, смотри, сейчас он будет делать второй заход! Понял, что мы не сбиты окончательно…

— Его ослепили свои же прожекторы, наверно, потому и промах. Леля, что делать?

— Попробуем вырваться! Держись!

И Леля ввела машину в таксе крутое пикирование, что дух захватило. Второго захода истребителя мы не испытали. Наверно, немцы решили, что самолет подбит и падает. Но прожекторы не сразу выпустили нас из своих ледяных объятий. Лишь когда мы были почти у самой земли, они один за другим стали выключаться…

Мы благополучно вернулись домой. Заруливаем, а навстречу бегут девушки, впереди всех Руфа Гашева.

— Прилетели! Девочки, родные, а мы думали, что уже все!

Руфа сама только что прилетела: видела, как в нас стрелял истребитель и как мы падали, и решила, что живыми из этого ада нам не уйти…

Когда осмотрели самолет, оказалось что лететь в эту ночь на нем уже не придется. Во многих местах он был пробит, особенно пострадала правая плоскость. Во время обстрела открылась левая щечка мотора и все время угрожающе хлопала. Но несмотря на это мотор работал бесперебойно. Досталось нашей „ласточке“ в том памятном вылете основательно. Но восстановили ее очень быстро — ты же помнишь, как работали наши технари? — и машина продолжала свою боевую службу…

С той страшной ночи я внутренне почувствовала себя наравне с вами, старшими по военному опыту. Нас уравняло общее горе — потеря восьми наших подруг. Рядом с моей постелью в общежитии стояла пустая кровать Жени Сухоруковой, она не вернулась в ту ночь. Мы мало успели узнать друг о друге, но нам было хорошо вместе. Наверно, мы бы стали настоящими друзьями. Она была очень чуткой, внимательной и очень сдержанной, о себе говорила скупо. Только раз поделилась со мной своим большим горем — мать ее, оставшаяся в оккупированной Одессе, где Сухорукову до войны знали как комсомольскую активистку, сидела в фашистском застенке…»

Отомстить за Женю, за Соню Рогову, у которой в тылу осталась маленькая дочурка, отомстить за наших девочек стало главной Галиной мыслью. С этого дня полеты для нее были не исполнением юношеской мечты, а суровой жизненной необходимостью. Галя Беспалова стала настоящим бойцом. После освобождения Тамани Галину Беспалову за отличное выполнение боевых заданий и проявленное при этом мужество наградили орденом Красного Знамени, ее подругу Евгению Сухорукову орденом Отечественной войны I степени посмертно.

5 мая 1945 года штурман звена гвардии лейтенант Галина Беспалова возвращалась на свой аэродром после боевого задания из порта Свинемюнде, где бомбила фашистскую окруженную группировку. Это был ее последний, 639-й боевой вылет. Ратный труд штурмана Беспаловой отмечен двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны и Красной Звезды, многими медалями.

Когда мы были молоды

На заводе хорошо знают эту строгую, всегда подтянутую женщину. И не удивительно, Клавдия Алексеевна Илюшина работает здесь почти четверть века. Знающий инженер, с большим опытом, долгие годы руководила участком. Как пропагандист часто выступает перед рабочими, молодежью.

У Клавдии Алексеевны взрослый сын, подрастает внук Андрюша — ему скоро в школу. И наверное, он часто просит свою бабушку: «Расскажи, как ты была на войне!»

Клавдия Алексеевна, а для меня — пусть по лицу пролегли морщинки, седина припорошила голову серебром — для меня просто Клава, человек, с которым вместе прожиты незабываемые годы нашей прекрасной, суровой и неповторимой юности…

Подполковник Илюшина! Клавдия Алексеевна! Клава, вспомни, как мы были на фронте, как работала ты со своими младшими по опыту и по званию девочками, чтобы мы — летный состав полка — могли снова и снова подниматься в грозное ночное небо и громить ненавистных фашистов.

Так получается, что когда пишут об авиации, на первом плане всегда летчики, штурманы — герои воздушных сражений. Когда вспоминаем ратный труд летчиц, штурманов полка, вновь и вновь удивляемся силе и мужеству девушек, делавших по 8-10 вылетов за ночь. И гораздо реже вспоминаем и еще реже удивляемся мужеству и силе, терпению и самоотверженности наших подруг на земле — техников и механиков, оружейниц и инженеров.

Клава была инженером полка по самолетному оборудованию.

Должность и в мирное время нелегкая, беспокойная и ответственная. Что ж говорить о такой работе в военных условиях!

Одна из немногих, она пришла в полк настоящим военным человеком, со знаниями и — хотя небольшим — опытом. После окончания в мае 1941 года Военно-инженерной академии связи в Ленинграде Клава вернулась в Москву для работы на авиационном заводе. Исполнилась мечта московской девушки — она стала военным инженером. Часами бродила по знакомым улицам, улыбалась встречным. И они улыбались в ответ стройной девушке в военной форме. Впереди было ясно и солнечно — молодость, любимая работа. И вдруг — война.

Зловещий вой сирены приказывал спешно укрываться в бомбоубежище. Но в цехах авиационного завода, где работала военный инженер Илюшина, и в эти опасные минуты не нарушался строгий рабочий ритм. Конечно, это было нелегко и

очень рискованно. Но фронт ждал самолеты — и значит, нельзя было допустить ни минуты простоя…

Илюшина проверяла исправность и надежность электро-, радио — и навигационного оборудования. Понимала важность, ответственность своей работы. Но сердцем рвалась на фронт, была уверена, что ей, военному инженеру, место на передовой. «Не спешите, — слышала она в ответ на свои просьбы, — когда будет нужно, вам скажут».

Этот день наступил неожиданно. Илюшину вызвали в Управление Военно-Воздушных Сил и сказали, что Герой Советского Союза Марина Раскова формирует женскую авиационную часть — там нужны военные инженеры. Инженер-капитан Илюшина для прохождения дальнейшей службы была направлена в распоряжение майора Расковой.

— Когда я на следующий день пришла к месту формирования части, то удивилась и даже растерялась. Да какая же это воинская часть? — теперь уже с улыбкой вспоминает иной раз Клавдия Алексеевна. — Мне, человеку не просто знакомому с воинской дисциплиной, а принявшему ее, что называется, всем сердцем, было странно видеть толпившихся у ворот, возбужденных девушек. Они сбивались в группы, о чем-то бурно спорили, перебивая друг друга. Возгласы, объятия подходивших знакомых и подруг. Шум невообразимый. Больше похоже на встречу школьников после каникул. Неужели их можно превратить в дисциплинированных воинов, сомневалась я. Но командиром у нас была Марина Михайловна Раскова. Встречаясь с прославленной летчицей, девушки на глазах преображались — становились серьезнее, строже, даже внешне словно подтягивались. Таким сильным было влияние на всех этой замечательной женщины…

Клава понимала, что ей предстоит многому учиться самой и, видимо, еще больше учить других. Ну что ж, упорства и настойчивости ей не занимать. Вспомнились годы юности, заполненные учебой и трудом. Семья у Илюшиных была большая — десять человек. Отец — рабочий трамвайного депо. Мать трудилась всю жизнь не покладая рук, отдавая детям свое большое любящее сердце. Жили нелегко, но дружно. Ребята учились и во всем помогали родителям.

После семилетки Клава поступила в Московский электротехнический техникум. Она вспоминала:

— Небольшую свою стипендию я делила, побольше маме — в общий котел, поменьше себе — в день на стакан чая и булочку. Это были трудные тридцатые годы, голодные и холодные. Страна с нетерпением ждала специалистов во всех областях, и мы

учились настойчиво и жадно…

Совсем юной, неопытной пришла Клава работать на строительство высоковольтной подстанции. Очень хотелось стать настоящим мастером, на равных разговаривать со специалистами. Решила учиться дальше, стать инженером. Работая, готовилась к поступлению в вуз. Уставала, конечно, до предела. Но экзамены в Военно-инженерную академию связи сдала отлично.

Постукивают колеса поезда, увозящего девушек и их командиров в Заволжье, бегут нескончаемой лентой воспоминания о годах учебы, тревожат мысли о родных. Думает и Клава о своих, оставшихся в Москве. Думается и о службе. Не все в ней идет гладко. Вчера, во время остановки эшелона в степи, разбежались девчонки из вагона без разрешения. Состав тронулся, не все успели сесть вовремя. Илюшиной — а она была назначена старшей в вагоне попало от Расковой. Горько было слушать выговор от любимого командира. И все-таки Клава уже не сомневается — будут девушки настоящими солдатами, хоть сегодня не всегда еще понимают требования дисциплины. Но все как одна полны желания отдать борьбе за Родину все, на что только способны.

— Вот желание это и было главным залогом успеха, — говорит и сегодня Клавдия Алексеевна. — Среди техников, работавших со мной, были Поля Ульянова и Вера Бондаренко. У них была специальная подготовка, они быстро стали прибористами. А таким, как Оля Голубева, Тоня Павлова (их назначили электриками), пришлось начинать с азов… Разные были девушки, с разными судьбами и характерами, но их роднило стремление во что бы то ни стало овладеть специальностью. Трудились все исключительно добросовестно, и ни одна не кивала на другую, дело было наше, общее… Приехали мы к месту назначения в город на Волге осенью. Скоро дожди сменились снежными метелями. Ох, и нелегкими были эти месяцы! С Волги день за днем дул пронизывающий ветер. Под его порывами мерзли наши хрупкие машины, стыли нежные девичьи руки… Самолеты приходили в часть без оборудования. Его нужно было установить собственными силами. Проводили электроподготовку на самолетах, на нескольких машинах установили фотооборудование для съемки результатов боевой работы экипажей. Начали монтировать малогабаритные радиостанции для связи с ближних дистанций и для разведки погоды… Тяжелым испытанием были для всего состава полка снежные бураны. Не раз сигнал аварийной тревоги раздавался среди ночи. Надо крепить самолеты! Сумасшедший ураган забивает снегом лицо, не дает дышать. В круговерти метели с

трудом отыскиваем стоянку самолетов. Ветер грозит каждую минуту опрокинуть и разбить легонькие По-2. И мы, чтобы защитить самолеты, подтягиваем тросы, закрепляем машины и, обхватив их руками, удерживаем, спасая от поломок. Вместе со всеми, впереди всех были в эти трудные часы наши инженеры — Софья Озеркова, Надежда Стрелкова.

Мы все учились — много, напряженно, упорно. И летчицы, и будущие штурманы, и будущие техники, механики. Среди технического состава нашлись и опытные мастера — Таня Алексеева, Дуся Коротченко, Римма Прудникова. Позднее их назначили старшими техниками эскадрилий. Софья Озеркова стала инженером полка, Надежда Стрелкова — инженером по вооружению. Вот они-то вместе с Клавдией и готовили технические кадры нашего полка. Мы даже представить себе не могли, какие совсем не женские тяготы ложились на плечи девушек. И конечно — на Клаву. Она уже в то время была коммунистом, членом партбюро полка, в составе которого оставалась бессменно до конца войны.

Несмотря на всю загруженность в эти месяцы, Клаве хотелось, приложив инженерные знания, по возможности оснастить наш неприхотливый самолет современной техникой.

У инженера по самолетному оборудованию хлопот и забот было без счета. Материальная часть прибавлялась. Как-то пришли новые самолеты, а аккумуляторы негодные, даже зарядить нельзя. А через четыре дня вылет. Что делать? Тут и проявился характер Илюшиной. Поехала на завод. А там свой план — время военное, рабочих рук не хватает. Клава в партком, поговорила, убедила. В два дня выполнили наш заказ.

Промелькнули месяцы напряженной учебы. Мы вылетели на фронт. Началась боевая жизнь.

Сначала экипажи летали на близкие цели и каждый успевал в короткие июньские ночи сделать по 4–5, а к осени — по 8-10 боевых вылетов. Чтобы не задерживать экипажи, механики должны были в считанные минуты осмотреть самолет, заправить его. Электрики тут же проверяли приборы и электрооборудование, а вооруженцы быстро подвешивали бомбы. На все это уходило 3–4 минуты. Девушки — наземные специалисты старались изо всех сил. Пока летчица и штурман докладывали о выполнении боевого задания, машина была уже готова. А ведь работали в полной темноте, буквально на ощупь.

Наступила зима и с нею прибавилось трудностей.

— Особенно тяжело доставалось техникам и механикам, тем, кто обслуживал двигатель, — вспоминала Клавдия Алексеевна. — Чего только ни придумывали хозяева самолетов, чтобы не стыло

сердце машины, — укутывали, грели специально приспособленными лампами. Сами же грелись на бегу. Если за несколько минут надо подготовить самолет к вылету, подвесить бомбы — тут и в мороз жарко станет. А когда спали механики, я и не знаю. Всю ночь, бывало, встречают свой экипаж, волнуются и снова провожают. После этой бесконечно длинной ночи техники не уходили с аэродрома — готовили самолеты к ночным вылетам, устраняли неполадки, ремонтировали повреждения, латали пробоины…

Сама Клава трудилась вместе с ними, да трудилась так, что работать рядом с ней плохо было невозможно. А в короткие минуты затишья успевала провести беседу, обсудить положение на фронтах, острые политические события.

Есть люди, для которых труд необходим, как дыхание. Они любую работу не делают, а творят, словно птица песню. К таким счастливым людям относится Клавдия Алексеевна Илюшина. Чтобы в этом убедиться, не обязательно видеть ее в рабочей обстановке. Вот она у себя дома, в удивительно уютной, обихоженной квартире принимает гостя. Впечатление таксе, что все получается само собой накормила, чаем напоила и уже между разговором встала на свои места чисто вымытая посуда.

— Знаешь, — говорила как-то Клавдия Алексеевна, — для меня, пожалуй, нет нелюбимой работы. Наверно, это от мамы, она все делала со вкусом, с радостью. Помню, еще до войны повезла я ее как-то на сельскохозяйственную выставку. Маму невозможно было увести из павильона с животными — так она восхищалась.

Не мыслит себя вне труда и Клавдия Алексеевна. Так и сына растила. После войны она еще долгие годы служила в авиации. В 1968 году инженер-подполковник Илюшина ушла в отставку, но продолжала работу на ставшем родным предприятии, хотя военная пенсия давала возможность отдохнуть. Да сколько знаю нашу Клаву, работать рядом с ней кое-как было стыдно.

На предприятии ее знают не только как опытного, знающего инженера. Много сил коммунист Илюшина отдает пропагандистской работе, воспитанию молодежи. Она часто рассказывает молодым о нашей тревожной юности, о девушках, выдержавших самые суровые испытания в лихую годину войны. Рассказывает о том, как шли одними фронтовыми дорогами летчицы, штурманы и неутомимые наши труженицы — техники, механики, электрики, вооруженцы, прибористы. Можно ли забыть эти дороги?

Пути-дороги фронтовые мы вспоминаем, встречаясь сегодня.

— Никогда не забуду ночь 21 декабря 1944, - говорила при последней встрече Клава. — Мы чувствовали приближение

победы, мечтали о ней. В эту ночь летчицы и штурманы решили выполнить самое большое количество полетов, взять как можно больше бомбовой нагрузки. Работали с двух аэродромов, а линия фронта была совсем рядом. А как работали в эту удивительную ночь вооруженцы, механики, прибористы, весь технический состав! Уже светало, а экипажи все улетали и улетели на цель. Стоял трескучий мороз, но вооруженцы сбросили куртки и, перебегая от самолета к самолету, снаряжали их бомбами меньше чем за две минуты. В ту ночь полк выполнил 324 боевых вылета. Каждая из девушек-вооруженцев подвесила не меньше чем три тонны бомб…

А мне вспомнилась другая ночь. К концу Великой Отечественной войны наш полк сражался на подступах к Берлину. Во второй половине февраля 1945 года мы базировались в городе Слупе. Ночи стояли непроглядно черные, шел мокрый снег. Самолеты утопали в жидкой грязи. Девушки буквально на руках закатывали свои «ласточки» на взлетную площадку — деревянный настил, ведрами таскали бензин для заправки. Вооруженцы, увязая в грязи, несли тяжелые бомбы. Пока мотор перед взлетом набирал максимальные обороты, техники и вооруженцы держали самолет за плоскости и лишь потом по команде летчика разбегались в стороны. С такой вот площадки полк только в Слупе совершил 500 боевых вылетов. Всей этой работой на земле руководили инженеры Софья Озеркова, Надежда Стрелкова, Клавдия Илюшина…

Почти сорок лет отделяют нас от тех суровых дней и ночей. Исполнилась самая большая мечта наша — на землю пришел мир. Казалось, только-то и нужно для счастья всех. Но это только казалось. Мирная жизнь несла свои заботы и тревоги, вместе с радостями — и огорчения, и невзгоды. Мы прошли зрелость и ступили на порог старости. Но сколько бы лет ни минуло, сколько бы ни было пережито — мы остались верны клятве, данной друг другу тогда: свято хранить в сердце память о павших, не забывать живых, всегда любить небо.

Вижу цель!

Веселая тропка петляет с пригорка на пригорок. То бежит через лесок, то спускается в неглубокий овражек и почти теряется в густой сочной траве. Изумрудная зелень алмазно вспыхивает в утренних лучах солнца — обильная роса сулит день погожий и ясный. Хорошо в родных местах: уставшее сердце, прикоснувшись к земле, единственной во всем свете, родной и с беспечных детских лет словно сбрызнутое живой водой, набирается новых сил. Сюда, на родину, приезжает каждое лето Татьяна Алексеевна Осокина-Жгун. Прожитые годы — легкими они у нашего поколения не были — нередко напоминают о себе, и здесь, в маленьком домике в Кожакове, она отдыхает, возвращаясь душой к самым истокам, черпая новые силы для жизни и труда…

Таня Осокина была летчицей в эскадрилье, которой довелось командовать мне. В наш полк она пришла только в ноябре 1944 года, когда до конца войны оставалось всего шесть месяцев. Таких коротких, потому что мы наступали и с каждым днем чувствовали приближение победы, и таких длинных, потому что продолжалась страшная война и каждая ночь была заполнена трудной и очень опасной работой.

Татьяна пришла к нам зрелым сложившимся человеком, имела уже к этому времени немалый летный и воинский стаж. Фронтовая ее биография началась с сентября 1941 года, когда Татьяна, до этого работавшая в аэроклубе летчиком-инструктором, уехала на фронт с одним из полков в качестве машинистки. А в марте 1942-го сумела добиться своего — пересела за штурвал самолета По-2. Получила направление в 120-ю отдельную эскадрилью связи. В штабе армии, вручая ей предписание, сказали лишь два слова: «Будьте внимательнее».

Непосвященному может показаться, что эта служба попроще, полегче, побезопаснее. На деле не так. Полеты ежедневно, ежечасно были связаны с опасностью, с риском. Летчики эскадрильи возили офицеров штаба, доставляли секретную почту. Враги знали об этом и потому с особой настойчивостью охотились за маленькими самолетами.

Невысокая крепкая девушка в ладно подогнанной форме военного летчика торопливо шагала к ангару полевого аэродрома. Мартовский снег сверкал под яркими лучами солнца, а в тени отливал глубокой синевой. Звонко похрустывала под ногами настовая корочка. От ослепительного солнца глаза слезились и Татьяна то и дело вытирала их тыльной стороной руки. «Наконец-то! повторяла она про себя. — Наконец-то!»

Счастливое ощущение победы она не могла выразить словами и только вновь и вновь повторяла про себя: «Наконец-то! Первый вылет на задание. Добилась!» — радостно отстукивало сердце.

В ангаре у самолета хлопотали техники.

— Машина готова? — хотела строго, как и положено боевому летчику, а получилось по-девичьи звонко и весело.

— Готова, товарищ летчик! — ответил с улыбкой знакомый старшина, распрямившись и вытирая ветошью замасленные руки. — Летишь, Танюша? Первое боевое крещение!

— Лечу, лечу, ребята!

— Ну, успеха, удачи тебе. Да повнимательней будь — до линии фронта всего полсотни километров. Смотри не заблудись!

— Вы меня как младшую сестренку в лес провожаете, — засмеялась Таня, а я…

Она не успела закончить фразу — взревел мотор, и Осокина порулила к старту. К ее машине подошел рослый офицер — бригадный комиссар Горский.

— Полетим на Боровичи! — сказал он, усаживаясь во вторую кабину.

Девичьи руки твердо лежали на штурвале. Внизу тонкой полоской вилась железнодорожная линия. Таня вела машину строго над ней.

— Что, для большей надежности летаем над дорожками? — насмешливо спросил пассажир.

Таня промолчала. Не оправдываться же ей, не объяснять, что это первый вылет на задание. Она лишь крепче сжала штурвал.

* * *

А через два дня Осокина подтвердила, что летчик она — волевой и решительный. По специальному заданию штаба фронта она подняла машину с полевого аэродрома у Хвойной. С ней летели два штабных офицера. Маршрут пролегал почти параллельно линии фронта. Прошли уже почти половину пути, как поднялся туман. Густая белая мгла окутала все вокруг: внизу, вверху, слева ли, справа — клубится белесая муть. Видимость — ноль. Думала, туман скоро кончится, а ему конца не видно. Полет в этом плотном холодном мареве продолжался уже довольно долго, но никаких просветов не появлялось.

Чтобы вырваться из белого плена, Татьяна решила подняться на предельную высоту. Руль на себя — и самолет, натужно урча мотором, стал карабкаться вверх. Томительно тянулась минута за минутой. Кажется, что дышать стало тяжелее. Таня упорно

набирала высоту. Наконец, туман стал редеть и отставать. Летчица выровняла машину и повела ее по заданному курсу. Когда она вернулась на базу, в летной книжке появилась лаконичная запись: «Полет по спецзаданию. Выполнен в сложных метеоусловиях». И только сама Таня знала, что скрывается за этой короткой строкой, каким напряженным и сложным был для нее этот полет — один из первых, выполненных ею на фронте.

— Первое время мне пришлось особенно трудно, — рассказывала Татьяна, летать в ночных условиях я не могла, не было налета, и приходилось летать днем, что было гораздо опаснее… Как-то получила задание отвезти офицера 14-й воздушной армии в Малую Вишеру, а затем лететь за другим в Боровичи. В Малую Вишеру добралась благополучно, оттуда прилетела на аэродром подскока на станции Турга. Лететь дальше было невозможно из-за плотной низкой облачности — казалось, облака ползут по самым верхушкам елей. Взлетела ничего не видно. Снова села в Турге. Сижу на КП и чуть не плачу с досады не могу ведь задания выполнить! Тут один летчик из другого полка говорит мне: «А ты по реке, по Мсте, попробуй идти!» Я в самолет, долетела до Мстинского моста и нырнула вниз, к воде. Берега высокие, лечу над самой водой, петляя вместе с рекой. Провода Мсту пересекают то низко, то высоко и я машину то под ними, то над ними веду. Долетела благополучно и задание выполнила.

— Каких только случаев не было, — продолжала Таня. — Были и такие, что вспоминаются со смехом. Однажды везла офицера-пехотинца в его часть на передний рубеж. Пролетели, наверно, с половину пути, а он вдруг кричит: «Ты куда меня везешь? Ты меня к фрицам везешь?!» Я ему объясняю, где мы находимся, какой курс, а он и слушать не хочет. Наставил на меня пистолет: «Сажай самолет!» Пришлось приземлиться у какой-то деревни. Подбежали к нам женщины деревенские, спрашиваю: «Немцы у вас есть тут?» «Нет, — говорят, слава богу, не дошли до нас…» Взлетела, ни слова не говоря. Прилетела на свой аэродром злая до предела. «Товарищ майор, — обращаюсь к командиру, если кто так боится фрицев и своим не верит, то пусть лучше пешком ходит. А я рисковать машиной не хочу…» Ну, такой случай, конечно, редкость. А трудно мне еще приходилось от того, что была я одна девушка в эскадрилье и летчики-мужчины относились поначалу недоверчиво ко мне: не женское, мол, дело, не по силам девчонке. Но шли дни. С каждым полетом прибавлялось опыта, уверенности в своих силах.

* * *

За первые три месяца пребывания в 120-й авиаэскадрилье Татьяна Осокина выполнила сто боевых вылетов без единой аварии. Осокиной было присвоено офицерское звание младший лейтенант.

Через несколько дней Осокину вызвал командир авиаэскадрильи. Выслушав рапорт, подозвал к столу, развернул топографическую карту.

— Здесь, — остро отточенный карандаш отметил точку на карте, сражается Н-ская воинская часть. Противник яростно, жестоко атакует ее. Нужно срочно доставить в штаб части оперативный документ. Выполнить это важное дело поручаю вам. Долететь не сумеете — пешком идите, но пакет вручите во что бы то ни стало. Ясно, товарищ младший лейтенант?

— Так точно, товарищ майор!

Щелкнул замок сейфа. Майор достал пакет и протянул его Тане.

Стылая осенняя изморось окутала летчицу, как только она вышла от командира. Зябко передергивая плечами, Татьяна вместе со штурманом Николаем Теплинским поспешила к самолету.

Через полтора часа полета по маршруту в белесой дымке впереди показались размытые очертания древних башен Новгорода.

— Командир, до конечного пункта осталось шестьдесят километров, сказал Теплинский, сверяя с картой маршрут. — Только бы погода не подвела.

— Да, погода нас не балует, — вглядываясь в подозрительную дымку впереди по курсу, ответила летчица.

Через несколько минут туман стоял уже сплошной стеной. Обойти его не удалось.

— Заберемся до потолка, может быть, на высоте чисто!

Но и на предельной высоте не было никакой видимости. Тогда Осокина решила опуститься совсем низко и идти по-над рекой, тем более что опыт подобных полетов у нее уже был. Летели под плотным пологом тумана так низко, что казалось — червонная листва осеннего леса касается плоскостей машины. И Таня все-таки привела свой По-2 к цели.

За успешное выполнение ответственного задания летчица была награждена орденом Красной Звезды.

Декабрь сорок второго года. До победного мая сорок пятого еще было два с половиной нелегких военных года. Всем нам предстояло шагать по фронтовым дорогам, вновь и вновь сдавать экзамены на мужество, волю и терпение. Кроме этих бесконечных экзаменов на долю Тани выпало еще одно испытание — особое,

счастливое и трудное одновременно, потому что на фронте даже счастье было нелегким… Таня встретила свою любовь.

Это случилось совсем просто, а запомнилось навсегда. А дело было так. Заходя на посадку, младший лейтенант Осокина заметила в синей глубине неба приближающиеся с запада черные точки. «Немцы летят», — подумала Таня и, круто скользнув вниз, приземлила свой По-2 на самой кромке летного поля и стала заруливать к укрытию. Шасси увязли — только вчера прошел сильный, похожий на летний, дождь, земля размокла. А над аэродромом уже зло гудели несколько «юнкерсов», прорвавшихся сквозь огонь наших зениток.

Татьяна прибавила газу, но самолет не двигался. На другом конце аэродрома раздался взрыв, в небо взметнулся столб огня и дыма. От леса к самолету бежал офицер, грозя летчице кулаком.

— Вы что? В укрытие! Сейчас же в укрытие! Самолет и новый построить можно, а головы запасные нигде не выпускают, — с мягким украинским акцентом выговаривал он Тане, а сам тянул ее за руку к ближайшему укрытию. — Эх, девчонки, девчонки, ну место ли вам на фронте!

Эта случайная встреча на маленьком фронтовом аэродроме навсегда определила судьбы летчицы Татьяны Осокиной и замполите 703-го штурмового авиаполка Сергея Александровича Жгуна.

Вскоре Таню по ее просьбе перевели в 703-й штурмовой авиаполк. Она продолжала летать на стареньком, латаном-перелатаном По-2 на спецзадания, обеспечивала связь штаба фронта с подчиненными штабами, выполняла и другие ответственные и нелегкие задания. А под сердцем билась уже новая жизнь, и душа полнилась счастьем от близости родного человека, счастьем предстоящего материнства.

Сын родился на фронте и первые месяцы «воевал» вместе с мамой и папой. Он принес с собою столько беспокойства и столько радости, такую нежность и тепло! Маленького Леньку любил весь полк. Боевые друзья по очереди дежурили в землянке, нянчили мальчика. Трудные, счастливые месяцы.

Каждый день приносил молодым родителям что-то новое. Мальчишка рос не по дням, в по часам. Таня, полная чувства к сыну, с горечью понимала, что не место ребенку на фронте. Не раз начинал этот нелегкий разговор и Сергей.

— Танюша, тебе надо уезжать! Леньку растить и ждать меня с победой…

— Нет, Сережа, нет, не могу я в тыл отправляться, здесь мое место, только здесь…

Когда сыну исполнилось шесть месяцев, его отправили в тыл.

Он рос в Доме ребенка, а лотом у Таниной сестры, ждал возвращения матери и отца с победой. И дождался! Но до этого счастливого дня было еще далеко.

Все эти месяцы Татьяна, не принимая никаких поблажек, продолжала летать на задания Работы хватало. При перебазировании занималась перевозкой личного состава, выполняла задания по связи. Но особенно запомнились полеты на выручку наших сбитых летчиков.

— Помню, подбили нашего пилота над оккупированной фашистами территорией, — рассказывала, будучи у нас в полку, Татьяна. — Линию фронта он сумел перетянуть и недалеко от нее сел на вынужденную. Уже к вечеру вызывает меня командир полка, говорит: «Подбит Янюк. Надо лететь, разыскать его». Указал, в каком примерно квадрате он приземлился. «Ты на своем „Поликарпе“ сумеешь там сесть, поможешь парню», — говорит. Ну, когда такое задание, медлить не будешь. Бегу к самолету, а мысли уже в полете. Думаю, как там летчик, может, ранен тяжело. Сумею вывезти его? Вышла намеченным маршрутом к указанному месту. Несколько раз облетела весь квадрат — внизу кустарник, темнеть начало, видимость все хуже. Где же он? Наконец нашла. Обрадовалась, не могу сказать как! Посадила свою машину и бегом к самолету. Янюк — наш летчик — был ранен, наверно, уже и надежду потерял. «Сестричка, сестричка!» — только и повторяет. Перевязала его, помогла добрести до моего По-2. Тороплю его, скорей, мол, а то какой-нибудь случайный «мессершмитт» расстреляет нас, как куропаток, ведь «Поликарп» — это не Ил-2. И накаркала на свою голову. Только поднялись в воздух, откуда ни возьмись — вот он, «мессер»! Принесла нелегкая! Только я к этому времени уже «ученая» была прижалась к земле и давай играть в «прятки». Повела свою машину по-над лесом, над овражками… Удрали благополучно. А крестника моего в госпитале выходили, он вернулся в полк, продолжал воевать…

В октябре 1944 летчица Татьяна Осокина начала службу в нашем 46-м гвардейском авиационном полку ночных бомбардировщиков. К этому времени она выполнила 600 вылетов по спецзаданиям, из них 52 ночью.

В те дни наш полк, находившийся в составе 2-го Белорусского фронта, базировался на территории Польши. Темные осенние ночи были сплошь бессонными для нас. Таня Осокина с самого начала активно включилась в боевую работу.

В первый раз она полетела на боевое задание вместе с Сашей Акимовой, опытным, обстрелянным штурманом. Перелетели линию фронта. Картина ночного неба и земли, где и ночью не

засыпала война, а дым пожаров поднимался на высоту полета, поразила Татьяну. Она то и дело обращалась к своему штурману:

— Саша, что это за огненные шары, вот там, впереди?

— Эрликоны. Если долетят до нас, то всем троим не поздоровится — и мне, и тебе, и нашей «ласточке»!

В первую же ночь Осокина выполнила три вылета и сразу встала в строй наравне с другими летчицами эскадрильи, выполняя по пять-семь боевых вылетов в ночь.

В декабре на долю Тани Осокиной и ее штурмана Тони Розовой выпало тяжелое испытание.

…Быстро сгущались зимние сумерки. Кажется, только что начало вечереть, а смотришь — уже совсем темно. Ветер зло завывает, метет поземка.

— Ну и погодка! — кричит сквозь ветер Тоня Розова своей летчице. Сейчас бы на теплую печку забраться и выспаться, да, Танюша?

— Ишь ты, размечталась! Спать на печке после победы будем! — смеется Татьяна и трет варежками озябшие щеки и нос. У самолета, почти полностью готового к ночному вылету, девушки-оружейницы заканчивали подвеску двух «соток» — стокилограммовых бомб.

Последние мгновения на земле. Машина легко оторвалась и легла на заданный курс. Ориентироваться было нетрудно — внизу матово поблескивали рельсы железной дороги. В черноте декабрьской ненастной ночи неправдоподобно ярко вспыхивали трассы оружейного и минометного огня.

— Ого, какой бой идет, ты погляди, Тоня!

— Да, вижу. Здесь крупный железнодорожный узел. Внезапно небо вспыхнуло ярким светом. Девушки не успели понять, что это было — взорвались ли вагоны с боеприпасами или бомба. Самолет сильно подбросило вверх, и он резко пошел к земле, попав в разреженное пространство. Стрелка высотомера падала быстро-быстро. Таня потянула по упора руль на себя, но остановить падение не могла. «Как глупо, — мелькнуло в голове, — как не хочется умирать… Ленька вырастет без меня?»

— Танюша, неужели конец? — донесся сквозь свист и вой ветра голос штурмана.

Татьяна из последних сил сжимала штурвал, делала все возможное, чтобы прекратить падение самолета. У самой земли падение вдруг прекратилось и летчица вновь ощутила свою власть над машиной.

Набрали высоту, вернулись на заданный курс и, перелетев линию фронта, пошли на цель. После пережитого волнения нелегко было вновь собраться, включиться в боевую работу.

Отбомбившись, экипаж возвращался на аэродром и снова уходил небесной дорогой на цель. Рейс за рейсом — и так до утра. Об этой ночи напоминает запись в летной книжке: «Пять ночных полетов общей продолжительностью 5 часов 45 минут. Бомбежка объектов противника, сброшено 1000 килограммов бомб. Вызваны два взрыва и очаг пожара».

Листаю летную книжку младшего лейтенанта Осокиной и вспоминаю зимние месяцы сорок пятого года. В начале февраля мы летали на бомбежку противника, помогая нашим наземным войскам при форсировании Вислы и взятии города Грауденц. Фашисты сопротивлялись отчаянно. На подступах к Грауденцу они временно остановили наше наступление, крепко держась на заранее подготовленной линии обороны. Перед экипажами полка была поставлена задача помочь выбить окопавшегося врага и не дать ему подтягивать подкрепление, пользуясь темнотой. От зари до зари мы не давали фашистам покоя, снова и снова появляясь над их позициями, заходили в тыл, бомбили колонны войск и техники.

В Таниной летной книжке одна за другой следуют записи:

«18 февраля 1945 года. За ночь сделано три вылета, общая продолжительность их 2 часа 10 минут. Бомбила войска противника в поселке Ноенбург. Сбросила 300 килограммов бомб. Вызвала один сильный взрыв. Подтверждает это экипаж Ульяненко».

«20 февраля 1945 года. За ночь сделано шесть вылетов, общая продолжительность их 5 часов 50 минут. Бомбежка войск противника в населенных пунктах Бабау, Грауденц. Обстреливала цель из пулемета. Сбросила 660 килограммов бомб и израсходовала 400 патронов. Вызвала два сильных взрыва и один очаг пожара. Подтверждают экипажи Амосовой и Никулиной».

К концу ночи усталость валила с ног. Хотелось поддаться ей, упасть и не шевелиться. Молча ждали, когда оружейницы подготовят «ласточку» к шестому вылету.

— Погода ненадежная, должны выдержать, товарищ штурман? — сбрасывая с себя сонную одурь, громко и четко проговорила Татьяна.

— Выдержим! Не впервой, товарищ командир! — подхватывая шутливую интонацию, ответила. Тоня.

В кабине привычная обстановка вернула на твердую и четкую волну. Боевое задание, цель! Это на земле можно расслабиться, вспомнить маленького Леньку со сжатыми во сне крошечными кулачками (какой-то он стал теперь, годовалый мой мужичок?), вспомнить такого родного и близкого Сергея (только бы все хорошо было у него)… Это на земле. А в небе — собери волю,

выдержку, силу и мужество в один кулак: в небе ты только воин, все отдай для достижения победы над ненавистным врагом…

Таня привычно застегнула привязные ремни, окинула взглядом приборы, включила зажигание. Через полчаса полета внизу смутно зачернели окраины Грауденца. Во мгле раннего утра трудно было рассмотреть город подробно, и, ориентируясь по главной магистрали, Татьяна повела машину на заданную цель. Летчица и штурман внимательно всматривались в землю, тщательно укрытую густой тенью. Впереди слева темнело пятно.

— Вижу цель! — услышала Осокина голос штурмана.

— И я вижу. Спустимся ниже. Готовься!

Ручку от себя. С увеличением угла планирования скорость самолета возросла.

— Цель под нами! Бросай!

Самолет подбросило вверх — это пошли бомбы. Там, в темноте, взвились вверх два огромных столба пламени.

— Тоня, захожу еще раз, ударим из пулемета!

И Татьяна, круто развернув машину, устремилась вниз. Руки, влажные от пота, напряженно сжимали штурвал, сердце отчаянно зачастило — сказывалась усталость после боевой ночи. Земля все ближе и ближе. Еще мгновение — и самолет пошел в набор высоты. Тоня нажала на гашетку пулемета, обрушивая на головы врагов смертельный ливень пуль.

Так закончилась для экипажа Осокиной ночь 20 февраля 1945 года.

В следующие дни были новые полеты, новые удары по врагу. Война с нарастающей скоростью катилась на запад и вместе с нею мы уходили все дальше от родных мест, приближаясь к логову фашистов. В марте полк перебазировался в Маркерверден. Мы помогали частям, освобождавшим Гдыню и Гданьск, обеспечивали прорыв обороны на Одере.

— Ты помнишь, Марина, полеты на Данциг, на бомбежку переправ через Вислу? — вспоминала несколько лет назад Татьяна Алексеевна. — Я часто воскрешаю в памяти эти полеты над исстрадавшейся пылающей землей. Горький дым пожаров, кажется, достигал высоты полета наших самолетов, от него слезились глаза и сжималось сердце… В этих полетах мне нередко казалось, что в черном небе над горящей землей нас только трое — я, штурман и мой родной «Поликарп». Но однажды над Данцигом прошел тяжелый бомбардировщик и с высоты пять или шесть тысяч метров сбросил САБ, наверно, чтобы лучше видеть свою цель. Бомба осветила все вокруг, и я увидела, сколько нас было над городом! В этот миг я как-то особенно четко осознала значение дисциплины: каждый шел строго заданным

курсом, на определенной высоте, точно по приказу командира. Этим устранялась возможность нелепых случайностей. И вместе с этим ощущением пришло ко мне яркое чувство нашей общности, боевого содружества. Чувство это живет во мне и спустя годы…

Татьяна Алексеевна замолчала, словно прислушиваясь к своим воспоминаниям. А мне припомнилась мартовская ночь сорок пятого года и полет на бомбежку переправы через Вислу. Таня вылетела в тот раз вместе с Любой Шевченко. Сверху не видно было никаких ориентиров — темнота надежно укрыла землю. Через пятьдесят минут впереди по курсу тускло засветилась извилистая лента. «Должно быть, Висла», — подумала Осокина и услышала хрипловатый голос штурмана:

— Впереди Висла. Разворот вправо.

Еще несколько минут полета, и самолет достиг цели. Огненными пунктирами засверкали внизу трассирующие пули пулеметов и снаряды эрликонов. С берега на берег через серую гладь реки перекинулась черная полоска переправы.

— Вижу цель!

— Поняла! Готовься, заходим!

Цель поплыла под крыло самолета. Земля все ближе, ближе. Уже ясно видны автомашины, двигающиеся с выключенными фарами, повозки, орудия. Внезапно, как это всегда бывает, застрочил крупнокалиберный пулемет. Немцы стреляли по нашему самолету — очередь прошла перед самым его носом.

— Люба, бомбы!

Машина вздрогнула и подпрыгнула вверх, освободившись от груза. Левую педаль до отказа, полный газ — по крутой спирали летчица уводила самолет из опасной зоны. И в эти напряженные мгновения летчица и штурман одновременно заметили на берегу громадные цистерны — склады горючего…

— Товарищ подполковник, задание выполнено, — докладывала летчица командиру полка после возвращения на аэродром. — На левом берегу Вислы нами обнаружены склады с горючим.

— Молодцы, девочки! Вы углядели, вам и честь уничтожить этот объект!

— Есть, уничтожить объект, товарищ подполковник.

Экипаж снова поднялся в воздух. Предутреннее небо начинало светлеть, и чтобы не обнаружить себя, шли к цели на максимальной высоте. Звезды бледнели и таяли. Слева и справа от самолета Осокиной в направлении к Висле машины однополчан летели бомбить переправу. От заранее намеченного пункта Таня повела свою «ласточку» в обход: прошла по-над берегом Вислы и вышла к складам с северо-запада. Результат

бомбометания был отличным — это подтвердили экипажи Юшиной и Себровой.

77 боевых вылетов совершила Таня Осокина в 46-м гвардейском авиационном полку ночных бомбардировщиков. За успехи в боевой работе награждена вторым орденом Красной Звезды.

Шел к концу апрель. Дыхание весны и приближающейся победы кружило нам головы. Мы чувствовали, знали, что трудная дорога подходит к концу, с нетерпением ждали светлого дня. Улетая на задание, девушки обычно обращались к остающимся на земле подругам с просьбой:

— Девочки, если без нас вдруг о победе услышите, дайте знать ракетами!

Но случилось непредвиденное. Когда несколько наших девушек поехали на грузовике на аэродром, машина перевернулась. Кое-кто отделался испугом, ушибами, а Тане не повезло. Ей придавило ногу, раздробило голень, плечо. Победу Таня встретила в госпитале, в тяжелейшем состоянии после операции. Несколько длинных месяцев боролись врачи за здоровье летчицы. Отстояли, вернули Таню к жизни, к труду…

Мы встретились через двадцать два года после войны на традиционной встрече однополчан. К скверу у большого театра подошла женщина, в которой я не сразу узнала в прошлом невысокую, крепкую девушку с коротко остриженными белокурыми волосами, похожую на скромного паренька. Такой была Татьяна, когда мы летали в одной эскадрилье крылом к крылу. Долго проговорили мы с Татьяной Алексеевной. Она скупо рассказывала о себе, о выросшем сыне, о семье и работе, А мне хотелось знать все об этой замечательной женщине. Мы снова возвращались с ней в дни нашей огневой юности, вспоминали боевых подруг, не дождавшихся светлого Дня Победы, радовались мирной жизни…

Слово о нашей Кате

Москва. Декабрь 1943 года. Синие сумерки ложатся на заснеженный город. Далеко видна пустынная лента шоссе, припудренная сухим снежком. Машин маловато, но жизнь города не замирает. Спешат уверенные пешеходы, привыкшие к затемнению, неосвещенным улицам. Работают заводы и фабрики, учреждения и магазины.

Город живет нормальной жизнью. В зимние вечера москвичи могут пойти в кино, в театр, на концерт. Это снова становится привычным. И все-таки концерт, состоявшийся в один из декабрьских вечеров в Большом театре Союза ССР, был необычным. Первый большой концерт Всесоюзного смотра художественной самодеятельности учащихся трудовых резервов!

Москвичи останавливались и радостно переговаривались, завидев стройные колонны юношей и девушек, направлявшиеся к Большому театру. Играл оркестр, и в морозном воздухе ясно и чисто звенели молодые песни. Колонны юных шли на свой праздник. После двух с половиной лет войны, после бесчисленных проводов, горьких потерь какое волнующее счастье видеть молодые радостные лица, слышать звонкие песни и всем сердцем ощущать — Победа все ближе!

Катя Меснянкина вместе с тремя подругами по училищу шла в одной из колонн. Их направили на этот праздник как отличниц. Гордые, счастливые, шли девушки по улицам столицы.

Инициаторами этого концерта были Центральный Комитет ВЛКСМ и Главное управление трудовых резервов. Около 1500 человек приехали в Москву из разных городов и республик страны со своими программами, приготовили заключительный концерт и в течение недели выступали перед москвичами. Больше 20 тысяч жителей столицы встретились с юными артистами. Концертные выступления заканчивались массовыми народными митингами.

Позже, на фронте, Катя не раз вспоминала эти незабываемые минуты, рассказывала нам об удивительном, как сон, вечере…

Нарядный, торжественный зал Большого театра полон. Горят люстры. Все словно в мирные дни. В буфете даже можно купить конфеты, выпить газированной воды. Только холодновато в зале. Женщины кутают плечи в платки. Топлива пока не хватает. Но зритель горячий, да и со сцены несется столько тепла, столько счастливого света, что никто и не замечает прохлады…

Программу ведет москвичка Рита Лифанова. Комсомолка. Полиграфист. Тяжелые косы, счастливые глаза. Когда Рита

объявляет выступления товарищей, щеки ее вспыхивают румянцем — она полна тепла и любви к людям.

Богата талантами наша молодежь. Ленинградец Юра Воронцов прочитал свои стихи о родном городе. На форменной гимнастерке у него медаль «За оборону Ленинграда» и комсомольский значок. Юра пережил блокаду, гибель родных. Помогал комсомольским бригадам на расчистке улиц. Ухаживая за ранеными, дежурил во время воздушных налетов. Через Ладогу Юру и таких же, как он, мальчишек и девчонок вывезли на Большую землю.

— Я и сегодня вижу его, худенького, бледного паренька с горящими глазами, — рассказывала нам Катя. — Когда он читал свои стихи о Ленинграде, о людях, стоявших насмерть у его рубежей, его нельзя было слушать спокойно. Какой это был вечер! Откуда только не было ребят — из Ташкента, Свердловска, Челябинска, сколько песен, плясок, стихов! Зал встречал выступления горячими аплодисментами, заставлял повторять каждый номер. Труппа Большого театра была в эвакуации, и наш концерт впервые за долгое время заставил звучать прославленный зал театра.

…О концерте говорили не один день. По просьбе москвичей его повторили в Колонном зале и филиале Большого театра. Из юных артистов была организована бригада, которая выехала на фронт с концертной программой и вручила одной из воинских частей подарок — танк, сделанный руками учащихся трудовых резервов.

Через несколько дней Катя Меснянкина вернулась в 1-е Высшее военное авиационное училище связи, где она училась после окончания в 1942 году десятилетки. Здесь готовили метеорологов-синоптиков.

8 1941 году, когда началась война, Катя только что закончила 9 классов. Она сразу же решила идти на фронт, но в военкомате ей твердо сказали:

— Несовершеннолетних не берем. Учись, девочка, хорошенько.

Только учиться — казалось мало, поэтому Катя решила пока работать на заводе, чтобы хоть чем-то быть полезной. Весной 1942 года закончила десятый класс и снова пришла в военкомат. Сначала даже заявление у нее не принимали, но она не сдавалась — приходила снова. Наконец ей предложили учебу в 1-м Высшем военном авиационном училище связи. Завод не хотел отпускать контролера механического цеха Меснянкину, но девушка опередила всех — ушла в армию, не уволившись.

В школе Катя мечтала об авиации, а учиться пришлось на

метеоролога. Сейчас она утешала себя: «Ну, ладно, все-таки буду обслуживать авиацию». Училась старательно, ее часто ставили в пример. Но однажды от командира роты Меснянкина услышала, что из Военно-Воздушных Сил пришел приказ об отборе нескольких девушек для переучивания на авиационных штурманов, и тут же подала заявление. Отбирали тех, кто окончил десять классов, отлично учился и имел хорошее здоровье. Катя прошла…

Вместе с Ирой Глатман, Асей Цурановой, Верой Хуртиной Катя приехала в Йошкар-Олу, в запасной полк. Девочки осваивали штурманское дело, а рядом занимались летчицы — их готовили для пополнения полка Е. Д. Бершанской.

Будущие штурманы и летчицы быстро перезнакомились, подружились. Как-то в свободный час после занятий Аня Амосова, закончившая перед самой войной Батайскую авиашколу ГВФ и хорошо знавшая Евдокию Давыдовну Бершанскую, рассказала девушкам о нашем полке:

— Ох, девочки, это такой полк! Они уже столько сумели сделать, такой путь прошли с весны сорок второго… А ведь такие же, как мы, может, чуть старше, и уже успели повоевать. Думаете, на тихоходных машинах легче летать? Нет, девочки, мне кажется, что по сравнению со скоростными самолетами на По-два воевать еще сложней, — размышляла вслух Аня. Подруги слушали, замерев.

— Учиться нам надо исключительно серьезно, чтобы на фронте не сплоховать, — заключила Амосова.

Девчата прошли дневную и ночную подготовку, полеты по маршруту, бомбометание и стрельбу. Учились выходить из лучей прожекторов, выполнять элементы пилотажа…

Катины письма домой в те дни были немногословными, пусть родные думают, что у нее все в порядке. А учеба требовала не только знаний, выдержки и терпения, но бывало — и незаурядной смелости и хладнокровия. Никогда не забыть ей первого прыжка с парашютом. Страшно было сделать шаг в бездонную глубину неба. Напряжение в ожидании прыжка было так велико, что команду «Прыгай» Катя не услышала. И только после вторичного приказа очутилась в воздухе.

Дернула кольцо и почувствовала, что парашют не раскрылся. Именно в такие мгновения и испытывается характер на прочность. Катя не растерялась. Потянула за кольцо двумя руками изо всех сил — и над ней раскрылся купол, показавшийся огромным, надежным другом.

Приземлилась. Ее окружили взволнованные друзья, инструкторы:

— Что случилось?

— Родился летчик, — счастливо ответила Катя. Пополнение прибыло к нам в октябре сорок четвертого. Полк базировался тогда в Далеке (Польша).

На первое боевое задание Меснянкина полетела с командиром звена Катей Пискаревой — отличной, опытной летчицей, не раз выполнявшей задания в самых сложных условиях и зарекомендовавшей себя мастером ночных полетов.

Сегодня, встречаясь со школьниками, с молодежью родного ей «Сибсельмаша», где Екатерина Филипповна проработала уже больше четверти века, она рассказывает о боевых подругах, об их ратных подвигах, а на вопросы о себе скромно отвечает:

— Я успела мало, сделала всего девяносто четыре боевых вылета.

Но каждый из этих девяноста четырех был нелегким испытанием мужества и стойкости двадцатилетней хрупкой и нежной девушки, требовал исключительного напряжения физических и нравственных сил.

Двенадцатый боевой вылет Меснянкиной и Пискаревой превратился для девушек в экзамен на смелость и находчивость. Выполнив задание в районе Нойенбурга, экипаж возвращался домой, на свой аэродром. Видимости почти никакой. Держали курс, ориентируясь в основном по времени, потому что под крылом самолета почти ничего нельзя было разглядеть. И вдруг Катя обнаружила, что часы в ее кабине остановились.

— Командир! Мои часы стоят. По расчетным данным мы уже должны быть над своим аэродромом, — обратилась она к Пискаревой.

— Надо восстанавливать ориентировку. Но как?

— Вижу просвет, площадку у дороги. Давай сделаем круг над городом, сказала летчица.

Покружившись над городом, девушки установили, что они уклонились от курса в сторону километров на восемьдесят, но, если верить восстановленной ориентировке, находились над освобожденной территорией.

— Катя, горючего у нас в обрез, — решительно сказала Пискарева. — Да и над аэродромом видимость наверняка никудышная, значит, нужно еще и запас иметь. Будем садиться вон на ту площадку впереди, рядом с дорогой. Иду на посадку. Следи за лесом и дорогой!

— Есть!

Сели удачно, но когда решили подрулить поближе к дороге, одно колесо шасси попало в яму.

— Катя, я пойду проверю, правильно ли мы

сориентировались, — сказала Меснянкина.

— Только осторожнее, Катюша. В случае чего дай сигнал, — ответила Пискарева.

Штурман вынула пистолет из кобуры и осторожно направилась к дороге. Прошла машина, но в темноте Катя не разобрала — наша или вражеская. Подождала следующую и отчаянно шагнула вперед, голосуя левой рукой, а правую с пистолетом держа за спиной. Из кабины высунулась голова шофера:

— Эй, тебе куда?

— Свои, — облегченно перевела дыхание Катя. — Товарищ, подскажи, где мы находимся?

— Заблудились, — засмеялся водитель и подтвердил название населенного пункта, около которого экипаж произвел вынужденную посадку.

Теперь нужно было вытащить самолет из ямы — одним девушкам это было не под силу. Катя заметила, что по дороге приближаются люди — группу пленных сопровождали два советских солдата. Меснянкина попросила их помочь. После этого Катя Пискарева подрулила машину к дороге.

— Теперь надо в полк, не теряя времени. Без дозаправки нам не долететь, — сказала летчица. — Попробую добраться на попутных. А ты, Катюша, разверни «шкас» в сторону леса и личное оружие держи наготове. Гляди в оба, да не усни только, — напутствовала командир своего штурмана.

До рассвета Катя Меснянкина не сомкнула глаз. Это были долгие, тревожные часы. Лишь во второй половине дня прибыл бензозаправщик. Оказалось, в эту ночь из-за метеоусловий на аэродром не вернулись, несколько экипажей, но задание выполнили все и машины все были целы.

Еще несколько боевых вылетов сделала Катя с командиром звена. После этого уже обстрелянного молодого штурмана назначили в экипаж летчицы Ани Амосовой. Катя гордилась доверием командиров, радовалась, что будет летать вместе с Аней, которую знала еще с дней учебы в запасном полку. Девушки были очень дружны и как-то удивительно дополняли друг друга — спокойная, очень выдержанная Аня и жизнерадостная, вся словно искрящаяся радостью Катя. Не раз экипажу приходилось попадать в сложные условия, не однажды заглядывали девушки в лицо смерти, но твердая уверенность друг в друге помогала в самых тяжелых случаях. Сейчас, оглядываясь назад, в жаркую темноту зимних ночей сорок пятого года, трудно представить, что эти юные хрупкие девушки обрушивали смертельный груз на врага, среди первых открывали воздушный

«данцигский коридор», уничтожали прицельным огнем фашистов, закрепившихся на последних подступах к Берлину.

Всем нам помнится ночь на 20 февраля. В течение ее мы по нескольку раз вылетали друг за другом на Грауденц. Было интересно видеть сверху, как советские войска постепенно занимали город — сначала наши части находились на подступах к Грауденцу, потом дошли до его центра. К концу ночи мы уже бомбили и обстреливали отход противника, от города к западу. В одном из вылетов на подходе к цели самолет Амосовой — Меснянкиной обстрелял фашистский истребитель. Аня резко изменила курс и снизилась. Гитлеровец потерял «ласточку».

— Ну, Аня, видно, ты в рубашке родилась, — пошутила Катя, — я уже решила, что тебе фрицы хотят в день рождения «сюрприз» преподнести. Нет, не удалось, сейчас мы им сами подарочков накидаем, отметим, твой день рождения?

— Отметим, как надо!

Вышли на город, сбросили бомбы по отступающему врагу. Несколько взрывов, за ними пожары… А обстрела нет. Тишина.

— Не до нас фашистам, драпают, — ликуя, воскликнула Катя. — С днем рождения тебя, Анечка, — и она передала подруге шоколад из НЗ.

— Катя, давай споем! Ночь-то какая удивительная… Девочки попытались петь, но тут же расхохотались, так как, не слыша друга, пели не в лад…

«Не знаю, о каком вылете вспомнить, — пишет в одном из писем ко мне Катя, — ведь каждому отдавали все умение, все внимание, делали все, что могли… Было огромное чувство долга и горькая память о потерях. Хотелось отомстить за разрушенные города, за погибших родных, друзей…

Помню, как летали на Носельск. Наш аэродром был недалеко от линии фронта, и мы с Аней увидели, что прожекторы схватили самолет. Потом вспыхнул целый: сноп трасс. Зрелище издали красивое, а для нас жуткое — в сознании безвыходность судьбы экипажа и самолета. Но оказалось — экипаж отделался небольшими, царапинами. Как мы узнали позже, это были летчица Зоя Соловьева со штурманом звена Таней Костиной. Когда их машина очутилась в этом ослепительном фейерверке, Зоя сначала четко выполняла команды штурмана, а потом быстро проговорила: „Эх, была не была“ — и стала круто пикировать вниз, резко меняя направление. Девушки чудом ушли из зоны обстрела, а, зенитчики продолжали стрелять…»

«Марина, — пишет Катя в другом письме, — если писать о наших девушках, то надо обязательно сказать о том, какие это были жизнелюбивые, самоотверженные, настойчивые люди, какие

чистые души. Надо рассказать об их мыслях и чувствах, сомнениях и мечтах… Удивительные, чудесные люди! И как горько было их терять. Навсегда в памяти осталась Леля Санфирова. За несколько месяцев мы успели привязаться к ней всем сердцем, оценить ее как умного, опытного командира. Помню, как стояли у ее гроба в почетном карауле. Лицо ее было все так же прекрасно, только закрылись глаза-вишни. Безмерный гнев, жажда мщения охватывала нас. Я не застала в полку Таню Макарову, Женю Рудневу, Веру Белик, Иру Каширину и многих других погибших девушек, но они были в сердцах и на устах однополчан. Казалось, они жили среди нас. Вспоминались их шутки, их привычки, боевые дела. С такой любовью, таким теплом хранили боевые подруги память о погибших, что любовь к ним передавалась и нам, прибывшим в полк позже. Светлая память о них и горькое чувство утраты сохранились навсегда.

Я влюблена в наших подруг, мне и теперь кажется, что я не встречала такого сплоченного коллектива, такого дружного и верного…»

Мы воевали, и, казалось, все мысли, все силы наши отданы были боевой работе. Но чем ближе приближалась победа, тем больше мечтали мы о мирной жизни, — кем станем в той ясной и солнечной жизни.

Катя мечтала о том, как она будет учиться, мечтала о тишине читальных залов, о том, как жадно будет зачитываться книгами, каждый день открывая что-то новое. И эти дни пришли. Осенью 1945 года штурман бомбардировочной авиации гвардии старшина Екатерина Меснянкина стала студенткой Куйбышевского индустриального института. Училась увлеченно, самозабвенно. Трудно было поверить, глядя со стороны на тоненькую темноволосую девушку, склонившуюся над учебником, что за ратный труд Родина наградила ее орденом Красной Звезды и боевыми медалями. А ведь к окончанию войны Кате был всего 21 год.

Здесь, в институте, Катя встретила и свою судьбу — тоже студента, а в недавнем прошлом артиллериста-зенитчика. Друзья шутили, что Шипов подбил себе жену в воздухе…

Промчались годы учебы. Инженер-технолог Екатерина Филипповна Шипова-Меснянкина получила направление в Новосибирск, на «Сибсельмаш». Кажется, вчера все это было: в новеньком сатиновом халатике пришла она на завод, волновалась, как справится с новыми обязанностями. Работала, постигала тайны профессии. Заслужила признание людей труда. Работа стала главной в ее жизни. Часто и вечерами задерживалась в цеху: вместе с другими специалистами

разрабатывала новые способы технологии.

Да, как будто все это было только вчера, а вот уже более четверти века трудятся на «Сибсельмаше» супруги Шиповы — Александр Алексеевич главным технологом завода, Екатерина Филипповна старшим инженером-технологом в конструкторском отделе. Ее хорошо знают на предприятии, уважают за принципиальность и честность, за чуткость и внимание к людям.

Ранним утром спешит к проходной подтянутая, миловидная женщина, торопится, на ходу без конца кивая таким знакомым, таким родным лицам пожилым и совсем юным, — весело щебечущим станочницам и озабоченным мастерам. «С добрым утром, — слышит она в ответ, — с добрым утром, Екатерина Филипповна!»

«Всех наших помню и люблю…»

Маленькая тоненькая девочка в цветастом платьице стремительно и легко бежит по аэродромному тюлю и радостно машет кому-то рукой.

— Откуда это у нас тринадцатилетняя девочка появилась? — недоумевает кто-то.

— Девочка? Да это же Раечка Орлова, не узнаешь?

Всего несколько дней назад в саду под цветущими магнолиями мы отметили День Победы, такой долгожданный день. Ночью Раю разбудила Вера Князева:

— Рая! Раечка! Вставай, стреляют!

Подруги выглянули в окно и увидели, что стреляют наши девушки, первыми услышавшие весть об окончании войны и устроившие салют в честь Победы…

И вот промчалось несколько мирных дней, и наши девушки словно переродились. Когда сняли форму, все разом похорошели, помолодели. И уже не верится, что это те самые девушки-воины, девушки-солдаты, которые вчера еще шагали нелегкими дорогами войны, своим ратным трудом приближая час Победы. А черноглазая худенькая Раечка в своем пестром платьице выглядит совсем школьницей.

— Буду рекомендовать тебя на комсомольскую работу в армию, — сказала ей комсорг полка Саша Хорошилова. — Как сама-то на это смотришь?

— Не сердись, Саша, но я хочу демобилизоваться. Война кончилась, буду учиться. По сути своей я ведь совсем не военный человек. Да и маме нужна помощь — отец в сорок первом ушел в ополчение и погиб, старший брат в сорок третьем вернулся с фронта инвалидом первой группы. Сама мама очень слаба…

В числе первых Орлова демобилизовалась. Вернулась в Москву, стала работать в школе и одновременно учиться в педагогическом институте. И после его окончания в 1951 году продолжала работать учителем географии в своей родной школе, той самой, где когда-то училась сама.

Всю жизнь учитель, человек самой мирной профессии, Рая действительно меньше чем кто-либо была военным человеком: маленькая, хрупкая, очень нежная и деликатная. Но это не мешало ей быть добросовестным воином. О своем ратном труде она вспоминает с присущей ей скромностью — буднично, просто. «Я мало написала о своей работе. Это работа обычного механика. Каждую ночь на старте. Подготовка к полету, проверка, исправления. Агрегаты размещались начиная от кабины

штурмана и по всему гаргроту, в приборной доске, под сиденьем. По этой специальности я была одна, и специальность для меня новая, но работала я нормально. Отказов не было. За что и удостоена медали „За боевые заслуги“. Всегда была в передовых командах и на подскоках».

Вспоминается такой случай. Под руководством начальника штаба полка Ирины Ракобольской группа наземных специалистов выехала на полуторке в Шарлотенвердер, чтобы подготовить площадку и встретить самолеты. Эта была первая наша точка в Восточной Пруссии.

Добирались довольно долго. Приехали — населения в Шарлотенвердере не оказалось. Ракобольская сказала:

— Летный состав поселим в имении, а техники могут устраиваться в домах.

Но девушкам не хотелось разделяться в эту первую ночь — было тревожно и неуютно. Наземная команда была невелика, где-то рядом прятались местные жители, чувствовалось, что они совсем недавно покинули свои дома. Решили ночевать все вместе в имении. Спали плохо. Утром пошли посмотреть, как живут немцы.

Стали осматривать дома. Зашли в один — и вдруг слышат резкий, громкий и непривычный крик. Испугались от неожиданности. А потом увидели: на двери сарайчика сидит какая-то большая незнакомая птица. Расхохотались над своим испугом, но тут из подпола появилась фигура в одежде немецкого офицера. Это была Катя Бройко, решившая напугать товарищей. Крепко досталось ей от перенервничавших подруг.

Прошли еще несколько домов и встретили заместителя командира полка по летной части Серафиму Амосову и штурмана полка Ларису Розанову.

— Товарищи, не расходиться! Всем собраться в одном месте! — приказала Амосова.

В первый момент, увидев Амосову и Розанову в Шарлотенвердере, Рая удивилась. «Как они здесь очутились, ведь их не было в передовой наземной команде?» Оказалось, что гитлеровцы вырвались из котла и крупным отрядом двигаются в направлении к Шарлотенвердеру. В труднейших метеоусловиях Амосова с Розановой прилетели к наземникам, чтобы предупредить их об опасности.

— Всем быстро к машине! — скомандовала начштаба Ирина Ракобольская. Надо решать: поедем к передовой или в полк? В полк опаснее. Точное направление движения гитлеровцев неизвестно.

— Все равно, лучше в полк, — дружно ответили девушки.

— Бедная наша полуторка, — забираясь в машину, говорила Рая Ане Лаптевой и Вере Бондаренко. — Она сюда-то еле доползла, а теперь надо столько же обратно проехать…

В это время Ракобольская, стоя на подножке кабины, обратилась к девушкам в кузове:

— Девочки, фашистов увидите, стучите по кабине! И мелкими группами в разные стороны…

Кузов многострадальной полуторки каким-то чудом держался под углом сорок пять градусов. Девушки стояли, ухватившись друг за друга. Навстречу машине тянулись обозы, направлявшиеся к передовой.

— Девчонки, куда? К фрицам в лапы едете! — кричали обозники.

Еще томительные полчаса дороги, и наконец девочки увидели впереди советские истребители.

— Ура! Вот и наши. Бежим через поле, все равно быстрей доберемся, чем на нашей колымаге в объезд…

Спрыгнули с полуторки, измученной не меньше своих пассажиров, и торопливо зашагали по снежной целине. В полк добрались вымокшие по пояс, усталые, переволновавшиеся, но счастливые уже одним тем, что дома, со своими. Женя Сапронова, увидев мокрую, озябшую Раю, бросилась оттирать ее, переодевать в сухое.

А через сутки передовая команда снова уехала готовить площадку — теперь в местечке Хайнрих-Хау. Аэродром должен был располагаться на озере, недалеко от старинного замка. В нем и разместились наши наземники.

Перемерзнув по дороге из Шарлотенвердера, девушки на этот раз решили надеть валенки. Но днем выглянуло солнце, началась бурная оттепель. Планы на войне часто приходится менять. Случилось так, что полк перелетел вперед, в Шарлотенвердер, а передовая группа осталась позади. Позже Рая рассказывала:

— Стали готовить площадку, вдруг видим — По-два летит. Девчата говорят: «Марина Чечнева полетела, крылышками помахала — значит, не прилетят наши» (такой у нас сигнал был). В замке нас всего ничего, вокруг немецкое население, и оружия у нас почти нет, только у часового. Выйти из замка и то не можем — кругом вода, а на нас валенки. Часовых меняли через час. В общем состояние неприятное, но бодрости не теряли.

Через день за наземной группой пришла машина. Доехали, высадились у штаба. Как ни старалась Рая ступать аккуратно, все же провалилась в воду, которая была под снегом. Вытащила ноги, а потом и валенки и вприпрыжку побежала в дом. И снова подруги с веселыми шутками приводили ее в порядок.

«Я все вспоминаю нашу дружную полковую семью, — пишет Рая в одном из писем. — Сколько тепла, заботы видела от наших девочек. Помню, кажется в Далеке, зимой были сильные морозы. Я стояла на посту у самолетов. Очень холодно и стоять еще долго. Смотрю и глазам не верю — смена идет. Но ведь рано еще! И вдруг слышу голос Верочки Бондаренко: „Так холодно, ты, наверно, замерзла, я и решила сменить тебя пораньше“.

Если кто-то отдыхал после наряда, то всегда старались не шуметь. Дружно жили, заботились один о другом, помогали… Трудно найти слова, чтобы передать ту искренность и высокую человечность, что была в наших отношениях…

А как переживали друг за друга, как волновались за улетевших. В Сомянке как-то не вернулась вовремя Клава Рыжкова. Оказывается, у них кончилось горючее, и Клава произвела вынужденную посадку. Штурманом у нее была Оля Яковлева. Она осталась у самолета, а Клава пошла на разведку. Встретила капитана, который руководил наведением переправы через реку Нарев. Он спросил Рыжкову, кто она и как здесь оказалась. Когда Клава сказала, что она посадила здесь самолет, он никак поверить не мог. „Как же вы могли, сесть, тут все изрыто?“ И правда, ночью Клава посадила самолет, а днем взлететь не смогла, пришлось выруливать на шоссе. А мы на старте переживали, ждали до утра и все надеялись — утром узнали, что Рыжкова с Яковлевой произвели вынужденную посадку…»

Фронтовая дружба не остыла за десятилетия. Будни мирной жизни несут свои бесконечные заботы и дела. У нашей Раечки — Рахимы Рахимовны Орловой семья — сын и дочь, любимая работа. Времени, как и всем, часто не хватает. А сердечная связь с фронтовыми друзьями не слабеет.

«Времени мало, и я редко пишу письма. Как-то была в Минске. Там живут Женя Сапронова и Валя Румянцева. Проговорили две ночи напролет. Сразу после войны часто виделась с Олей Фетисовой, мы на одной улице жили. Виделись каждый день до последних минут ее жизни. Она была для меня и наставником, и товарищем, и старшей подругой. В моей жизни оставила большой след. Это был кристально чистый человек. Она меня и в партию рекомендовала. На нашей же улице жила раньше и Верочка Бондаренко, так мы на все встречи ходили втроем. Всех наших помню и люблю…»

К нам в полк Рая Орлова пришла осенью 1944 года. До этого она окончила военное авиационное училище разведчиков, отделение грамметристов-дешифровщиков, откуда попала в 47-й гвардейский дальний разведывательный авиаполк.

С этим полком сержант технической службы Орлова прошла немалый путь: Монино — Выползово Калининской области — Макарово — Псков — Гатчина Смоленск — Минск — Крынки Западной Белоруссии. Из Крынок Рая получила направление в авиаполк, летавший на Пе-2, а ее подруги Женя Сапронова, Валя Князева и Женя Журавлева — в наш полк. Рая очень огорчилась, когда пришлось расставаться с друзьями и обратилась в штаб 4-й воздушной армии к генералу Ф. Ф. Верову с просьбой направить ее в женский авиаполк.

— Так ведь в сорок шестом гвардейском полку не нужна ваша специальность!

— Товарищ генерал, я на любую работу согласна, — тихо, но решительно произнесла Рая.

— И штурманом не испугаетесь? — спросил Веров, внимательно глядя на стоявшую перед ним и тянувшуюся изо всех сил вверх девчонку.

— Не испугаюсь, — вспыхнула Орлова…

Военные дороги, тревожные, беспокойные, нередко опасные. Осенняя распутица. Не так-то просто оказалось добраться до места назначения. По военным дорогам не ходили рейсовые автобусы или поезда по расписанию. Рая знала, что полк в эти дни базировался в Далеке, з 16 километрах юго-западнее города Острув-Мазовецки. Регулировщица на перекрестке шоссе посадила Орлову в санитарный автобус, ехавший к линии фронта. Через некоторое время Рая сошла — дальше ее дорога лежала в другую сторону.

Наступали ранние осенние сумерки. Нечастые машины проносились мимо на скорости, не обращая внимания на маленькую съежившуюся фигурку в поношенной шинельке на обочине дороги. Рая, очень застенчивая и робкая, совсем озябнув в ноябрьской промозглой сырости, никак не решалась сделать шаг вперед и проголосовать…

Стемнело. Где-то на хуторе залаяли собаки. Машины пролетали все реже и все стремительней. Девушка почувствовала себя совсем одинокой. Но свет не без добрых людей. Около перекрестка, взвизгнув тормозами, неожиданно остановилась полуторка.

— Девушка, тебе куда?

— В женский авиаполк, — и не успела договорить, как оказалась в кузове вместе со своим чемоданчиком.

— Давай смелей, соседка! Устраивайся поближе к кабине. Подвиньтесь-ка, ребята, устройте девчонку, промерзла, небось, — звучали доброжелательные, полные сочувствия голоса.

Оказалось, в машине ехали техники-авиаторы из соседнего с

женским полка. Рая слушала их разговоры и невольно замечала, с каким уважением говорили они о женщинах-летчицах.

— От нас до вашего хозяйства всего километра два. Доедем, освободимся и проводим тебя до места, — пообещал один из попутчиков.

Но когда машина остановилась, Рая, поблагодарив, не стала дожидаться провожатых и, подхватив свой чемоданчик, бодро зашагала в указанном направлении. По дороге ей помогли встретившиеся артиллерист и два зенитчика. И от них Орлова снова услышала добрые слова о девушках-авиаторах.

Первые дни по прибытии в полк были очень трудными для Орловой. Ей нужно было освоить совершенно новую технику. Стояли холодные ветреные дни, руки мерзли и переставали слушаться.

— Какие душевные наши девочки, — думала не раз Рая. — Ведь то и дело ошибаюсь, а никто не сердится, помогают, объясняют терпеливо.

До этого Рая По-2 близко не видела, привыкла к громадинам «пешкам», не понимала, что «ласточка» — машина хрупкая. Как-то Галя Пилипенко послала Орлову что-то поправить, а она прошла прямо по плоскости и порвала перкаль.

— До сих пор удивляюсь доброму терпению наших девчат, — вспоминает Рахима Рахимовна, — они и виду не показали, а рассказали мне об этом уже гораздо позже. «Ну, Райка, маленькая-маленькая, а как медведь все передавила», — весело сказала Маша Кропина.

Через несколько дней Орлову вызвала командир пол;са подполковник Бершанская.

— Товарищ сержант, с аэрофотоаппаратами работать приходилось? спросила она.

— Видеть видела, а самой обслуживать не пришлось.

— Теперь придется освоить это дело вплотную. Есть приказ установить на два самолета НАФА-19 (ночные аэрофотоаппараты) для фиксации результатов бомбометания. Срок — два дня.

«Не знаю, что бы я делала, — пишет мне Рая, — если бы не Клавдия Илюшина. Инженер — это инженер. Хотя она с этими аппаратами тоже не сталкивалась, но сделала все расчеты. С ее помощью задание мы выполнили в срок».

Установили НАФА-19 на двух самолетах — заместителя командира полка Симы Амосовой, летавшей со штурманом полка Ларисой Розановой, и Кати Олейник с Олей Голубевой.

Аппараты эти были довольно капризные. Они состояли из нескольких агрегатов, размещавшихся в различных местах самолета. «Командный прибор» из шести лампочек разного цвета

помещался в кабине штурмана. Загораясь в определенной очередности, лампочки сигнализировали об исправности агрегатов.

Мороки с аппаратами было немало, но отказов в работе ни разу не случалось. Каждую ночь наши самолеты летали на фотографирование, и каждую ночь Рая проводила на старте. Фотопленку с результатами бомбежек отправляли в дивизию, где ее дешифровали.

— Я поражалась самоотверженности, смелости экипажей, летавших на фотографирование, — вспоминает Рахима Рахимовна. — Какая выдержка им требовалась, сколько сил, умения! Вернутся из полета, спрашиваем штурманов: «Очень трудно было?» «Нормально», — отвечают. А я еще по работе в разведполку знала, как это опасно и сложно. Помню, опоздали из боевого вылета Сима Амосова и Лора Розанова. Все, кто позже вылетели, уже вернулись, а их все нет и нет. Хожу, места себе найти не могу. Села зачем-то в машину, что бомбы развозит, и слезы градом. Вдруг бегут девчонки, кричат: «Прилетели!» Оказалось, Симину «ласточку» «мессер» обстрелял, им пришлось делать несколько заходов и уходить на предельно малой высоте… Подбежала я к машине, Лариса обняла меня, закружила, а я и плачу, и смеюсь от радости… И сколько таких полетов они выполнили!

Меня в нашей Раечке всегда поражало удивительное сочетание душевности, нежной деликатности с очень веселым, полным юмора отношением к жизненным невзгодам, неурядицам.

Нужно было слышать, как Рая рассказывала, например, о своей учебе в военном авиационном училище разведчиков, в Башкирии. Орлова училась на отделении грамметристов-дешифровщиков. Трехгодичную программу в училище заканчивали за шесть месяцев, занимались исключительно напряженно. Кроме учебы приходилось работать и на поле, в колхозных огородах, проделывать марши по 15–17 километров по плохим дорогам. Ребята косили, а девушки вязали снопы. Рая тоже научилась вязать снопы, только они у нее получались совсем маленькие — сама-то она была тоненькая, как тростиночка, и ростом чуть повыше снопа. После обеда полагался час отдыха.

— И представляете, девочки, — рассказывала Рая, — заберемся мы в стог, уснем, и до чего же через час вставать не хочется, ну, просто сил никаких нет. Так наш командир батальона, внешне очень похожий на Суворова, на белом коне носится по полю, от стога к стогу, и призывает: «Мамаши, вставайте! Мамаши!»

Это «Мамаши, вставайте!» стало у нас потом, с легкой Раиной

руки, крылатым выражением…

22 июня 1941 года. Более сорока лет прошло с этого дня. Война отодвинулась во времени, ушла в прошлое. Но и сегодня, спустя десятилетия, мы не можем говорить о ней бесстрастно, со спокойной объективностью ученого-историка. Нет, не можем! Вновь и вновь памятью сердца возвращаемся мы к этим огненным дням, вновь и вновь вспоминаем тех, кто на своих плечах вынес Родину из огня. И не было на войне маленьких людей — каждый выполнял самое главное, самое святое дело: защищал Отечество. Только одному выпала звонкая доля, а другому тихая, не очень заметная, но не более легкая оттого.

Просто рассказывать о ратном пути летчиков, десантников, разведчиков. В военной биографии каждого из них нередки дни — взлеты, яркие события, в которых зримо отразились силы души, мужество и самоотверженность защитников Родины. Но сколько было на фронте незаметных, скромных тружеников, без чьего великого труда и бесконечного терпеливого мужества не было бы наших маленьких и больших побед.

Техники, механики, вооруженцы, прибористы… Милые наши девчонки, самые надежные, самые бескорыстные друзья! В замасленных спецовочках, с обветренными лицами, простуженными голосами, с обмороженными руками, сколько же работы — тяжелой, утомительной и не имеющей конца — переделали вы. Ничто не могло остановить эту работу — ни морозы с ветрами, ни дожди, ни туманная слякоть, ни тьма кромешная. Без громких фраз, без слова жалобы, озябшие, бывало, голодные и всегда невыспавшиеся, готовили вы машины к вылетам, а потом с волнением вглядывались и вслушивались в ночное небо, ожидая нашего возвращения. Среди ваших наград немало орденов, чуть побольше медалей, но великая благодарность за ваш каждодневный подвиг всегда живет в сердцах боевых друзей.

Фронтовая закалка

С фронтовой фотографии глядит на меня милое девичье лицо. Нежный рот в улыбке. С той же затаенной улыбкой смотрят и глаза-вишни. Высокий лоб, по-казачьи вольный разлет широких темных бровей. Весь облик чернобровой казачки говорит о незаурядном характере человека волевого, решительного, целеустремленного. Да, фотоснимок на редкость удачен — именно такой все мы, однополчане, знаем Шуру Попову, авиамеханика, штурмана, геолога…

Дон и Волга — две исконно русские реки, с ними связаны детство и юность Шуры. Родилась она в городе Серафимовиче, бывшей станице Усть-Медведицкая. Росла, как росли все девчонки и мальчишки в станице, ничем особенно не выделяясь. Сильная, ловкая и азартная, любила спортивные игры, всяческие соревнования.

— А самой большой моей привязанностью, — вспоминает Шура, — было плавание. Плавать выучилась рано, благо река под боком, и в воде чувствовала себя легко, свободно и радостно. Когда в 1935 году мы переехали в Саратов, меня покорила Волга. Жемчужная краса ее вольного разлива вызывала в душе светлое волнение. А какие над Волгой закаты, восходы, какой удивительно нежной чистоты облака… И себя испытать, свои силы манили волжские просторы. Не раз и переплывала Волгу, за что дома крепко доставалось!

Я не знала Шуру в ранней юности, но хорошо представляю себе, какой она была в те годы, как увлеченно и жадно жила. В ней всегда чувствовался веселый, жаркий азарт к жизни.

В школе она активно участвовала в общественной работе, была членом комитета комсомола, успевала заниматься в авиамодельном кружке (ее рано стала привлекать авиация) и выступать на многочисленных спортивных соревнованиях: лыжи, легкая атлетика и, конечно, плавание. В 1940 году с отличием окончила среднюю школу, одновременно занимаясь в аэроклубе. Поступила на геолого-почвенный факультет Саратовского государственного университета. Училась отлично, а в свободное время продолжала летать в аэроклубе.

Мне иной раз кажется, что в те годы большинство из нас словно спешили жить — учиться, умнеть, постигать искусство, радоваться красоте… Будто мы знали, какие тяжкие испытания выпадут на долю нашего поколения, и набирались радости и счастья впрок, чтобы потом, в трудные дни и месяцы войны, они переплавились в наш запас прочности — в стойкость и

оптимизм…

В своем дневнике Шура писала в те счастливые весенние дни: «Не знаю почему, но я для себя заново открываю все. Как будто не было до этого ни книг, ни музыки, ни многого другого. Влюбилась заново в Чайковского. „Онегин“ неповторим… Завтра соревнование по волейболу. Ну и зададим жару соседям!»

И в то ясное солнечное утро — 22 июня — Шура тоже собиралась «задать жару» команде соперников. Окончание учебного года студенты университета решили отметить большим спортивным праздником. В предвкушении его Шура, напевая, гладила платье, когда по радио передали:

— Сегодня в четыре часа по московскому времени без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас…

Утюг выпал из рук. Потрясенная страшным известием, Шура разбудила близких:

— Мама, папа! Вставайте — война!

Война, все изменившая, все перечеркнувшая, разделила жизнь на две части: светлую, полную надежд довоенную и сегодняшнюю — с одной целью, с одной мечтой — победить. Вместо каникул студенты убирали урожай, рыли окопы. Шура работала вместе со всеми, но ее не оставляла мысль о фронте. Как и многим ее товарищам, девушке казалось, она убеждена была, что ее место — на фронте, на переднем крае борьбы с врагом.

Сначала она идет работать на военный завод. Узнав о наборе в школу связистов, подает заявление туда. По окончании специальных курсов Шура вернулась в Саратов, где должна была получить направление для дальнейшей службы. Услышав о формировании женской авиационной части, побежала в райком комсомола с заявлением-просьбой о зачислении в эту часть. Первые ее слова к комиссии были:

— Примите меня! Хочу на фронт, чтобы вместе со всеми громить врага.

— А что вы умеете делать?

— Окончила аэроклуб.

— Хорошо, — сказала майор Раскова. — Значит, решили воевать?

— Да.

— Ну что ж, собирайтесь. Завтра будет машина.

В часть, формируемую по инициативе М. Расковой, пришли

Оля Клюева, Ира Дрягина, Алла Казанцева, Ася Пинчук, Рая Аронова и другие девушки студентки саратовских вузов и техникумов, в прошлом окончившие аэроклубы или авиационные технические училища. У Шуры был совсем небольшой налет, и поэтому она попала в группу авиамехаников.

Первые месяцы на фронте Шура была техником самолета. О том, что это были за дни, как нелегко было нашим девушкам, рассказывают странички ее фронтового дневника.

«1 июня 1942 гида майор М. М. Раскова улетела после того, как полк был принят в состав боевой дивизии Д. Д. Попова… Перед отлетом из полка Марина Раскова выстроила нас и сказала напутственную речь:

— Девушки, теперь на ваших треугольниках появится полевая почта. Гордитесь, что вам оказана большая честь — защищать Родину в трудные дни. Берегите свою честь…

Идет подготовка к боевой работе. Началось все с проверки техники пилотирования летного состава, мастерства техников, вооруженцев, прибористов…

12 июня 1942 года. В первые бои летят командиры эскадрилий. Подготовка машин к первым полетам была особенно тщательной. Инженер полка Софья Озеркова приказала с утра всем техникам со всей скрупулезностью осмотреть моторы, самолеты, проверить все до мелочей.

С волнением готовили мы самолеты к первым боевым вылетам. Тихо, спокойно, без спешки девушки лазили под самолетами, как муравьи, проверяя каждый винтик и гайку. Техники звеньев и эскадрилий Маша Щелканова, Вера Дмитриенко, Дуся Коротченко, Римма Прудникова, Зина Родина, Тоня Вахрамеева сами ремонтировали моторы и помогали техникам, когда требовалось. Техники самолетов Зина Петрова, Саша Попова, Катя Титова не отходили от своих „ласточек“, запуская не раз моторы, проверяя их готовность к боям.

В 16 часов Софья Озеркова лично проверяла готовность самолетов к боевым вылетам, инженеры Клавдия Илюшина и Надежда Стрелкова проверяли оборудование машин, исправность вооружения.

Ночью мы были на аэродроме вместе со своими экипажами, после каждого полета спрашивали, как работала матчасть, заправляли машины горючим и быстро все вместе устраняли повреждения. Работа кипела.

В эту ночь от летчиц жалоб не было. Но все мы очень волновались — не вернулись два экипажа: Никулина — Жигуленко, Ольховская — Тарасова.

После полетов командир полка осталась ждать экипажи,

которые не вернулись с боевого задания. Было так тревожно за девочек. С рассветом стало известно, что Дина Никулина и Женя Жигуленко сели на вынужденную посадку, а второй экипаж так и не вернулся. Так хотелось надеяться… Через несколько дней пришло подтверждение, что Люба Ольховская и Вера Тарасова сбиты над целью. Первые полеты и первые наши потери. Тяжело и больно. Девушки поклялись мстить за своих боевых подруг.

21 июня 1942 года. В полк пришли первые весточки из тыла от родных и близких. Такая радость! Письма пришли… Из Москвы и Иркутска, Саратова и Ташкента, со всех концов страны — от друзей, родных и подруг. Это незабываемые минуты, когда смолкает говор, откладывается в сторону непришитая пуговица и — читаются письма. Вскрываем бумажные треугольники, жадно пробегаем родные, теплые строки писем. И не одно письмо шло по кругу, по фронтовому обычаю читали вслух, вместе…

Вечером перелетели в Радионово-Несветаево. Площадка для посадки самолетов была выбрана прямо в селе. Сразу занялись стоянками для машин, стали рубить лес, готовить маскировку. Вначале жители села стояли в стороне, как наблюдатели, а потом стали нам помогать… Провозились до ночи. Заснули под плоскостями. На следующий день перелетели в Константиновку.

Противник быстро продвигается вперед, и нам не приходится долго задерживаться на одном месте. Самое большое неделя, а то и через день перелет. Это изнуряет и выматывает. Днем перелетели, замаскировали самолеты, заправили — начинаются ночные боевые полеты. Только экипажи вернулись с последнего задания — летим на новое место.

23 июня 1942 года. Мне посчастливилось. Лечу с Верой Тихомировой с донесением в дивизию. Ввиду плохой погоды пришлось заночевать в дивизии.

24 июня 1942 года. На одном месте долго не задерживаемся. Нет возможности как следует осмотреть самолеты.

26 июня 1942 года. Сразу после ночных боевых полетов перелетели в Шахты. Без передышки летим на подскок, на аэродром ст. Морозовская, откуда летаем вместе с „братцами“. Фриц летает безбожно нагло…

Круглые сутки фашисты бомбят Ростов-на-Дону, Батайск. Над городом зарево пожара. В воздухе не смолкает гул вражеских самолетов. Над нашим аэродромом все время шныряют немецкие разведчики. Наши „ласточки“ замаскированы чудесно, поэтому фриц нас пока не обнаружил. Мы здесь жили в землянках, а в них масса змей, решили отдыхать прямо под открытым небом, под стогами сена. Лица у всех ужасно воспалены, смотреть страшно — здесь тьма-тьмущая комаров…

13 июля 1942 года. Рано утром тронулись из г. Шахты. Подъем был в 6 часов, а легли в 4 часа утра, так что усталость боевой ночи не прошла. После того как технический состав погрузился на машины и тронулся во главе с майором Е. Я. Рачкевич, взлетели и самолеты. Едем на восток, куда точно пока не знаем. Следы войны, бомбежек видны повсюду. Проехали Новочеркасск. Кругом руины, развалины, все покрыто гарью и пеплом, кое-где уцелели печи. Жителей сел почти не видно. Дороги забиты нашими отходящими войсками. Как больно покидать родные края…

К вечеру добрались до места. Усталые, двое суток без отдыха, расположились отдыхать под плоскостями самолетов или в траве. Трава высокая-высокая. Самолеты зарулили прямо в сады, здесь их легче замаскировать. Следом ехал бензозаправщик, чтобы залить горючее во все машины. Командир полка Е. Бершанская собрала технический состав в бараке, поставила новые задачи перед техниками, прибористами, вооружениями. Ночь была очень тревожная. Гремели раскаты орудий, свистели где-то рядом пули, рвались бомбы. Фриц бомбил Батайск.

15 июля 1942 года. Заняты ст. Морозовская и Марьевка. Фриц днем и ночью бомбит Батайск. Сегодня ночью над Батайском сброшено 9000 кг бомб. Находимся все время наготове. Писем не получаем».

Перелистываю пожелтевшие странички дневника, вчитываюсь в скупые строчки записей. В них столько горечи, боли за родную землю и так мало, почти ничего о собственных трудностях. А было нелегко, ох и трудно было нашим девочкам в те дни. Каждую ночь мы летали бомбить наступающего противника. И чем больше мы летали, тем сложнее становилась работа наземного состава, тем большие нагрузки ложились на девичьи плечи наших техников, механиков, прибористов, вооруженцев. Первое время, пока самолеты были еще относительно новы, было полегче. А потом, когда к ранам машин, получаемым от врага, прибавились неполадки, связанные с износом, стало намного труднее. Но как бы ни было тяжело, иной раз казалось — невыносимо тяжело, а каждую ночь самолеты в полной боевой готовности поднимались в небо и летели к цели.

Александра Попова обслуживала самолет командира звена Зои Парфеновой. Ей, ее умелым заботливым рукам, ее внимательным глазам, не сомневаясь, Зоя доверяла свою жизнь и жизнь штурмана Дуси Пасько. Шура была одним из лучших механиков в полку — уже в сентябре 1942 года в числе первых она награждена медалью «За отвагу». А еще через некоторое время техник Александра Попова за отличное обслуживание

самолетов и обеспечение боевых полетов была удостоена высокой награды Родины — ордена Красной Звезды.

В музее Вооруженных Сил СССР хранится фотография, опубликованная в журнале «Смена» в 1943 году. На ней — Шура Попова, Зина Родина и Дуся Коротченко. В подписи под снимком говорилось: «Это люди умелых рук и зорких глаз. Ни один самолет не поднимается в воздух, пока его не осмотрят техник эскадрильи Дуся Коротченко, техник звена Зина Родина и техник Шура Попова».

Шура обслужила более 900 боевых вылетов, за асе это время у нее не было ни одного случая поломки по ее неосмотрительности. Каждую ночь с волнением ждет, бывало, возвращения своего экипажа на аэродроме. Прилетят девушки, спросит Зою:

— Ну, как «ласточка»?

— В порядке. Спасибо, Сашенька! Досталось нам сегодня, а «ласточка» молодцом была, выручала, разумница…

Шура ухаживала за машиной, как за ребенком, но мысли о полетах не оставляли ее. И Зоя Парфенова, как ни жаль было расставаться с отличным техником, первой поддержала просьбу Шуры об учебе на штурмана перед заместителем командира полка по летной части Серафимой Амосовой. Без отрыва от боевой работы Шура освоила штурманское дело.

Летать она начала на Тамани. Тренировали Попову такие опытные летчицы, как Мария Смирнова, Нина Распопова, Нина Худякова, позже Шура стала летать с Женей Жигуленко. Шура училась у старших подруг, образцом для нее были штурман полка Женя Руднева, штурманы эскадрилий Катя Рябова, Таня Сумарокова, Руфа Гашева. С каждым боевым вылетом росло мастерство молодого штурмана. Ей не страшны были ни огонь вражеских зениток, ни цепкие лучи прожекторов, ни капризы погоды.

365 вылетов выполнила Александра Попова. 365 раз поднималась в грозное ночное небо, рисковала жизнью, чтобы в темноте, скупо освещаемой звездами, вместе с летчицей привести машину точно к цели и сбросить огненный груз на врага. К боевым наградам Шуры прибавился орден Отечественной войны.

365 вылетов — они похожи один на другой, как братья, и они все разные. Есть среди них и такие, что чаще других снятся тревожными ночами, — и тогда снова глаза слепят злые лучи вражеских прожекторов, снова гулко стучит сердце…

Шли тяжелые бои за Керчь. В одну из ночей экипажи полка вылетели бомбить аэродром противника недалеко от города. Шура летела с Женей Жигуленко.

Полет осложняла разыгравшаяся непогода. Ветер безжалостно швырял легкокрылую «ласточку» из стороны в сторону. С севера наползали тяжелые плотные тучи. Шура тщательно прокладывала курс к цели. Несмотря на сложную метеообстановку и ожидание встречи с врагом — а оно всякий раз казалось страшнее самой опасности — настроение было спокойное и даже слегка приподнятое. Грели письма от родных, полученные в этот день.

Самолет точно вышел к заданному аэродрому. На земле тишина. В полной темноте молчат зенитки, почему-то не включаются прожекторы. Выжидают фашисты, не хотят ничем себя выдать.

— Шура, видишь огоньки? Слева впереди мигают? — спросила Женя.

— Вижу, Женечка. Вышли точно.

— Заходим. Держись!

С приглушенным мотором экипаж подлетел к цели. Точно сброшены бомбы, вспыхнуло пламя, небо озарилось отблесками пожара. В этот миг включились прожекторы, открыли огонь зенитки и пулеметы. Опытная летчица Жигуленко, маневрируя, со снижением уходила от цели. Несколько минут, как всегда показавшихся нескончаемо долгими, машина находилась под обстрелом…

На земле Женя обняла своего штурмана:

— Саша, желаю боевого счастья.

Девушки пошли к командиру полка доложить о выполнении задания. Из доклада экипажей, прилетевших раньше, Бершанская уже знала, в какой переплет попал самолет Жигуленко — Поповой.

…Чудесное время — весна, время любви и цветов, время, когда просыпается природа, в человеке с новой силой вспыхивают мечты и желания. В эти дни кажется, что все беды и горести позади, что по плечу любые свершения, а любовь, о которой мечтаешь, которую с таким нетерпением ждешь в юности, где-то рядом… Крым расцветал, и его весенняя красота воспринималась особенно ярко, ведь это была не просто весна, а весна сорок четвертого. Советские войска одерживали одну победу за другой, и фашистам не было уже спасения ни на суше, ни на море.

Вечерами мы часто собирались у самолетов, читали стихи, мечтали.

Мы вышли из большого боя
И в полночь звездную вошли.
Сады шумели нам листвою.

И кланялися до земли.
Мы просто братски были рады,
Что вот в моей — твоя рука.
Что, многие пройдя преграды,
Ты жив и я живу пока.
И что густые кудри ветел
Опять нам дарят свой привет,
И что еще не раз на свете
Нам в бой идти за этот свет.

До конца пути было еще далеко — длинный военный год, впереди еще ждали нас испытания и потери боевых друзей, но сердцем мы уже слышали дыхание Победы.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина…

В эти весенние дни Шуре выпал один из самых трудных ее полетов.

Мы летали на Булганак. Экипаж Клавы Серебряковой — Шуры Поповой, взлетев и набрав высоту, взял курс на цель. Сначала полет проходил благополучно, но над целью девушек встретил шквальный огонь, ослепительный свет прожекторов. Выйти на бомбометание никак не удавалось. Маневрируя, Клава дважды заходила на цель, но вынуждена была снова уходить…

Наконец заход удался, штурман сбрасывает бомбы.

— Есть попадание! — возбужденно кричит она. — Вижу разрывы, пожар!

В это время машину поймали прожекторы. Свет их режет глаза.

— Клава, не смотри по сторонам, только на приборы! Вправо, теперь чуть влево доверни!

Цепкие лапы вражеских прожекторов не выпускают «ласточку» из своих ледяных объятий. Слева, справа, впереди и сзади рвутся снаряды, девушки слышат свист осколков…

Вечность — четыре минуты не могли уйти от прожекторов Клава и Шура. Вырвались. Но что-то случилось с мотором. Несколько раз он останавливался, но потом начинал работать снова. Над морем остановился окончательно.

Высота 600 метров. Клава перевела самолет на планирование, надеясь дотянуть до берега. А с берега красные ракеты —

предупреждение о невозможности посадки. Летчица и штурман приготовились к самому худшему…

Самолет резко снижался. Девушки высматривали на земле хотя бы крошечную площадку, чтобы приземлиться. Шура, стоя в кабине, стреляла белыми ракетами — но они освещали сплошные рвы, канавы и бугры. Сделать ничего невозможно! Машина коснулась земли — раздался дикий скрежет, треск, через несколько беспорядочных скачков самолет перевернулся вверх колесами и рассыпался, превратившись в груду обломков. Счастливый конец казался невероятным, но девушки выбрались из-под обломков почти невредимыми, отделались легкими ушибами…

Штурман Александра Попова летала на Керчь, Булганак, Севастополь, в Белоруссии, Польше и Германии. Над Севастополем была ранена, пролежала четыре месяца в госпитале и снова вернулась в полк.

После окончания войны Шура демобилизовалась и продолжала учебу, поступив на второй курс геофака Харьковского государственного университета. После защиты диплома была направлена в Ессентуки. Судьба геолога Александры Семеновны Поповой навсегда связана с Кавказом, с местами, хорошо знакомыми еще с дней войны. В одном из писем ко мне Александра Семеновна пишет: «Дружба наша фронтовая — самая чистая, нежная, ничем не запятнанная, ибо она скреплена кровью боевых подруг… Эта дружба помогала, помогает нам жить в труде и сегодня. Помнишь, как я оказалась в больнице. Зная, что у меня нет родных, все боевые подруги откликнулись. Евдокия Яковлевна Рачкевич, наша мамочка — комиссар, два месяца ухаживала за мной, как за родной дочерью. А как мне помогали Саша Акимова, Катя Рябова, когда я готовилась к сдаче экзаменов в аспирантуру… А сколько писем летело во все края с просьбой помочь… В канун 20-летия Победы Жене Гламаздиной был поставлен страшный диагноз — грозила ампутация ног. И если сегодня она жива, относительно здорова и продолжает работать, то здесь снова помогла дружба боевых подруг…»

Да, так было, Саша, ты права, так будет, пока мы живы. В дни войны казалось, что главное — дожить до Победы, что после нее будет все хорошо, будут только солнечные дни. Но это только казалось. Пришли послевоенные годы, и были нехватки, и болезни, и были снова потери близких. Но никакие грозы, непогоды не могли заслонить для нас свет Победы…

Как бы трудно не было, это была мирная жизнь. А трудно бывало очень. Во время учебы в Харькове от недоедания и переутомления Шура заболела воспалением легких, которое

перешло в туберкулез. Кроме учебы на ней лежал уход за больными родителями. В 1953 году умерла от инфаркта мама, через год за ней ушел отец. Шура была как тень. Потеря самых любимых, самых близких была страшным горем. Помогли друзья, товарищи по работе.

На Кавказе Александра Семеновна вела геологические работы в поисковых, разведывательных партиях. В 1960 году поступила в аспирантуру, успешно защитила кандидатскую диссертацию. Только с недавних пор Александра Семеновна не ходит в экспедиции, но по-прежнему в строю. Нелегка работа геолога — утомительные маршруты, и снег в палатках, и под дождями мокнешь, и холодные речки вброд переходишь, преодолеваешь крутые подъемы. По полгода в горах, далеко от дома.

— А я не люблю сидеть на месте, — говорит Александра Семеновна, — в горах чувствую себя свободнее, в городе мне и тесно, и непривычно… Люблю свою неженскую профессию, сколько радости, сколько красоты она подарила мне.

В книжном шкафу у Шуры среди коллекции минералов есть чудесные кристаллы горного хрусталя — давняя находка «хозяйки гор» Александры Поповой. Отшлифованные природой грани прозрачных кристаллов переливаются на свету и сверкают чистотой алмазного блеска.

Крутыми дорогами войны

Дорога к мечте не всегда бывает прямой. Иной раз она не один поворот сделает, прежде чем приведет к желанной цели. Важно, чтобы в душе человек хранил верность своей мечте и не жалел труда…

Еще учась в школе, Люся Клопкова мечтала об авиации, ну а если не выйдет — думала о работе на железной дороге. Ведь и отец ее, и старший брат, и дедушка — все были железнодорожники.

Но случилось непредвиденное. Перед самыми экзаменами за седьмой класс Люся серьезно повредила ногу. Пришлось ехать в Армавир. Там она поступила в плодоовощной техникум, чтобы стать бухгалтером. И потекли годы учебы, а мечта, затаившись на самом донышке сердца, продолжала жить.

Дружно жила студенческая семья. После стипендии вместе бегали в кино и в театр. Когда деньги, имевшие свойство таять удивительно быстро, подходили к концу, так же дружно переходили на хлеб и винегрет. Серый хлеб в такие дни казался особенно вкусным.

Первую практику Клопкова проходила в Климове — городке на границе Украины и Белоруссии. Ей понравились эти места, так не похожие на любимое родное Ставрополье. Люся поднималась раным-рано, лишь только краешек солнца выглянет над верхушками сосен. Подхватив полотенце, бегом к реке — а над ней туман, словно покрывало. В утреннем воздухе веет бодрым холодком. Тронешь ногой воду — она теплая, словно парное молоко. Невелика речка, но другой и не надо для выросшей вдали от воды девушки — плавала Люся неумело, но наслаждалась купаньем от души.

Вернешься после купанья — хозяйка уже подоила корову: на столе кружка парного молока и ломоть хлеба. Вкус этого лакомства помнится и поныне.

— Люсь! Опять ты меня не разбудила! — упрекает Клопкову Лена Авраменко, подружка по техникуму.

— Да ты так крепко спишь, что никак не добудиться. На втором курсе Люся попыталась вместе с группой однокурсниц поступить в летное училище, но девушкам отказали — в военное училище принимали только юношей.

— Как же обидно было, — вспоминала Люся на фронте. — Я ведь даже косы отрезала, почему-то была уверена, что косы будут мешать летать. Не помогла и короткая стрижка! Отказали решительно. Как-то через год уже гуляем с девочками по

Армавиру — вдруг навстречу девушка в летной форме аэрофлотовской. Синяя юбка, белоснежный китель, на воротничке нежно-голубые нашивочки, а на них винт и крылья. Так у меня сердце и покатилось — и зависть, и обида… Ведь сколько времени прошло, сама летаю давно, а как вспомню — так сердце и заноет…

Но вот уже окончен и последний, третий курс. Преддипломная практика, и молодым специалистам начинать самостоятельную трудовую жизнь. На практику в Белев ехали через Москву. И хотя времени было не так много, Люся с подругой успели побывать на Красной площади, в Мавзолее. С опаской вставали девчонки на ступеньки эскалатора московского метро, после его подземных дворцов даже храм Василия Блаженного не произвел впечатления. Жаль было расставаться с Москвой. Поезд на Белев уходил вечером. Столица провожала подруг морем огней. «Обязательно приеду снова», — мечтала Люся под стук колес.

Свой отпуск после окончания техникума Люся проводила дома, на маленьком разъезде. Отец болел, надо было помочь маме. Время летело быстро — не за горами начало работы. Но судьба распорядилась иначе.

В Армавире в райкоме комсомола Тиме Пастухову, товарищу Люсиной однокурсницы Любы Сапожниковой, сказали, что девчат, которых не приняли раньше в летное, сейчас сам райком направляет в Батайское училище Аэрофлота. Люба и Тима уже оформили документы. А как Люсе сообщить? Времени оставалось в обрез. Скорый поезд, на котором Пастухов ехал в отпуск, проходил разъезд, где жила Люся, ночью и без остановки. Выйдя в тамбур, Тима бросил письмо в сторону светящего фонаря дежурного по станции.

Утром после дежурства Павлик Маркаль забежал к Люсе и, сияя улыбкой, протянул конверт:

— Ну, Люся, танцуй! Таким видом почти еще никто у нас писем не получал!

Не знал Павлик, давно вздыхавший около Люси, что письмо несет ему разлуку с милой девушкой.

В письме Пастухов сообщил, что Клопковой нужно срочно приехать в Армавир, в райком комсомола с документами и фотографиями.

В те дни, когда Люся ждала уже вызова в училище, отец, болевший давно, почувствовал себя совсем плохо. Ему назначили пенсию по инвалидности.

— Папа, что же мне делать? Ведь у меня есть специальность, диплом в руках… Может, зря я все это затеяла?

— Нет, дочка, обязательно поступай. Ты столько лет мечтала об этом, так уж не отдавай своей жар-птицы…

Летная школа в Батайске — это целый городок: здание учебного корпуса, отдельные корпуса женской и мужских эскадрилий, множество подсобных помещений. Погожим августовским днем Люся шагала по авиагородку, любуясь новенькими корпусами, замирая от счастья.

— Дывысь, якась колхозница иде, пидем — подмогнем, — вдруг донеслось до нее из открытого окна третьего этажа, откуда выглядывали две девушки. Клопкова оглянулась и поняла, что реплика могла относиться только к ней. Видно, сиреневая косыночка на ее многострадальной стриженой голове «определила» Люсину профессию.

Тем временем девушки сбежали вниз и подошли к Люсе.

— З виткиля вы и де працуете?

— Из Армавира, студентка, — отвечала Люся.

Они быстро познакомились. Это была Паша Прасолова и Катя Олейник, с которыми впоследствии Люся встретилась в женском авиационном полку ночных бомбардировщиков…

Началась учеба. Особенно тяжело Люсе доставалась физическая подготовка, ведь в техникуме из-за больной ноги она не занималась физкультурой, а здесь только строевой подготовки первые месяцы бывало по нескольку часов в день. Устанешь до такой степени, что вечером уснуть не можешь — так моги болят…

Но не боги горшки обжигают — научились ходить и строевым, и обычным шагом, научились и форму носить. Девушки смотрелись теперь совсем по-другому, в ладно подогнанной форме, ловкие, подтянутые…

Шестьдесят девушек в женской эскадрилье — разные судьбы, разные характеры, привычки. Но всех их объединяет мечта о полетах… Скоро у Люси появилась подруга — Ева Гуревич. Ее кровать стояла рядом с Люсиной в общежитии. Не похожа Ева на Люсю — зачитывается зарубежной литературой, с удовольствием слушает симфоническую музыку (симфонический оркестр приезжал в авиашколу из Ростова почти каждый выходной). Люсе по душе русская литература, а серьезную музыку, как ни старается она, не может полюбить. До авиашколы Ева работала на киностудии.

— Ева, почему ты пошла в авиашколу? Ведь у тебя было такое интересное дело? — спросила как-то Клопкова свою новую подругу. Они часто тихонько шептались по вечерам, пока старшина Зоя не прикрикнет на недисциплинированных курсантов с другой стороны комнаты.

— Наверно, потому же, что и ты: хочу летать, — просто

ответила Ева.

В октябре Клопкова получила телеграмму из дома: лапе стало хуже. Приехав домой, Люся застала отца еще живым, но то были последние его дни. 13 октября отца не стало. Это была первая большая утрата в жизни Люси. Ушел дорогой, самый близкий человек, старший, надежный товарищ, отец, всегда понимавший свою дочку. В тяжелом настроении, угнетенная, вернулась Люся в Батайск. Постепенно курсантская жизнь, заполненная до предела, помогла ей.

Вечера Кпопковой часто приходилось проводить в спортзале, на дополнительных занятиях. Как-то Люся раскачивалась «лягушкой» на кольцах, от напряжения из вспотевших рук кольца вырвались — и девушка шумно шлепнулась на мат. К ней подскочил худощавый смуглолицый парень.

— Что же ты, руки надо тальком посыпать, — пожурил он ее, помогая подняться.

От сильного удара Люсю поташнивало, кружилась голова — заниматься в тот вечер больше не пришлось. Виктор вызвался проводить ее домой.

Вечер был тихий и на редкость теплый. Из окон семейного общежития слышалась игра на гитаре. Виктор и Люся тихонько ходили от окна к окну и негромко переговаривались. С этого дня пришла к Люсе первая любовь — чистая и светлая. Ее оборвала война, но память о первом чувстве осталась на годы.

Весной приступили к летной практике. Были среди курсантов такие, кого Пятый океан разочаровал, — не каждый одинаково переносит полет. Клопкова в воздухе чувствовала себя великолепно: любовалась бескрайними колхозными полями, синей лентой Дона, нежной голубизной неба с белопенными облаками. Счастье — необъятное, невыразимое — заполняло душу, когда сверху смотрела она на квадратики авиагородка, на аэродром, ставший таким своим, родным, на раскинувшийся на берегу Дона красавец Ростов.

С Ростовом у учлетов была связана вся жизнь: сюда они приезжали в выходные дни на стадион, на реку — сдать нормы по гребле и плаванию, просто покупаться и позагорать; сходить в театр, в городской парк. А как можно забыть майские и ноябрьские праздники?

1 Мая колонна авиашколы печатает шаг по брусчатой мостовой города. С тротуаров на курсантов смотрят-любуются по-праздничному принаряженные горожане. Да и как не любоваться ими — стройные, загорелые и все как один красивые, потому что счастливая молодость всегда прекрасна…

Там, где пехота не пройдет,
Где бронепоезд не промчится,
Тяжелый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица…

Пропеллер, звонче песню пой,
Неся распластанные крылья.
За вечный мир в последний бой
Летит стальная эскадрилья.

Пишу эти строки и слышу дружный молодой хор. Не было, наверно, в те годы среди моих сверстников ни одного, кто не знал бы этой песни, песни, написанной о наших соколах, сражавшихся в Испании.

«Как ярко живут в душе воспоминания о днях юности, — пишет в одном из писем ко мне Люся Клопкова. — Я не помню ни одного праздника в те счастливые годы без песен и ни одной песни без Машиного чистого, как серебряный колокольчик, голоса. Мы тогда были глубоко убеждены, что в нашей женской эскадрилье самый лучший запевала во всем училище… Маша стала хорошим летчиком. Она погибла во время войны, погибла, как многие из друзей нашей светлой юности, так жестоко обожженной пламенем войны…»

Прошли месяцы напряженной учебы. Сданы теоретические дисциплины. «Ну, решили девчонки, — теперь, наконец-то, мы полетим.» Но оказалось, что впереди еще наземная подготовка… С первым инструктором Люсе с подругами не повезло: всегда взвинченный, всегда будто чем-то недовольный. Вот уже и вывозная программа выполнена, а он все не выпускает ни одну в самостоятельный полет…

Только не зря сказано: если очень хотеть, все сбудется. Пришел и день первого самостоятельного вылета. Сколько об этом написано: такой день помнит каждый летчик. «В первый раз я испытываю это удивительное чувство полного единения с машиной, — вспоминает Люся. — Самолет легко слушается (наверное, раньше инструктор всегда придерживал управление?). Мне кажется, что моя машина — одушевленное существо, она чувствует и помогает мне, чтобы все получилось отлично. От счастья я просто глупею. По привычке бросаю взгляд на зеркало и вижу свою собственную улыбающуюся физиономию. Чур, не зазнаваться, — предупреждаю себя, — впереди самое сложное — посадка! Захожу строго по Т, планирую и касаюсь земли рядом со знаком. Посадка получилась мягкая. Тихо-тихо, слышу как

шелестит трава под колесами… Заруливаю, выключаю мотор, шагая к инструктору (у нас новый теперь инструктор — Оля Маршунок, сама недавняя курсантка), стараюсь усмирить распирающую меня радость, сделать строгое лицо, чтобы оно соответствовало моменту и серьезному лицу нашего молодого инструктора. Но ничего не могу с собой поделать — губы сами собой складываются в блаженную улыбку…»

В школе шла подготовка к парашютным прыжкам. Первый курс тренировался в Ростове, прыгая с парашютной вышки. Люсе не повезло — стропа проехала по щеке, получился ожог. Люсю это не смутило, она с нетерпением ждала настоящих прыжков, с самолета. Но ей временно запретили прыгать — врачи обнаружили какую-то болезнь в коленях.

— Ой, девочки, — смеялась Клопкова, — это, видно, от того, что я все время гаргрот на коленях чищу.

Но через год, когда снова проходили комиссию на допуску к парашютным прыжкам, Люсе опять не разрешили прыгнуть. В санитарной книжке при очередном осмотре врач сделал запись: «Направляется к хирургу на консультацию. Аппендицит?» К хирургу Люся не пошла, живот справа внизу побаливал, но боль была вполне терпимая, и девушка не придавала этому значения. Знала бы Люся, сколько мучений — и физических, и нравственных — принесет ей это, казавшееся тогда совсем легким, недомогание? Прыгнуть с парашютом Клопковой довелось впервые уже на фронте… Летом, отдыхая во время каникул у мамы в Бердянске, Люся узнала горькую новость: на дальневосточной границе погиб Павлик Маркаль, служивший в танковых войсках. Друг детства, веселый, безотказный, всегда готовый прийти на помощь мальчишка, незаметно превратившийся в высокого сильного парня, смущенно смолкавшего под строгим девичьим взглядом. «Павлик, Павлик! Переписка наша оборвалась по моей; вине вскоре после отъезда в летную школу, и я вдруг почувствовала не только боль — сколько вас там полегло, наших мальчиков? — но и какую-то свою вину перед, Павликом. Словно я виновата была перед ним в своем счастье, в своем чувстве к Виктору. Павлик! Если будет нужно, если Родине потребуется, мы сумеем быть такими, как ты. Не знали мы тогда, что недалек день и нашего испытания…»

После месячного отпуска Люся вернулась в школу. В Ростове ее встречали друзья и Виктор. И снова стремительной, счастливой чередой побежали дни учебы. Южная с оттепелями зима сменилась ранней весной. А к маю буйно зацвела сирень. После очередного выпуска девушек перевели на первый этаж. Ветки сирени — от белой и бледно-сиреневой до темно-фиолетовой —

ломились в окна, наполняли комнаты сладким душным ароматом. Весна!

Уютно в девичьем общежитии. Будущие летчицы в свободное время вдруг увлеклись вышивкой и вязанием. Салфетки на тумбочках одна красивей другой. На диванах и на столах в красном уголке — тоже словно выставка работ рукодельного кружка. А сами мастерицы даже на самой грязной работе выглядят аккуратно и привлекательно: синие комбинезоны не только часто стирали, а еще и отбеливали на солнце до нежной голубизны. О форме курсантской и говорить не приходится…

А в воздухе пахнет войной. Неожиданно заговорили о том, что в Батайской школе будут готовить летчиков-истребителей. Вместо летнего отпуска медицинская комиссия, которая принесла друзьям разлуку. Виктор и Борис остаются здесь, будут истребителями, нескольких ребят направляют в Балашов в бомбардировочную, девчат — в Тамбов, их будущее — гражданская авиация.

Недолгие сборы, прощание, разлука. Как жаль расставаться с родной школой, привычным укладом жизни, с. широким Доном, где с помощью и под неусыпным наблюдением Виктора Люся стала вполне прилично плавать, с ростовским парком, где столько выходных провели вместе… Как больно расставаться с друзьями, с любимым человеком…

Неторопливо постукивают колеса, ритмично вздрагивает вагон на стыках рельс. Запасливый помкомэска (дядька Гришай — зовут его между собой девчонки) позаботился, чтобы на пол вагона настелили побольше соломы, а вдобавок к сухому пайку, выданному на дорогу, раздобыл вдоволь арбузов.

— Девочки, давайте, как в сказке о Мальчике-с-пальчике, бросать арбузные корки на дорогу! — предложила вдруг одна из девчат, доедая арбузный ломоть.

— И наши ребята найдут нас по следу, — с надеждой подхватила другая.

— А ведь в сказке хлебные крошки, что бросал Мальчик-с-пальчик, птицы склевали.

— Вот и наши корки птицы склюют, — не приняв игры, с грустью заключила Люся.

И действительно, впоследствии война разбросала бывших друзей по разным фронтам, по дальним дорогам. Немногим довелось встретиться вновь, а кому-то лихая година принесла и вечную разлуку.

Тамбов встретил неласково. А может, и не Тамбов виноват был, просто скучали будущие летчицы по друзьям, по ставшему таким родным училищу. И однокурсники казались

недоброжелательными, и школа — неуютной. Но вот начались занятия, девушки втянулись в учебу, в напряженный рабочий ритм, некогда стало скучать. И с каждым днем новая школа делалась все привычней и ближе. Кроме теоретической подготовки, занимались и военной, сдавали нормативы ГТО второй ступени.

Промелькнул последний учебный год. Летние месяцы курсанты провели в палаточном лагере — шла напряженная летная подготовка. И вот в июле сданы последние экзамены. Все! С этого дня нет девчонки Люси, застенчивой и нерешительной, есть серьезный взрослый человек — летчик Клопкова.

Направление на работу Люся получила в Ростовское управление гражданской авиации. Поехали вместе с Марией — она мечтала работать в Ростове, а Люся в Краснодаре, поближе к родным местам.

Душным августовским днем девушки шагали по Ростову. По выгоревшему от жары небу плыли огромные облака.

— Прогуляемся по городу, на базар зайдем, а потом к моей тетке, она здесь живет, на «Ростсельмаше» работает, — говорила Мария.

Внезапно потемнело, раздался оглушительный гром и полил дождь. Не дождь, а ливень, просто потоп. Мутная вода шумными ручьями катилась по рыночной площади, увлекая за собой не только мусор, но и яблоки, и груши, просыпавшиеся с какого-нибудь лотка. Вмиг вымокшие девушки с веселым страхом прижимались к стене, закрывая руками карманы форменного кителя:

— Ой, только бы документы не намокли! Дождь кончился так же внезапно, как и начался.

— Ну, теперь не до прогулки, — оглядев себя и Марию и еле удерживаясь от смеха, произнесла Люся. — Мокрым курицам по городу гулять не рекомендуется. А в отделе кадров с нами и говорить не станут…

— Давай к тетке!

Наутро начищенные и наглаженные явились в отдел кадров за назначением.

— Поедете в Ставрополь, там для авиаработников дом строится, значит, квартира вскоре будет…

Оказалось, что до летной работы было не так близко, как мечталось в школе. Самолетов было мало, летчиков много, а доверия летчицам-женщинам не было совсем. И чуть не год Люся и Мария исполняли обязанности «штатных» дежурных по аэродрому, а в конце весны их направили в Ростов, в учебно-тренировочный отряд. Там и застала их война.

В Ставрополе в аэропорту — летчики на казарменном положении. Все ждут приказа — когда же на фронт?!

«В эти тяжкие дни, — вспоминает Люся, — мне обидно и глупо не повезло. Умудрилась заболеть скарлатиной. Детская болезнь! Летчиков наших уже направляют в распоряжение военно-воздушных сил, в учебные эскадрильи Аэрофлота, а я лежу с температурой под сорок в инфекционном отделении, в маленьком боксе с четырехлетней малышкой и даже говорить не могу… Да еще меня студентам демонстрируют, как чудо какое-то! Потом полегчало, но карантин! Ухаживаю за больными ребятишками, а сама локти от зависти кусаю наши уже переучиваются на боевую технику, у них уже все определено, а я опоздала на войну…»

Нет, не опоздала Люся Клопкова на войну — полной мерой досталось ей военного лиха, и немало успела она прошагать по нелегким военным дорогам, успела вложить свою долю ратного труда в общую нашу, в великую нашу Победу…

Но сначала был год работы инструктором в Тихорецке, а затем, когда враг подошел ближе, — в Азербайджане. Очень непросто было готовить пилотов для фронта, сроки самые сжатые, а опыта почти никакого. До нынешних дней помнит инструктор Клопкова своих первых курсантов — уверенного, принципиального Калюжного, обстоятельного и уравновешенного Красникова, скромного, застенчивого Бутаева, самолюбивого, легко ранимого Сафронова. Люся учила их всему, что знала и умела, и училась сама, приобретая с каждым полетом тот драгоценный опыт, который и делает человека мастером своего дела.

Не раз за это время Люся и ее подруги-инструкторы были свидетелями налетов вражеской авиации на железнодорожную станцию Тихорецк.

Их было четверо — холостячек, особенно упорно добивавшихся отправки на фронт.

— Да вы что, девчата! Парней то и дело отзывают в армию, с кем же мы курсантов готовить будем? Ведь фронту летчики нужны!

Глубокой осенью сорок второго Клопкову положили в госпиталь. Диагноз суставной ревматизм и аппендицит. Подлечили, подштопали немножко, но до настоящего здоровья — далеко.

— Вам, голубушка, нужно теперь отдохнуть и подкормиться, — сказал Люсе врач. — У вас из-за сильной худобы опущение желудка.

— Зимой постараюсь поправиться. Летом полеты днем и

ночью, да и жара сильная — не до еды…

— Ну, пока у нас еще побудете, немножко силенок да и веса наберете, — с сомнением глядя на исхудавшую девичью фигуру, закончил врач.

А через день письмо от подруг: «Люся, нас наконец отправляют в действующую армию!» Люся бегом к главврачу, а он ей решительно:

— Вы не закончили лечения!

Клопкова не спорила и не плакала, только молча смотрела на врача умоляющими глазами. Не выдержав этого взгляда, он махнул рукой:

— Упрямая девчонка! Хорошо, выпишу, но с указанием, что ограниченно годна к полетам.

На следующий день Клопкова вернулась в свою часть. В общежитии девчата, распоров маленькую Люсину перинку, шили в дорогу подушечки-думки.

— Люська! Приехала! А мы уже документы оформили, вечером едем…

— Девочки, и на мою долю сшейте, — скомандовало Клопкова и помчалась в штаб. Через несколько часов девушки сидели в тесном вагоне поезда, направлявшегося в Баку. Радовались, что вот наконец-то отправляются на фронт, волновались, как сумеют справиться с боевой работой.

— У меня ночные полеты плохо получаются, — то и дело начинала говорить Маша Тарасенко.

— Ну, а у меня со слепыми неважно. Я думаю, нас подучат, успокаивала ее Люся.

До станции, где размещался полк, девушки добрались на попутной машине. Вот как вспоминает этот день Люся:

> «Шофер привез нас прямо в расположение полка. На шум машины из дверей здания, похожего на школу, вышли несколько девушек. Какие! — с завистью подумалось мне. В ладно пригнанных гимнастерках, бравые, все такие симпатичные и очень молоденькие. Мы невольно глянули друг на друга — ну и жалкий же вид! Наши темно-синие аэрофлотовские шинели за дорогу измялись, сами уставшие, посеревшие, словно запыленные. Из оцепенения вывела нас Бершанская. Подошла, обняла всех троих — с Тасей Фокиной она работала перед войной, меня помнила по авиашколе.
>
> — Ну, давайте в столовую, позавтракаем…
>
> За столом, пока Евдокия Давыдовна расспрашивала Люду Масленникову о ее специальности, я уставилась на

испачканную, в пятнах скатерть и неожиданно для самой себя бестактно спросила:

— А почему скатерти такие грязные?

Девчата недоумевающе и с осуждением посмотрели на меня.

— Так ведь Новый год встречали! Хорошие вести из Сталинграда, было за что выпить… — улыбнулась в ответ Евдокия Давыдовна.

А мы-то! Мы так стремились на фронт, так радовались долгожданному приказу, что в суматохе отъезда совсем забыли про Новый год. И соседи в вагоне — никто не вспомнил…»

Клопкову направили в эскадрилью Никулиной.

Помню Люсю в первые ее дни на фронте. Очень застенчивая и абсолютно не умеющая постоять за себя даже в мелочах, она выглядела нескладно и смешно в доставшейся ей форме. В стареньком, выгоревшем, в масляных пятнах просторном комбинезоне, наша Люся не могла быстро передвигаться — ноги путались в многочисленных складках. Гимнастерка непривычного мышиного цвета в отличие от зеленых и малиновые сапоги из свиной кожи доставили Люсе немало огорчений. Но спорить или просить чего-то для себя она не умела. Так и носила свои необычайные по колориту сапоги до конца войны — прочности они оказались сказочной… Но самое главное огорчение — первые полтора месяца Клопкова оставалась безлошадной.

Шло наступление, полк чуть не ежедневно перебазировался, летчицы и штурманы на новые точки перелетали на своих самолетах, а Клопкова переезжала вместе с наземным составом на грузовике. Здесь впервые увидела она воочию, во что превращали родную землю фашисты. При перебазировании в поселок Книга (а он недалеко от Ставрополя) Люся упросила командира батальона разрешить ей ночевку в Ставрополе.

— У меня мама там, а что с ней? Жива ли? Ничего не знаю. Как пережила оккупацию?

В город въезжали вечером по Старомарьевскому шоссе. В воздухе стоял запах гари. Вместо знакомого завода — черные груды развалин. Разрушен железнодорожный вокзал. Нет красавицы школы № 7. Руины на месте любимого драматического театра. Люся ехала, с трудом узнавая дорогие сердцу места. «Гады фашистские, — билось в голове, — что с городом сделали? Мама, мама, жива ли ты?»

Мама, постаревшая и похудевшая, жила теперь в другом доме — старый разбомбили. После первых минут счастливой

растерянности засуетилась, заспешила, чтобы принять и угостить дочкиных подруг. Вместе с ней хлопотала Люба — хозяйка квартиры. Отыскалась чудом уцелевшая баночка довоенного варенья, у девчат был паек.

После ужина Нина Данилова взяла баян, и девушки негромко запели:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза…

Под эту тихую песню, так славно, по-мирному звучавшую в непривычной тишине освобожденного города, мама, весь вечер удерживавшая слезы, расплакалась.

— Мамочка, не плачь, не волнуйся за меня. Работа моя не опасная, уговаривала ее Люся.

…Потом все уснули на полу, и только мама сидела до рассвета около дочки, чтобы разбудить вовремя в дорогу.

13 февраля 1943 года летчица Клопкова открыла свой боевой счет. Вот что она рассказывает о своих первых полетах.

«В первый раз со мной полетела Нина Ульяненко. Прошли по маршруту.

— Цель видишь? — спрашивает.

— Вижу хорошо.

Село Петровское четко вырисовывалось на снежном покрывале. Из окопов перед ним изредка постреливали, но заслышав шум самолета, стрельбу прекратили. Нина уже приметила цель, попросила:

— Доверни влево!

По тому, как слегка вздрогнула машина, я поняла — бомбы сброшены.

— Разворачивайся домой, летчик!

— Я же не видела, как наши бомбы рвутся!

— Еще успеешь, увидишь, — с веселой усмешкой ответила Нина…

Через три дня нам с Ниной пришлось бомбить колонну вражеских войск на дороге в Славянской. Тут я увидела и как рвались наши бомбы, и как после этого застрочили вражеские пулеметы: трассирующие разноцветные змейки извивались вокруг самолета.

— Ну, с боевым крещением тебя, — пошутила Нина, когда мы отошли от цели.

Но это было еще не крещение. 24 февраля над переправой нас

поймали прожекторы, били зенитки, обстреливали пулеметы. Когда снаряды рвались близко, были видны пучки бурого дыма, раздавался хлопок и еще какой-то неприятный звук — словно у самого уха разрывали материю. Домой вернулись благополучно, пробоины оказались пустяковыми, и мы сумели сделать второй вылет…

Несколько раз мне довелось летать с Женей Рудневой — один из этих полетов остался в памяти на всю жизнь. Цель та же — переправа „Красный Октябрь“. Это длинная земляная дамба среди заболоченной местности, а потом небольшой мостик через р. Протока. Попробуй попади в него с высоты 900 метров да при таком яростном обстреле… Женя не бомбит серийно, для каждой бомбы делаем новый заход. Я уже счет времени потеряла — сколько мы находимся в лучах прожекторов. Только послушно выполняю Женины команды — влево! вправо! — это Женя уводит нас от пулеметных очередей, а сама не свожу глаз с приборов. В кабине светло до рези в глазах.

Наконец отошли от цели, обстрел прекратился. И тут замечаю, что самолет кренит влево. Ночь светлая, лунная. Оглядываю машину слева и справа до хвостового оперения и чувствую, что от волнения сразу замерзла. Через верхнее левое крыло отсвечивает на нижнем лунный зайчик, а в верхнем огромная дыра с торчащими обломками нервюр и обрывками перкаля.

— А как управление? — спрашивает спокойно Женя.

— Действует, — отвечаю, удивляясь про себя, что сохранился трос. На планировании машину еще сильнее повалило влево… Но сели благополучно, хотя с земли поведение самолета и летчицы кое-кому показалось странным. А после посадки обнаружилось — на левой стороне висела вдобавок несорвавшаяся бомба…

Вспоминаю полеты с Женей и думаю, до чего же деликатным, мягким человеком была наша Женечка. Опыт у меня хоть и накопился кое-какой, но при маневрировании под зенитным огнем делаю я все резко: скольжение — до звона натянутых расчалок, потеря высоты — сразу очень большая. Так Женя нет чтобы по-командирски, строго, она тихим голоском, даже нежно будто: „А высоту нельзя так терять…“

Как-то возвращаемся домой с Женей после четвертого вылета. Туман. Очень устали. И вдруг штурман по-переговорному спрашивает:

— Хочешь спою тебе? Только слух у меня неважный…

— Спой, пожалуйста.

И слышу — тихоньким голоском, как-то очень по-домашнему Женя запела:

Ах ты, Нюра моя, Нюра,
Нюточка, Анюточка…

И так тепло стало на душе.

После ухода от цели Женя просит отдать ей управление. С удовольствием передаю, так как меня с каждым полетом все сильнее донимает тупая боль в правом боку. В напряженье полёта я забываю о ней, а как только обстановка успокаивается — боль снова дает о себе знать…

Но вообще-то я уже втянулась в работу, летаю каждую ночь. Боевые вылеты — действительно наша работа, с чувством здорового соревнования. Не успеет самолет приземлиться, как экипаж торопит вооруженцев: „Скорее бомбы!“ Когда в ночь делаем по 5–6 вылетов, с последнего возвращаешься уже на рассвете. Дремота сковывает глаза, на какой-то миг проваливается сознание. Вдруг мерещится, что отказал мотор, — и сон как рукой снимает…»

В жизни все рядом, все перепутано — и горькое, тяжелое, и забавное, веселое. На фронте эти контрасты особенно заметны. Много трудных дней, тяжких потерь было весной сорок третьего. Погибла Люда Масленникова, тяжело ранена Тася Фокина — девушки, вместе с которыми Клопкова прибыла в полк. Но один полет в апреле Люся вспоминает с улыбкой.

— Полетите в Армавир, сдадите машину в ремонт. А когда будет готова очередная машина, пригоните ее в полк, — дала Клопковой задание командир полка. — Только учтите, синоптики дали прогноз — ветер в Армавире до пятнадцати метров в секунду. Когда будет готова машина, позвоните им по телефону, проконсультируйтесь еще раз.

На аэродроме у машины суетилась Рая Харитонова, механик. Она должна была лететь с Клопковой.

— Машина готова, — доложила Рая.

В штабе по телефону метеослужбы подробно информировали Люсю о погоде по маршруту и в пункте посадки и заключили вопросом:

— А кто летит? Летчик хороший?

— Да, — ответила Люся, но видимо, это «да» звучало не совсем уверенно.

— А какое у вас звание?

— Гвардии красноармеец! — вздрогнул от обиды девичий голос. — Командир знает, кого посылать! Спасибо за консультацию, — сердито закончила разговор Люся и с горящими щеками побежала к самолету.

Половину маршрута прошли нормально. Внизу знакомые с детства места станицы Белореченская, Дондуковская, Курганская. А вот и разъезд Чамлык, здесь в 1937 году похоронен папа. «Сохранилась ли могила?» — подумала Люся, и вдруг на очки ей шлепнулось что-то черное, растекаясь по стеклу. Сдернула очки, а Рая сзади похлопывает по плечу (переговорный аппарат сняли в надежде, что в мастерских новый поставят) и показывает на самолет впереди справа — весь фюзеляж покрыт черной маслянистой жидкостью. Еще не успев осмыслить, Люся взглянула на приборы — температура и давление масла в норме. Но насколько хватит масла? Впереди еще 28 километров.

Долетели. А когда на земле девушек встретили техники, раздался хохот:

— Ай да камуфляж! И как это вы сумели так выкраситься?

Девушки глянули друг на друга и тоже рассмеялись — лица, комбинезоны все было забрызгано черными пятнами. О самолете и говорить нечего.

— Эх, сестрички, идите вон к тому вагончику, там вода горячая, смывайте свою маскировку. А комбинезоны оставьте, мы их бензинчиком отмоем…

Апрель был очень напряженным — летали много и результативно, на Крымскую и Новороссийск, делая по 5–6 вылетов в ночь. В экипаж Клопковой назначили Галю Докутович, штурмана опытного, ветерана полка. Первые дни Люся чувствовала себя неуверенно. Ей казалось — Галя недовольна, что ей приходится летать с новичком, ведь она штурман звена. Но экипаж быстро сроднился. У Гали Люся многому научилась, очень привязалась к своему штурману и страшно расстроилась, когда спустя некоторое время Докутович вернулась к Ире Себровой. О том, как Галя относилась к своему молодому летчику (три месяца на фронте не шли ни в какое сравнение с годом военной жизни, какой был за спиной у Докутович, — война меняет масштабы времени), Люся узнала уже после гибели Гали из ее дневника.

«14 апреля 1943 г. Теперь я вновь в первой эскадрилье, штурман звена. А и звено у меня! Командира нет (значит, и летчика у меня нет пока что), Марта Сыртланова с Полинкой и временно Люся Клопкова — мой эрзац-экипаж…

17 мая. Летаем с Люсей Клопковой, хорошо слетались, без слов понимаем друг друга. И нас как эффективно работающий экипаж не хотят разлучать, хоть мне давно уже пора летать со своим командиром — Ирой Себровой…

2 июня. Вчера Люсе Клопковой вручали орден Боевого Красного Знамени. И хоть есть у нее теперь свой штатный штурман, я сама прикрепила ей орден. Что ни говори, а Люся —

мой самый любимый летчик!»

Докутович и Клопкова сделали вместе больше восьмидесяти вылетов. Многому научилась Люся у Гали, но, наверно, самый главный урок она получила уже после Галиной гибели. Мало кто из нас понимал при жизни Докутович, какие физические страдания приходилось ей терпеть. Об этом мы узнали из ее дневника. И Люся, глубоко переживавшая смерть подруги, чувствовала себя вдобавок виноватой — ведь в длительных полетах она, уставшая от постоянных болей в боку, на обратном пути передавала управление самолетом своему штурману. Теперь она мучилась запоздалым сознанием вины. Но самой Люсе предстояло долго и жестоко страдать от болей, которые со временем становились все сильнее…

После Гали Докутович штурманом в экипаж Клопковой была назначена Женя Гламаздина. Теперь уже сама Люся учила молодого штурмана, делилась накопленным опытом. Не все шло гладко. Как-то в полете на станицу Курганскую девушки попали в переделку.

Едва дошли до цели и Женя сбросила бомбы, как перед самолетом встала стена плотного огня. Летчица, бросая машину из стороны в сторону, пыталась уйти от пулеметных трасс. В тот же миг вспыхнули прожекторы. Один из них ухватил самолет, затем второй, и вот «ласточка» в их цепких объятиях. Яркий свет нестерпимо слепит глаза, Клопкова, низко пригнувшись к приборной доске, чтобы спрятаться от резкого света, выполняет команды штурмана.

— Подверни влево! Еще влево! Вправо… Чуть правей!

Кажется, прошла вечность. Прищурив глаза, Люся глянула на часы и ужаснулась: уже семь минут самолет болтался в лучах прожекторов! Осторожно глянув за борт, она похолодела — все эти долгие семь минут они находились над центром Курганской. Неопытный штурман лишь уводила самолет от очередной трассы… Чтобы оторваться от зениток и прожекторов, Клопкова взяла курс на лиман. Уйдя от обстрела, повернула в сторону аэродрома.

— Неужели тебя не учили противозенитному маневру? — в сердцах спросила она Женю.

Та удрученно молчала.

— Здорово вас потрепали! Тридцать две пробоины, — сочувственно говорили техники, когда экипаж вернулся домой.

Немало сложных полетов выполнили позже Клопкова и Гламаздина. Трудный опыт, приобретенный над Курганской, им очень пригодился в дальнейшем. Летали, нагруженные бомбами, а иногда бомбами и листовками.

— Как будем агитировать, командир? — спрашивала Женя. — Сначала словом, а потом делом? Или наоборот?

Сентябрь 1943 года. В полку получена необычная задача — восемь экипажей направляются в район Геленджика, откуда будут летать на Новороссийск. Клопкова и Гламаздина в их числе.

Прилетели в Солнцедар — небольшой поселок на самом берегу моря. В столовой, щедро украшенной резьбой и похожей на сказочный теремок, наших девушек встретили летчики морской авиации. Не обошлось, как это всегда бывало при первых встречах, без ехидных шуток:

— Что это нам «кукурузников» прислали? Чтобы шума больше было? посверкивая глазами в сторону девичьих столов, спрашивал один летчик другого.

— Зачем прислали? — звонко переспросил кто-то из девушек. — Вам в помощь. Говорят, не справляетесь одни…

Парни прикусили языки, а после обеда любезно проводили летчиц до места отдыха.

Наступила первая боевая ночь. Над Новороссийском «ласточек» встретил яростный зенитный обстрел. А в полетах, как всегда вблизи моря, мучили постоянные наши недруги — восходящие и нисходящие потоки.

В столовой вчерашние знакомые встретили отдохнувших девушек приветливо, совсем не так, как вчера. Из их оживленного разговора развеселившиеся летчицы услышали, что девчата взлетают, «что надо», сажают самолеты «впритирочку» и техники в женском полку «правильные»…

— Кажется, нас приняли в морскую семью, — смеясь, сказала Женя.

Первые две ночи командование разрешило выполнить только по одному вылету, а в третью — сделали по два-три вылета и тем вызвали переполох в БАО. Оказалось, здесь по традиции утром за вылет к завтраку вручалась плитка шоколада. Когда на вопрос: «Сколько сделали вылетов?» — очередной экипаж ответил: «Три!», работники БАО заволновались, что у них не хватит шоколада.

Амосова, услышав об этом, подошла к официантке:

— На следующие ночи привозите по одной плитке. Иначе, когда нам дадут «максимум», мы вас разорим…

И разорили бы! Ночь с 15 на 16 сентября — ночь «максимум». Вот что вспоминает Люся Клопкова об одном из вылетов в эту ночь.

«Уже порядком устали. Летим 9-й раз. На этот раз цель — штаб в центре Новороссийска. При подходе видим наш самолет в лапах прожекторов. Его обстреливают со всех сторон, а он, пока не сбросил бомбы, не меняет курса.

— Это экипаж Смирновой, они вылетели перед нами, — сказала Женя.

— Ну, беда! И зенитки, и прожекторы, а мы еще только на подходе, говорю я и даю полностью сектор газа и отжимаю ручку, чтобы быстрее оказаться над целью и ударить по врагу, который держит наших девчат.

— Получайте, паразиты! — Женя сбросила бомбы, и вслед за этим мгновенно мы оказались в лучах прожекторов. В ответ захлопали зенитные снаряды.

Пытаюсь развернуть машину в сторону дома, но тут смолкает мотор, словно захлебнулся. Через мгновение заработал, но чувствую — недодает оборотов. Цилиндр вышел из строя? Из лап прожекторов вырвались, Высота падает.

— Надо спасательные жилеты приготовить! — говорит Женя. Посадка на воду мне совсем не улыбается.

— А может, лучше на неразминированный аэродром сядем? — предлагаю я (об этом аэродроме на Малой земле нам на днях говорила Амосова).

— Ну нет, — решительно возражает Женя, — пусть лучше нас катера выручают!

Летим над водой, так как для полета над гористым берегом нам не хватает высоты. Изредка мигаю бортовыми огнями, с катеров отвечают дружелюбным помигиванием — видят, что самолет летит слишком низко…

И все-таки тянем потихоньку к своему аэродрому. Подлетели. Разворачиваться нет возможности — придется садиться поперек старта, с прямой. И вдруг почти перед самым берегом нисходящим потоком машину бросает чуть не к самой воде, спасительный берег где-то над нами. Неужели в воду? Но чудеса не кончились — в следующий миг нас встряхнуло, подняло и я еле успела дать ногу влево, чтобы не перескочить площадку и не попасть на кустарник… „Ласточка“ остановилась, почти не сделав пробега, и мотор заглох окончательно…

К самолету подошла стройная худенькая девушка.

— Спасибо вам за Машу Смирнову, — негромко сказала она и отошла.

— Кто это? — спросила я.

— Полина Тучина, вооруженец…

Ни есть, ни спать не хотелось — сказались усталость и волнение последнего полета. Люся и Женя поднялись в гору, к колхозному винограднику. Женщины, работавшие там, угостили их виноградом. Отщипывая одну за другой янтарные ягоды, Люся огляделась вокруг — в зеленой подкове берега бухта. Под утренним солнцем вода в ней сверкала голубым перламутром.

Утопающий в зелени Геленджик…

— Женя, какая красота!

Когда вернулись с виноградника, никто не спал.

— Девочки, пойдем искупаемся, может, потом спать захочется…

Быстро спустились в маленькую бухточку.

Из воды, только сначала казавшейся холодной, не хотелось выходить. Улеглись под сентябрьским солнцем на песок.

— А знаете, почему нам не спится?

— Почему?

— Да потому, что нет артобстрела!

— Правда, не слышно. Может, фрицы драпанули из Новороссийска?»

Оказалось, действительно — в этот день Новороссийск был освобожден.

* * *

Небольшой рыбачий поселок на берегу Азовского моря. Пересыпь. Все разрушено. Несколько маленьких домишек. У дороги, прямо вдоль обрывистого берега, стоят наши фанерные самолетики. На фоне безбрежного моря они кажутся игрушечными. Вдоль поселка и дальше — на запад — грейдерная дорога. По ней день и ночь идут грузовики — к фронту и обратно.

У самой дороги начинается летное поле, а заканчивается оно обрывом к морю. Сильные ветры, дожди…

Первая эскадрилья живет в самом близком к аэродрому домике. Федоровна хозяйка дома, две ее взрослые дочки и семилетний сынишка Василек ютятся на кухоньке, отдав девушкам спальню и залу (так называли здесь лучшую комнату). В этих двух комнатах для летчиц и штурманов оборудовали нары, на которых шуршат набитые камышом матрасы.

Василек смотрит на девушек влюбленными глазами и считает своим долгом провожать их вечером до аэродрома, а утром встречать после полетов. Люся после обеда в столовой собирает на столах оставшийся хлеб и несет его Федоровне.

— Да ты что, дочка, — смущается хозяйка, — у нас: рыба есть! (Ее дочери в рыбацкой бригаде колхоза).

— Рыба рыбой, а хлеб — всему голова, — возражает Люся, — я сама в тридцать третьем испытала, как без хлебушка…

Вслед за Люсей хлеб для Федоровны стала приносить и Тоня Павлова, новый Люсин штурман.

Разлуку с Женей Гламаздиной Люся очень переживала.

Слетались, сдружились накрепко. Десять месяцев Клопкова на фронте. Выполнила 280 вылетов. Отмечена уже вторым орденом — Красной Звезды. И вот опять все по новой — снова учить, снова привыкать. Но приказ — закон для солдата…

Трудная осень, а затем зима выпали на нашу долю в Пересыпи. К обычным тяготам военной жизни прибавились погодные: туманы, дожди с ветрами пополам со снегом, всепроникающая промозглая сырость — и летать трудно, а когда не летаешь — на душе скверно. Хочется ежедневно, ежечасно чувствовать свою необходимость фронту. Утомляли и бытовые неурядицы, хоть мы их старались не замечать. А справляться с ними помогали дружба и ничем непобедимое чувство юмора.

Помнится, спали все на матрасах, набитых камышом, а для мягкости на каждый экипаж выдали по одному спальному мешку. В одну из особенно холодных ночей Люся и Тоня, вернувшись с аэродрома — полеты отменили из-за плохой погоды, — решили забраться в спальный мешок вдвоем, чтобы хоть как-то согреться.

«Проснулась я днем, — рассказывала Люся, — и не могу голову повернуть, будто держит кто. Стала будить Тоню.

— Павлик! Проснись, посмотри, за что-то косы мои зацепились, а я руки из мешка никак не вытащу…

— Ой, летчик! (Тоня только так ко мне обращалась). Косы твои к оконному стеклу примерзли… Полежи, а я у Федоровны воды горячей спрошу…

— Ну, что вы все возитесь, — недовольно заворчал кто-то со сна, — спать не даете!

Но когда разобрались, в чем дело, раздался такой дружный смех, что стало вовсе не до сна…»

Надо сказать, что косы, с которыми Люся не решалась расстаться, доставляли ей немало хлопот. Тупую боль в боку Клопкова чувствовала теперь постоянно — не только в полетах, но и на земле. Увидев, как Люся стирает, поставив правую ногу на скамью, и узнав, что ее постоянно донимают боли, Тоня и Женя Гламаздина стали помогать своему летчику. Быстро вымыв коротко стриженные головы, штурманы принимались за Люсины косы…

Осень и зима прошли в напряженной боевой работе. Как только позволяла погода, полк поднимался з воздух. В октябре Люся Клопкова и Тоня Павлова каждую ночь выполняли по нескольку полетов, чаще всего в район поселков Маяк и Аджимушкай.

1 ноября полк получил ответственное задание: массированными ударами с воздуха поддержать высадку десанта в район Керчи. В эту ночь Люся летала с Женей Рудневой.

В 2.15 нанесли первый бомбовый удар по врагу. Вернулись на аэродром. Вооруженцы молниеносно снарядили машину к следующему вылету. В третьем полета самолет цепко ухватили прожекторы. С большим трудом вырвались из вражеских клещей. Скольжением и пикированием Люся увела машину в сторону Азовского моря.

— Ты так пикировала нынче, — сказала на обратном пути Женя, — что я команды с трудом давала…

— Но я тебя отлично слышала, Женечка!

— А знаешь, мне кажется, мы сегодня причастны к большой истории. Высадка десанта — это такое событие! Вот увидишь… Скорее бы утро — узнать, как дела у десантников…

Первый эшелон десантников внезапным ударом ворвался в поселок Эльтиген и закрепился в нем. Но дальнейшее десантирование задержал разыгравшийся шторм. Небольшие подразделения моряков и армейцев оказались на вражеском берегу в тяжелом положении.

Тщетно противник пытался сбросить отчаянных парней в море.

У десантников кончались продукты и боеприпасы, медикаменты. Осколками снарядов разбило рацию и прекратилась связь со своими. А шторм не утихал катера с людьми, с оружием и боеприпасами вновь и вновь вынуждены были возвращаться к своим причалам.

Погода стояла отвратительная. День за днем метеосводка заканчивалась одними и теми же словами: «Погода нелетная». Но когда к нам обратились со словами: «Гвардейцы! Поможем героям-морякам! Кто хочет добровольно лететь на Эльтиген, шаг вперед!» — летчицы и штурманы, как один человек, сомкнутым строем шагнули вперед.

Утром 8 ноября командующий Отдельной Приморской армией генерал И. Е. Петров подписал приказ: «Женскому гвардейскому авиаполку ночных бомбардировщиков пробиться к десантникам и доставить им продовольствие, боеприпасы, медикаменты».

Двадцать шесть ночей летали мы к десантникам. Мы знали, что каждый рейс, выполненный нами, нес смельчакам на Эльтигене необходимую помощь, укреплял уверенность в победе. В числе экипажей, летавших на Эльтиген, были Клопкова с Павловой. Эти трудные полеты остались навсегда в памяти. Эльтигенский десант стал частицей нашей жизни…

Незаметно подошел новый, 1944 год. В праздничную ночь все экипажи выполнили по три боевых вылета. Незадолго до двенадцати часов вернулись на аэродром и Клопкова с Павловой.

За накрытыми столами уже сидели гости несколько незнакомых морских офицеров во главе с контр-адмиралом. В комнате сильно пахло хвоей.

Зазвучали первые тосты, музыка. Потом появились ряженые. Но у Люси разболелась голова, и верные ее штурманы повели домой… Сказалась давно копившаяся усталость. С каждым днем полеты для Люси становились все труднее и труднее — постоянные боли, раньше донимавшие ее в воздухе, теперь не проходили и на земле.

Но летчик Клопкова продолжала выполнять боевую работу наравне с другими. Уже в следующую после новогодней ночь нам пришлось работать с двойной нагрузкой. Противник вдруг предпринял несколько контратак. Вот мы и летали на бомбежку его войск и огневых точек на передовой. В темноте по вспышкам выстрелов без труда можно было определять местонахождение вражеских орудий и пулеметов. Прицельное бомбометание с малой высоты было эффективным и действовало на гитлеровцев угнетающе. Дошло до того, что, как только в воздухе раздавался гул наших самолетов, противник тотчас прекращал обстрел. Что бы заставить его молчать, нашим экипажам пришлось действовать с минимальными интервалами. Давалось это, конечно, огромным напряжением сил и физических, и духовных.

Люсе было очень трудно. Болезнь отбирала силы, ослабляла волю. Но Люся не хотела сдаваться. Помогала ей дружба с Тоней Павловой. Верная подруга, знавшая о тяжелом Люсином недуге, старалась поддержать свою летчицу, помочь ей. Люся Клопкова летала в составе полка почти до самого конца войны. 1944-й был очень напряженным. Вот как сама Люся вспоминает одну из его декабрьских ночей.

«В ночь на 20 декабря готовился прорыв фронта в районе реки Нарев. Мы перелетали на аэродром подскока. Задача — сделать максимальное количество вылетов. Кроме бомбардировки передовой противника нам предложили обстреливать из пулеметов вражеские окопы вдоль реки. Перед бомбежкой и после нее мы с Тоней проходили вдоль окопов так низко, что хорошо видели перестрелку с одного берега реки на другой. По этим огневым вспышкам Тоня и стреляла. Нас никто не обстреливал — фашистам явно было не до нас. Они же представляли собой отличную мишень. Тоня только успевала командовать в полете:

— Левей! Доверни вправо! Еще правей!

И без устали поливала врага пулеметными очередями. В каждом из четырнадцати вылетов мой штурман успевала израсходовать весь боекомплект. К утру мы валились с ног от усталости. И, честно говоря, очень огорчились, когда узнали, что

некоторые экипажи успели сделать по 17–18 вылетов, а мы отстали…

Днем все крепко спали от усталости, а я бродила по усадьбе, держась рукой за бок. Уснуть не могла от боли. Внутри все словно горит. В это время меня увидела Бершанская.

— Почему не спите?

— Не могу уснуть… болит в боку. Мне последнее время вообще тяжело летать…

— Нужно съездить во второй эшелон, посоветоваться с врачами, заботливо по-матерински сказала Евдокия Давыдовна.

Но поехать в тот раз не пришлось. После прорыва на Нареве фронт перешел в наступление…»

К Новому году подвели итоги. Люся с удовлетворением узнала, что ею выполнено 635 боевых вылетов.

В конце февраля врачебная комиссия написала в документах Клопковой: «Годна к летной службе только в авиации связи и транспорта с ограниченной нагрузкой». А в конце апреля пришел приказ о переводе летчика Людмилы Клопковой в полк Бордеева — до конца войны оставалось меньше месяца. Начальник штаба И. Ракобольская подвела итог боевой работы Клопковой: 648 боевых вылетов, 856 часов ночного налета, 736 часов налета днем.

Нелегко складывалась Люсина послевоенная судьба. Она сумела вернуться к летной работе в гражданской авиации. Летала успешно, хоть и было трудно. Но все-таки здоровье ухудшалось, пришлось спуститься на землю. Больно было расставаться с небом, с любимой работой…

Люся Клопкова, хотя и закончила свой боевой путь в другом полку, конечно, навсегда осталась нашей однополчанкой. Не каждый год, но, когда позволяют силы, она приезжает в Москву, на традиционную нашу встречу. Мы вспоминаем нашу юность, опаленную войной. Пережитое для нас — не история. Это — наше прошлое и наше настоящее, в нем боль наша и наше счастье.

Галка, Галочка, Галина…

По-разному входила война в жизнь каждого из нас. Студентку-третьекурсницу авиационного института Галю Корсун она застапа в Харькове. Институт должен был эвакуироваться в глубь страны…

Первые дни войны ошеломили Галю. Черным дымом пожаров затянуло вишневые сады родной Украины. Жестокие бомбежки Харькова, первые жертвы. На всю жизнь запомнила Галина убитую женщину, лежавшую на углу улицы Свердлова, а рядом с ней малыша, теребившего маму за платье в синий горошек, не понимавшего еще, какое страшное горе пришло к нему. «Нет, — решает Галя, — эвакуироваться с институтом не буду, ведь это еще два года учебы, а нужно сегодня, сейчас делать самое нужное, самое важное для Родины. Я должна быть на фронте!»

В военкомате ответили:

— Ждите! Вызовем.

Потянулись томительные дни, повестки нет и нет. Наконец дождалась: «Явиться к 6.00 с вещами…»

Гале было 20 лет. Работала воспитателем в детском доме и училась в институте. Кажется, взрослая. Но в душе еще столько детского, юного оставалось. Так обидно стало уходить на фронт, не надев ни разу первого нарядного, настоящего выходного платья, сшитого специально к концерту в филармонии, где пел Галин отец. Но концерт не состоялся — началась война. «Так пусть хоть военком посмотрит, какие у нас девчата», — по-детски думала Галя, надевая платье и лучшие туфельки. Смешная девчонка! Военком ничего не заметил, лишь тихо сказал, глядя на Галю:

— Жалко косы… — и уже по-другому, четко и громко приказал: Подойдите к столу.

На столе лежала карта.

— Здесь, здесь и здесь фашисты. Как вы пройдете в этот пункт?

На девушку требовательно смотрели еще два стоявших рядом офицера. Галя, волнуясь, вглядывалась в карту.

— Проселочными дорогами можно пройти. Вот сюда, дальше так и вот так.

— Молодец! Поручаем вам группу в двадцать два человека. Вы — старшая в команде. Нужно пройти сорок пять километров до сборного пункта. Ну, а дальше вас направят по вашей специальности… Вопросы есть?

Так началась Галина воинская служба. От одного пункта к

другому двигалась команда, в нее добавляли солдат разных возрастов, а Галина оставалась старшей. На девичьи плечи легла тяжким грузом ответственность командира. Двигались группами. Осенние дожди размыли дороги, подводы с питанием отставали. До Ртищево в Саратовской области шли около месяца.

Наконец добрались до пункта формирования. Галю направили в распоряжение Приволжского военного округа, где она получила назначение к Марине Михайловне Расковой.

— Товарищ майор! Воентехник второго ранга Корсун прибыла в ваше распоряжение.

Марина Михайловна, взглянув в Галины документы, мягко спросила:

— Значит, из Харькова? Как добрались? Трудно! А у нас есть девушки с Украины, но еще больше — из Москвы. Формируем три полка — истребительный, пикирующих бомбардировщиков и ночники на У-два.

— Направьте меня в истребительный, — совсем не по-военному вырвалось у Галины.

— Идти придется туда, где вы нужнее, — строго ответила Раскова, просматривая личное дело Корсун. — Налет у вас небольшой, но вы воентехник второго ранга, а у нас механиков не хватает. Завтра же пойдете разбитый вагон с запчастями разбирать.

Надо! Этим словом многое объясняется в наших судьбах. Надо было работать — и мы шли работать. Пришло тяжкое военное время, надо было защищать страну — и мы ушли на фронт. Хотелось летать, но нужны были механики — и Галя осталась на земле, а в небо поднимались подготовленные ею самолеты. Так надо — значит, нет и не может быть места для личных обид, просто нужно, сжав зубы и засучив рукава, делать порученную тебе работу.

На следующий день Галина разбирала сваленные грудой запчасти из разбитого вагона. С этого дня ее военная судьба неразрывно связана с нашим полком. С ним она была в трудные, горькие дни отступления, с ним делила радость первых побед, с ним дошла по долгой военной дороге до светлых майских дней сорок пятого, победного года.

Зима 1943 года. Северо-Кавказский фронт перешел в наступление. Каждую ночь, несмотря на ненастную погоду, мы летаем бомбить отступающие войска противника. Погода очень осложняет работу наземного состава, работу, которой нет ни конца, ни края.

Вечер. Солнце скрылось за горизонтом. Медленно надвигаются сумерки. Холодный ветер бьет в лицо, проникает под

одежду. Девушки, пригибаясь, бегут к самолетам. Надо срочно прогреть моторы. Если остынет масло, могут лопнуть трубы и двигатель при работе сгорит. Ветер пытается свалить с ног, рвет из рук чехлы. Звуки выхлопа из патрубков — словно перестрелка на передовой. Вот мотор заработал, затарахтел по-деловому — сноровисто и четко. А ветер ледяным плотным потоком с новой силой набрасывается на людей, пронизывает до костей. Лицо коченеет, руки покрываются прозрачной корочкой льда. Но мотор прогрет, и Галя с подругами бегут к следующей машине. И так всю ночь в ожидании боевого вылета…

Наши техники и механики — Галя Корсун, Катя Бройко, Аня Шерстнева, Маша Щелканова, Зина Родина, Вера Дмитриенко — в эти месяцы долгожданного наступления, кажется, еще быстрее исправляли повреждения, с которыми самолеты так часто возвращались из боевых вылетов. И день, и ночь полны были для наземников бесконечных трудов и забот. Бывало, сутками не уходили они с аэродрома. Но как ни трудно было, как ни мешали морозы, а потом дожди и слякоть, как ни бесновался враг, к ночи все самолеты находились в боевой готовности. Наши неутомимые подруги закладывали своим трудом на земле основу боевых успехов полка.

В середине февраля 1943 года мы перелетали в станицу Джерелиевскую на Кубани. Наступила оттепель — под рыхлым снегом прятались большие лужи. На посадке перед самолетом поднимались настоящие фонтаны воды. Рулить в этих условиях было очень трудно, колеса зарывались в снег, того и гляди самолет опрокинется на винт. Механики спешили на помощь летчикам, набрасывались на хвост машины, не давая ему оторваться от земли. Их забрасывало мокрым снегом, но сушиться, конечно, некогда было, ведь надо встретить и осмотреть все самолеты.

Распутица стала для нас в те дни врагом номер два. Днем шел мокрый снег, ночью морозило, летное поле покрывалось кочками, по которым и ходить-то было очень неловко. А приходилось то и дело вытаскивать самолеты на плечах. Полеты же не прекращались ни на одну ночь… С распутицей пришли и другие неприятности — осложнился подвоз горючего, боеприпасов, продовольствия. Где-то тыловые работники нашли склад с кукурузой. И вот наступили дни «кукурузной диеты» — ели ее в сухом, вареном и жареном виде, ели без хлеба, без соли, на завтрак, обед и ужин. Стеблями кукурузы маскировали самолеты, на таких же стеблях и спали.

— Но настроение в это «кукурузное» время, — вспоминает Галя, — было отличное. Совсем рядом грохочут пушки, зенитки,

слышен гул танков. Наши наступают! После боевой ночи летный состав уходил отдыхать, а механики готовили самолеты к новым полетам. Помню, как возвратилась с боевого задания Дина Никулина. Маслобак пробит, сорван второй цилиндр, в плоскостях не сосчитать пробоин. Долетела, что называется, на одном энтузиазме. Мне до этого несколько суток почти не довелось спать, но об отдыхе не могло быть и речи — надо срочно отремонтировать самолет. Только закончила работу и хотела опробовать мотор, как вдруг подбегает старший техник эскадрильи Таня Алексеева.

— Как дела? Объявлена тревога! — и, не дослушав мой доклад, говорит: Опробовать мотор нет времени. Летчицу нечего волновать, доложишь, что машина готова. — И, словно оправдываясь, добавила:

— Сами полетим с ней во второй кабине.

Тут торопливо подбежала Дина Никулина, на ходу скомандовала: «Быстро в самолет!» Взлетели. Очень я волновалась за двигатель, вдруг что-нибудь не в порядке. Таня кричит, а я за гулом мотора никак не разберу. Тогда она показала рукой вниз, и я увидела прямо под нами восемь танков. Фашисты прорвались неожиданно. Нас крепко обстреляли, но Дина Никулина не растерялась — набрала высоту, а тут небольшой лесок впереди и фашисты потеряли нас… Волнение отступило. Я прислушалась — мотор работал ровно. Вскоре мы благополучно приземлились на новой площадке.

Год фронтовой жизни сделал из наших техников и механиков опытных, знающих свое дело специалистов, способных отремонтировать израненную машину в самое короткое время. Спали они по три-четыре часа в сутки, не раздеваясь, девичьи руки загрубели, лица обветрены, но никто не жаловался на трудности, на усталость. Жили одной мыслью, одним желанием — победить врага!

В одну из боевых ночей Клава Рыжкова вернулась с боевого задания на совершенно искалеченном самолете — бензобак пробит, маслоотстойник тоже, сорван пятый цилиндр…

— Клавочка, как же ты дотянула? Мы сорок семь пробоин насчитали!

— Сама не знаю, девочки, как! «Ласточка» чудом выдержала, — ответила бледная после пережитого напряжения Клава.

Утром Галю подозвала старший техник эскадрильи Таня Алексеева:

— Доставить самолет Рыжковой в авиамастерские. Здесь его отремонтировать не удастся.

— Есть!

Несколько суток Корсун добиралась до авиамастерских. Передав машину ремонтникам, поспешила в обратную дорогу. Самолетов в сторону фронта не предвиделось. В Пашковскую, где базировался полк, Галя с приключениями добралась на попутных машинах и снова включилась в боевую жизнь полка.

В апреле 1944 года Галя была тяжело ранена. Случилось это в Карловке, небольшой деревушке недалеко от Севастополя. На нашем пути это был первый населенный пункт, уцелевший от гитлеровцев. В дни оккупации хозяевами в этом районе оставались партизаны.

Деревня, утопавшая в садах, напомнила Гале сады родной Полтавщины. Вспомнилось детство — светлое и счастливое. Ласковые мамины руки ловко и туго заплетают косы маленькой Галинки. Вспомнились отцовы песни, рассказы дяди — участника гражданской войны.

В то время, когда мы стояли в Карловке, наша авиация господствовала в воздухе и днем, и ночью. Радость наступления охватила в эти дни всех, мы утратили обычную бдительность и очень скоро были жестоко наказаны за это.

…На площадке рядом с самолетами стояли маслозаправщик и бензозаправщик, ПАРМ, когда в небе неожиданно появился «фокке-вульф». Почуяв легкую добычу, фашист застрочил из крупнокалиберного пулемета, поливая огнем машины. Один из самолетов вспыхнул.

«Смерть, остановись!» — молнией сверкнула мысль. Галя бросилась к горящему самолету. «Бензобак! Он может взорваться! Тогда и остальные самолеты…»

Корсун схватила самолет за хвостовое оперение и потащила в сторону от других машин.

— Девочки, на помощь!

Техники, работавшие у своих самолетов, подбежали к Гале.

«Фокке-вульф» вновь прошел над площадкой на малой высоте. Гале показалось — она видит бледное лицо пилота, его светлые торжествующе злые глаза. Пулеметные очереди прошили воздух совсем рядом, и что-то остро обожгло бедро…

Несмотря на боль, Галя вместе с другими девушками продолжала растаскивать самолеты по всему полю. Не успели перевязать раненых (кроме Корсун были ранены еще трое), как из облаков появились четыре фашистских самолета.

— Ложись! — закричала Вера Дмитриенко, старший техник эскадрильи.

Пулеметные очереди, свист, грохот. Девушек засыпало землей. Гитлеровцы ожидали взрывов, но кассеты с маленькими

бомбочками не взорвались. Было повреждено несколько самолетов, техники сумели отремонтировать их в тот же день.

Мы издалека услышали знакомые голоса наших истребителей. В завязавшемся бою наши соколы сбили трех фашистских стервятников…

Через день мы перелетели в Изюмовку, на аэродром, который охранялся зенитными батареями. Галю с тяжелым ранением бедра отправили в госпиталь.

— Придется ампутировать ногу, — сказал хирург после тщательного осмотра раненой. — Операцию ей не выдержать, да и за удачный исход ручаться трудно.

— Доктор, я очень сильная, все вытерплю, только оставьте ногу. Как же я в полк вернусь?

— Сразу и в полк! Ну, сильна девица! Что ж, если уверяешь, что сил хватит, попытаем счастья…

Через несколько дней после сложной, трудной операции на госпиталь, где находилась Галя, совершили налет гитлеровские летчики. После взрыва бомбы Корсун получила контузию. Состояние было исключительно тяжелым. Несколько суток без сознания, на грани жизни и смерти. Врачи выходили нашу Галину. На помощь их искусству пришли и Галины жизнелюбие, стойкость. Все помыслы ее были направлены к одной цели — выздороветь и вернуться в полк. Чуть стало легче, Галя стала убеждать врачей, что она уже совсем здорова, хотя ее мучили сильные головные боли, а ночами не давала уснуть раненая нога. Добилась своего и вернулась на долечивание в родной полк.

Такое раннее «выздоровление», конечно, не сулило ничего хорошего. Состояние Гали ухудшалось с каждым днем. И тогда наш полковой врач Надя Мартынова направила Корсун в армейский дом отдыха. После курса лечения медкомиссия предложила Гале отпуск, но она отказалась и вернулась на фронт.

Вместе с полком Галина Корсун дошла до Берлина, обслужила 900 боевых вылетов. Ратный труд ее отмечен орденом Красной Звезды и многими медалями.

Галя Корсун вернулась к будням мирного труда. Вырастила сына и сумела передать ему свою любовь к небу, к авиации. Помогает растить внука. Долгом своим считает воспитание юной смены — часто бывает в ленинградских школах, переписывается с ребятами из Новосибирска, рассказывает о наших боевых подругах, тех, кто не дожил до светлого Дня Победы.

Мы видимся на традиционных встречах в Москве, переписываемся. Люблю Галины письма — всегда очень искренние, по-юношески приподнятые и чистые. Читаешь торопливые строчки и словно видишь Галю, с годами не

утратившую молодой влюбленности в людей, с душой, широко распахнутой навстречу хорошему. Она верна нашей боевой юности.

Штурман и педагог

О том, что Саша Акимова после войны должна стать педагогом, что именно в этом ее призвание, ни у кого из нас не было сомнений. Мы об этом твердо знали еще на фронте. И дело не в том, что в полк Акимова пришла со студенческой скамьи из педагогического института. Дело в самом характере Саши, в ее способностях. Вот что написала об Александре Федоровне Акимовой наша «мамочка» — комиссар полка Евдокия Яковлевна Рачкевич, написала студентам Московского авиационного института имени Серго Орджоникидзе, где Александра Федоровна вот уже почти тридцать лет преподает историю партии.

«Хочу, чтобы вы, студенты, сидя на занятиях Александры Федоровны, представили себе, как иногда необходимы в боевых условиях точное слово, задушевная беседа, зовущий пример. Этим оружием тонко владела Саша.

В сорок третьем году мы находились на Кубани, в станице Ивановская. Трудно было. Сидели на аэродроме, кругом туман низкий стелется. Видимость плохая. Я беспокоюсь очень, обхожу аэродром, жду машины, ушедшие на задание. И вдруг в тумане натыкаюсь на тесную группу, расположившуюся прямо на траве.

— Беседуете?

— Так точно.

Подсела к ним, слушаю. Саша Акимова техникам и вооруженцам о „Войне и мире“ Толстого рассказывает. Нам эту книгу в собрании сочинений из Грозного прислали. Никто не шелохнется, слушают. Кругом, куда ни глянь — война. А они — про Толстого. И говорит Акимова о войне восемьсот двенадцатого года, о том, что не было и нет силы, способной сломить наш народ.

Чувствую, что большой, настоящий разговор получается, а главное нужный.

Так что коммунист Акимова учила не только штурманскому делу. Она учила жить, бороться, думая. Недаром же у нас в полку действовали кружки по философии, по политэкономии, истории партии…»

Коммунистом Саша Акимова стала в предвоенный год. В институте, на первом же курсе, была избрана членом партбюро исторического факультета. Она всегда была в самой гуще общественной жизни: в школе — секретарем комитета комсомола, членом бюро райкома комсомола, на фронте — членом полкового партийного бюро.

Студенткой Саша стала накануне войны. В воздухе пахло грозой. Растущую напряженность международной обстановки, конечно, чувствовала и молодежь. На одном из комсомольских собраний факультета было принято решение всем овладеть одной из специальностей, нужных в военное время. Акимова стала заниматься в школе медицинских сестер. «Практику, — вспоминала Саша на фронте, — нам пришлось проходить уже настоящую, в первом медицинском институте, куда поступали раненые с фронта…»

Мало кто из нас помнит Сашу Акимову такой, какой она пришла в октябре сорок первого года в школьное здание, где формировалась группа военных летчиц. Немногословная, скромная девушка из рабочей семьи, она явно смущалась в непривычной обстановке. Чувствовалось, что, как и большинство явившихся сюда с путевками комсомола, она не знает армейских порядков и теряется от собственного незнания.

Первые месяцы военной жизни стали для старшего лейтенанта Акимовой настоящей суровой военной школой. Эти месяцы изменили не только внешний облик Саши, но и многое в ее характере. Это была уже совсем не та смущенная девочка, с которой мы познакомились осенью сорок первого. Законом жизни для этой новой Саши стала воинская дисциплина. Ее подругам и сегодня помнится Сашина страстная бескомпромиссность, выдержка и твердость коммуниста, когда приходилось отстаивать принципиальные взгляды или надо было доказать неправоту товарища.

Партийная организация у нас сначала была невелика. «Многим нашим девушкам я давала рекомендации в партию, — говорит Александра Федоровна. Как-то мы с Машей Никитиной вспоминали, как лежали под самолетом и читали Устав партии и я ей рассказывала об обязанностях коммуниста. О правах не говорили, твердо убежденные в одном: во время войны у коммуниста одно право — первым идти в бой, первым погибнуть, если это необходимо для защиты Родины».

Свой воинский путь Александра Акимова начала вооруженцем. Штурманом она стала позже, изучив это непростое дело в сложных условиях фронта, тяжелой боевой работы. Летала Саша первое время в экипаже Ани Дудиной, затем ее перевели во 2-ю эскадрилью, штурманом звена Кати Пискаревой.

Впервые самостоятельно в воздух Александра Акимова поднялась в 1942 году. К концу войны на ее счету было 710 боевых вылетов.

710 боевых вылетов — и, как закон, в каждом отличное выполнение задания.

Бывали такие ночи, когда мы получали задание: бомбить «по максимуму». Это означало, что число вылетов не нормировано, их должно быть столько, сколько возможно. Всем нам помнится 21 декабря 1944 года. Горячая ночь боевой страды. Это было на Одере, недалеко от Штеттина.

В эту ночь штурман Акимова совершила восемнадцать боевых вылетов! В конце концов ее вместе с другими пришлось вынимать из кабины и буквально нести на руках. Идти она не могла, валилась с ног.

Опытным, сложившимся штурманом, хорошо познавшим тонкости этой профессии, Акимова пришла в 4-ю эскадрилью, которой довелось командовать мне.

У нашей эскадрильи, помимо обычной работы — боевых вылетов, были свои, особые задачи — здесь готовились новые кадры летчиков и штурманов, пополнение для полка. И это дело пришлось по душе Саше. В группе подготовки штурманов Акимова вела занятия по теории бомбометания, училась у самых опытных товарищей — Жени Рудневой, Кати Рябовой и других, в часы, свободные от полетов и занятий, штудировала учебники.

Да, правильно определила свое призвание Саша еще в юности, правильно выбрала свою дорогу в жизни. Нужно было видеть, с каким упорством и мастерством учила она молодежь, наших штурманят, как ласково называла их Женя Руднева, чтобы понять, что Саша — прирожденный педагог.

Штурман ночного бомбардировщика… Как много нужно знать и уметь ему. Точно ориентироваться в любой обстановке, знать карту — и не только местности, лежащей по маршруту, но и местность в радиусе 200 километров. А как трудно ориентироваться ночью да к тому же над целью, под зенитным огнем врага, под ударами его истребительной авиации. Саша умела все это. И умела добиться того, чтобы это искусство постигли другие, в том числе и многие летчицы. Мы стремились к тому, чтобы каждая овладела всеми летными специальностями и могла заменить при необходимости выбывшую из строя.

В конце лета 1944 года на 2-м Белорусском фронте шли только бои местного значения. А для нас, летчиков-ночников, это был период напряженной работы. Каждую ночь мы обрабатывали передовые позиции гитлеровцев, мешая им вести оборонительные работы, беспокоя их войска, нарушая их сон и отдых.

Условия наших действий к тому времени очень усложнились. Стабилизировав фронт, немцы создали сильную противовоздушную оборону. Вдоль всей линии боевого соприкосновения тянулась непрерывная цепь прожекторных установок и зенитных средств. Кроме того, враг стал применять

против нас истребительную авиацию. В одну из темных августовских ночей в боевом вылете погибли Таня Макарова и Вера Белик. Фашистский истребитель настиг их, когда девушки уже возвращались на свой аэродром…

Ночную атаку истребителя пришлось испытать и нам с Сашей Акимовой. Как раз в это время она была назначена ко мне штурманом вместо Кати Рябовой. Начитанная, энергичная, очень выдержанная в бою, Саша понравилась мне сразу. Жаль было расставаться с Катей — привыкла, привязалась я к ней, но и с новым штурманом сработались мы быстро.

В ту ночь мы бомбили позиции гитлеровцев в районе Остроленки. Как всегда, после первых же сброшенных бомб заработали прожекторы, заговорили зенитки, огонь которых был очень сильным. Наш самолет долго не выпускали лучи прожекторов, но все же нам удалось вырваться.

Стрелка высотомера показывала цифру «600». Я прибавила обороты. Сквозь редкие облака светила луна. Видимость была неплохой, и мне подумалось, что излишняя осторожность не помешает. Гибель Тани Макаровой и Веры Белик еще свежа была в памяти.

— Саша, посматривай почаще, что сзади!

— Есть, командир!

Минут пять мы летели спокойно, Далеко позади осталась уже линия фронта, кажется, полет закончится благополучно. Вдруг рядом с нами пронеслась огненная трасса, а чуть сбоку и выше мелькнул силуэт вражеского истребителя. Вижу, как он разворачивается, чтобы вновь ринуться в атаку.

Что предпринять? Высота и так невелика, снижаться дальше опасно. Но это единственный выход. Я резко изменила курс и отжала ручку. Когда до земли оставалось метров двести пятьдесят, гитлеровец снова настиг нас и длинной очередью пропорол плоскости и фюзеляж.

— Держись, командир! — предупредила Саша.

В последний момент я успела уклониться, и следующая очередь прошла мимо. Только когда до земли оставалось около ста метров, удалось выровнять машину. «Ну, теперь не так опасно», — вздохнули мы с облегчением. Темно-зеленая — окраска По-2 сливалась с общим фоном земли…

В Польше нам впервые довелось бомбить вслепую из облаков. Вот как это было.

В середине октября, продрогшие от сырости и холода, мы с Сашей Акимовой сидели в кабине и ждали сигнала к вылету. Уткнувшись носом в воротник теплого комбинезона и поджав ноги, я дремала. Изредка приоткрывала глаза, всматривалась в

ночную темень, отыскивая смутные контуры соседних самолетов, и вновь сладко проваливалась в забытье.

Сердитый ветер повизгивал, постанывал в расчалках и тросах, раскачивал плоскости, изредка на туго натянутую перкаль падали с глухим шумом капли.

Вдруг кто-то толкнул меня в плечо. Я вздрогнула и повернула голову.

— Что случилось?

— Ты что, заснула? Тебя вызывают к гвардии подполковнику Бершанской, услышала я голос Саши.

— И правда, заснула…

Вздрагивая от сырости, я вылезла на крыло и вместе с Сашей направилась на командный пункт.

В большой землянке тускло, вполнакала светила лампа. Кроме командования полка здесь были ветераны — Дина Никулина, Мария Смирнова, Серафима Амосова, Надежда Попова, Ольга Санфирова, Ирина Себрова…

* * *

Бершанская, кратко доложив обстановку, ознакомила нас с задачей. Помолчав немного, добавила:

— Метеоусловия чрезвычайно сложные. Низкая облачность. Спускаться ниже ее и бомбить с такой высоты рискованно — осколки могут повредить свои же самолеты. А если лететь выше — цели не увидеть. Что будем делать, товарищи офицеры?

Наступила долгая пауза. Все задумались. В самом деле, где выход? Наши машины для слепых полетов — тем более для слепого бомбометания — не приспособлены. Правда, в тумане мы иной раз действовали, но в тумане, даже при самой отвратительной видимости все же какие-то ориентиры просматривались, давая возможность вывести машину на цель. А как это сделать сейчас?

Все молчали, переглядываясь.

— Ну что, дорогие наши ветераны? Или иссяк порох в пороховницах? Или сабли наши затупились? — пошутила Рачкевич. — Неужели не найдем возможности выполнить приказ?

Г ответ послышался сдержанный ропот недовольства.

— Ищите выход. Вы же командиры, опытные, воюете не первый год. Знаете свои возможности и возможности машины. Ну, какие предложения? Какой выход?

— Выход на виду, искать нечего, — вдруг смущенно заговорила Акимова, Надо работать из-под нижней кромки

облаков.

— Чтобы погубить самолеты и людей? — резко ответила Бершанская.

— Почему непременно погубить? — разом зашумели все. — Разве мы не бомбили с малых высот? А Тамань? А Крым?

— Там было другое дело, — заметила Ирина Ракобольская, начальник штаба полка.

— Да почему же другое? Бомбы другие? Или люди?

— И люди, и машины, и бомбы те же самые… А вот случаи эти по пальцам пересчитать можно. Да и высота, насколько я помню, там была все же побольше. Взрывная волна до машин достигала, а для осколков угол подъема был велик. А в настоящих условиях воздействия осколков не избежать.

Разгорелся спор, В конце концов решили действовать так: к цели подходить под нижней кромкой облаков, затем подниматься в облака и бомбить уже оттуда, ориентируясь по времени.

И вот мы в воздухе. Немного не по себе. Саша по голосу определила мое состояние, как только я обратилась к ней по переговорному аппарату.

— Не волнуйся, Марина, — успокоила она меня. — Контрольный ориентир надежный, не пропустим. Цель-то не новая, путь до нее штурманами выверен до секунды. В расчетах ошибиться не можем. Ну, а если сомнения какие, вынырнем из облаков, оглядимся еще раз.

— Хорошо, — согласилась я.

— Ты только скорость выдерживай. Ну, а я постараюсь бомбы сбросить точно по назначению!

Минут через пятнадцать под нами тускло заблестела река — Нарев. Это и был наш контрольный ориентир — цель совсем рядом, за рекой противник. Я ввела самолет в облака и стала набирать высоту. Точно из глубокого погреба, в лицо пахнуло холодом и сыростью.

— Как дела, Саша?

— Приготовься, до цели меньше минуты.

Мерно, чуть глуше обычного рокотал мотор. Навстречу ползла липкая, промозглая мгла, оседая на лице холодными каплями. Капли медленно скатывались по щекам, попадали за воротник и разбегались по телу ледяными мурашками. Я недовольно ворчала.

— Ты что? — удивленно спросила Саша.

— Да так, капли за воротник попадают. Ну, сколько до цели?

— Подходим. Сейчас сброшу первые бомбы.

Через несколько секунд машину слегка качнуло. Я перегнулась через борт, чутко вслушиваясь. Пробив толщу

облаков, к нам донеслись приглушенные звуки разрывов.

— Смотри. Если прожекторы зажгутся, значит, попали, тогда можно сбросить и остальные бомбы, — передала Саша.

— А если не зажгутся? — спросила я.

— Тогда придется выйти под нижнюю кролику и повторить маневр.

Но повторять не пришлось. Внизу под нами забегали отсветы прожекторных лучей, затараторили зенитки. Хорошо! Значит, наши бомбы попали в цель. Самолет вновь качнуло — Саша сбросила оставшиеся бомбы.

Первая бомбежка вслепую из облаков удалась, и с тех пор мы стали применять ее довольно часто…

Вторая половина февраля победного сорок пятого года застала нас в небольшом городке Слупе. Весна еще только шествовала с далеких берегов Атлантики. Но дыхание ее уже чувствовалось.

Внезапно наступила оттепель. Аэродром раскис до такой степени, что шасси самолетов увязали в грунте, у моторов не хватало сил оторвать машину от земли. Приходилось вытаскивать машины на руках. Вытянешь — а через минуту самолет снова засел в жидкой грязи.

Нужно было что-то придумать. По предложению подполковника Бершанской и инженер-капитана Озерковой решили построить деревянный настил для взлетно-посадочной площадки. И полк снова начал действовать.

С оттепелью пришла непогода. То сутками моросил надоедливый мелкий дождь, то сыпал мокрый снег. Летать приходилось на высоте 400–500 метров. В этих условиях ничего не стоило сбить наши тихоходные По-2 просто из крупнокалиберных пулеметов. И нередко самолеты возвращались из полетов с изрешеченными плоскостями. Техники латали их на скорую руку. Скоро крылья многих машин стали походить на лоскутные одеяла.

Помню, мы с Сашей возвратились из опасного полете. А могли и не вернуться — крылья машины сплошь были иссечены пулями, а мы только дивились, как это ни одна не угодила в мотор, или в летчицу, или в штурмана. Можно представить состояние после такой переделки! Но у Саши хватило выдержки, чтобы еще пошутить, после того как она осмотрела внимательнейшим образом нашу «ласточку» и пощупала каждую дырку в ее крыльях. Мы обе пришли к выводу, что выскочили из переделки весьма удачно, раз не придется перетягивать плоскости. Этого в полку боялись больше всего: ведь при этой операции летчик и штурман оставались безлошадными и какое-то

время сидели без дела.

Вскоре мы с Сашей чуть было не попали в такое неприятное положение. Мы бомбили тогда вражеские позиции в районе Нойенбурга. Мощная облачность не позволяла подняться выше 400 метров. Дул сильный ветер. Крупный липкий снег залеплял козырек кабины.

— Земля почти не просматривается. Ну и погодка! — ворчала всю дорогу Саша. — Как ориентироваться прикажешь?

— Ничего, Саша, не волнуйся, — пошутила я, — фашисты выручат, подскажут. Как начнут палить пулеметы — вот тебе и ориентиры.

И в самом деле — на подходе к цели враг встретил нас сильнейшим огнем крупнокалиберных пулеметов.

— Хороши ориентиры, — со злостью бросила Саша. — Я бы лучше сама цель поискала, чем такими подсказками пользоваться…

Обстрел был мощным. За шумом моторов я, конечно, не могла слышать, как с сухим треском пулеметные очереди пропарывали перкаль плоскостей, но обостренное за годы войны чутье позволяло безошибочно определять эти моменты. Несколько пуль чиркнуло по козырьку кабины штурмана, и на нем появилась трещина. В переговорном аппарате послышался голос Саши.

— Тьфу, черт, — обругала она кого-то.

— Что-то случилось?

— Высотомер разбили, паразиты!

Чтобы уйти от огня, пришлось ввести самолет в облака, а через минуту мы вывалились из них — и в самое время. На фоне потемневшего снега, прямо под нами, извилистой лентой тянулись окопы.

Саша отбомбилась и дала курс а сторону родного аэродрома. Добрались мы благополучно. Но когда Маша Щелканова, старший техник эскадрильи, оглядела нашу машину, то лишь руками развела:

— Ну и отделали вас… На плоскостях и так уж заплата на заплате, а теперь и вовсе живого места нет.

— Неужели перетягивать? — испугалась Саша.

— Посмотрим… Может, обойдется и на этот раз.

И обошлось.

К концу февраля войска 2-го Белорусского фронта были уже недалеко от берегов Балтийского моря. В эти дни в полк пришла радостная весть. Девяти нашим лучшим летчицам и штурманам присвоили звание Героя Советского Союза, орденами и медалями была отмечена большая группа девушек. Сашу Акимову и меня

наградили орденом Красного Знамени…

Хочу вспомнить еще один наш с Сашей полет. Она его помнит очень хорошо.

* * *

12 марта 1945 года нам было поручено подыскать площадку для перебазирования полка. До наступления темноты оставалось около двух часов, поэтому мы не стали медлить, хотя погода оставляла желать лучшего. В районе Торуня, когда большая часть пути оставалась уже позади, мы попали под обстрел зенитной артиллерии. Но продолжали держать курс в сторону Данцига. И снова попали под огонь.

В это время снегопад усилился, а мотор начал вдруг давать перебои. Кругом леса, болота, нужно садиться, а куда?

К счастью, внизу мелькнули контуры небольших строений. Дальше опять стеной стоял лес. Выхода не было, решили садиться недалеко от строений.

Через несколько минут после посадки к самолету подбежали дети. А мы с Сашей сидим в кабинах и судорожно соображаем: среди своих мы или среди чужих? За детьми торопливо подбежал мужчина.

— Свой! Свой! Не бойтесь, — еще издали прокричал он.

На рукаве мужчины мы увидели красно-белую повязку — такие носили тогда польские патриоты.

Темнело. Мы обе основательно продрогли. У машины была выставлена охрана во главе с нашим спасителем — Стефаном Жондой. Сами мы тоже по очереди дежурили у самолета. А в доме Стефана нас ждали и теплое слово, и пища. Его мать позаботилась о нас, как о родных детях. Нам и в голову не приходило в тот момент, что немцы находились всего в нескольких километрах от этого села.

Рано утром Саша, я, Стефан и деревенские ребятишки принялись выстилать дорогу снопами соломы. Когда все было готово и мы с Сашей забрались в кабину, тепло распрощавшись с нашими помощниками, я достала листок бумаги и написала нашему новому другу благодарственное письмо.

— Переживем войну, в гости приедем и самых лучших русских папирос тебе привезем, — пообещали мы Стефану на прощанье…

Прошли годы, и мы встретились со Стефаном. Как это случилось отдельный рассказ. Стефан живет все в том же селе, где в далеком сорок пятом помог нам с Сашей Акимовой. Мы

долго бродили с ним по памятным местам, вспоминали прошлое. От себя и от Александры Федоровны Акимовой я привезла польскому другу обещанные русские папиросы и подарки его шестерым ребятишкам…

Боевая работа продолжалась. Смертельно уставшие от бессонных ночей, теряя в бою подруг, мы, несмотря ни на что, днем и ночью бомбили врага. Мы знали, всем сердцем чувствовали — Победа близка.

И она пришла, долгожданная и заслуженная невиданным трудом и кровью всего советского народа. Мы были счастливы, что в этом огромном ратном труде есть и наша доля. Начав войну юными и неопытными девчонками, мы вышли из нее возмужавшими, зрелыми людьми. Саша Акимова вернулась в педагогический институт, защитила кандидатскую диссертацию.

Встреча с юностью

С чего начать рассказ о Гале Комковой? Может быть, с того тихого лунного, неожиданно спокойного вечера, когда мы, в комбинезонах, сапогах, сидели на поляне и вели задумчивый, совсем мирный, далекий от суровых наших будней, разговор? Или с самого счастливого для нас дня — Дня Победы, когда мы, однополчане, шли по угрюмой, побежденной мужеством и героизмом советских воинов Унтер ден Линден и видели наше Красное знамя над поверженным рейхстагом? Можно и с этого. Но я начну с другого, со встречи, происшедшей много лет после войны, встречи с юношами и девушками, студентами Московского авиационного института. Это была искренняя, удивительно сердечная встреча ветеранов с молодежью. Говорили о войне, нашей боевой юности, вспоминали тех, кто не вернулся, не дождался победы. А потом Галина Марковна Комкова-Коржикова стала читать стихи. Душевно, раздумчиво начинала она:

Качается рожь несжатая,
Шагают бойцы по ней,
Шагаем и мы, девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты,
То юность моя в огне.
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

Я смотрела на юношей и девушек, слушавших Галю, и вспоминала, как мы, когда-то такие же юные, но уже хлебнувшие военного лиха, тоже слушали Галю. Много знала она стихов, прекрасно читала, мы могли ее слушать часами, но раздавалась команда: «По самолетам!», и экипажи уходили в ночное небо.

В нашем комсомольском женском авиационном полку, пожалуй, одна лишь Галя не мечтала раньше о небе.

Она хотела стать журналисткой и училась этому делу сначала в институте, потом в университете. И когда был сдан последний экзамен за третий курс, Галя вместе с друзьями поехала на работу в Рязанскую область и работала там все лето.

В сентябре она вернулась в Москву, Ходила по улицам любимого города, с болью в сердце смотрела на затемненные

окна домов, аэростаты в вечернем военном небе. Однажды, уже в октябре, Галя зашла в военкомат. Сказав, что она инструктор ПХВО и ГСО, окончила осоавиахимовскую школу пулеметчиков, попросила направить ее на фронт. Ей отказали: призовут, когда будет нужно.

А война между тем приближалась к Москве. Все чаще полыхали в небе столицы разрывы зенитных снарядов, все чаще объявлялась воздушная тревога. В один из октябрьских дней, придя на лекцию, Галя узнала, что ЦК ВЛКСМ формирует для отправки на фронт комсомольские отряды девушек, имеющих военные специальности. И Галя пошла в ЦК комсомола, тем более что она уже была кандидатом в члены партии. Так Галя оказалась в женской авиачасти, которую формировала Марина Раскова. Выполняя патриотический долг, Галина Комкова, студентка исторического факультета МГУ, надела солдатскую шинель.

Часть формировалась в небольшом городке на берегу Волги. Для учебы девушек распределили на группы. Галя попала в штурманскую, самую многочисленную группу. Будущие штурманы изучали уставы, наставления, тактику, штурманское дело… Учились серьезно, вдумчиво, напряженно… Этого требовало суровое военное время. И вдруг Галины планы рухнули. Она не прошла медкомиссию.

«Что же делать? Что делать?» — потерянно твердила она, выйдя из кабинета. Потом пошла в общежитие, села на койку. Хотелось побыть одной, подумать, разобраться во внезапно сложившейся обстановке. В этот момент и подошла к ней преподаватель Галина Волкова. Инженер-майор Волкова преподавала бомбардировочное и авиационное вооружение, и Комкова, занимаясь в штурманской группе, не раз была на ее лекциях. Не раз они разговаривали, вели беседы на отвлеченные от занятий темы. Волкову интересовала бывшая студентка четвертого курса, человек с почти университетским образованием. И теперь, когда Комкова оказалась в беде, Волкова пришла ей на помощь.

— Быстренько к телефону, — сказала она, — звонит майор Раскова.

За несколько секунд Галина оказалась в коридоре, взяла телефонную трубку и, боясь, что не хватит дыхания, доложила:

— Рядовой Комкова слушает вас, товарищ майор.

Послышался мягкий участливый голос:

— Товарищ Комкова, как ваше настроение?

Ни в одном воинском уставе не сказано, как отвечать на подобный вопрос, и Галина ответила так, как подсказало сердце:

— До прохождения медицинской комиссии, товарищ майор,

настроение было очень хорошее. Сейчас много хуже. Прошу принять меня по личному вопросу.

Рядом стояла инженер-майор Волкова. Улыбаясь, она одобрительно кивала.

— Хорошо, — сказала Раскова, — приходите в шестнадцать ноль-ноль.

«У меня не хватило слов благодарности Волковой, — вспоминает Галина Марковна, — это она доложила о моем состоянии Марине Михайловне».

Галя с трудом дождалась назначенного часа. Ровно в шестнадцать она вошла в просторную комнату с высоким потолком. За письменным столом, прямо против двери, сидела Марина Михайловна. Под строгим размахом бровей внимательный, полный участия взгляд. Волнуясь, Галя сбивчиво рассказала о себе и попросила Раскову зачислить ее в группу оружейников.

— Хорошо, — просто сказала Раскова и ободряюще улыбнулась, — ваше решение правильное. Любое дело, если цель его защита Отечества, благородное дело.

В одном из послевоенных писем Галя писала мне, что ей не довелось больше «…разговаривать с Мариной Михайловной Расковой. Но эту лучистую улыбку, как редчайшую драгоценность, как большую награду, как доброе напутствие изумительного человека, я пронесла с собой по всем дорогам войны».

И снова учеба, теперь уже в группе оружейников. Девушки изучали стрелковое и бомбардировочное вооружение, мотор и самолет, наставления и уставы. После сдачи экзаменов Комкову назначили в наш женский авиаполк легких ночных бомбардировщикев. У нас и началась отработка практических навыков. Необходимо было научиться не только снаряжать бомбы и подвешивать их под плоскости самолета, но и определять неисправности системы, устранять их. Работали на открытых стоянках, а зима 1941/42 года в Поволжье была вьюжной, морозной, с жестокими ветрами. Не спасали даже тяжелые ватные куртки и брюки. Случалось, что свирепый буран поднимал снежные смерчи и оружейники работали вслепую, как и полагалось ночникам. В снежной буре порой не слышно было не только человеческого голоса, но и шума работающих моторов. Окончив работу, девушки в кромешной тьме уходили с аэродрома цепочкой, взявшись за руки.

В День Советской Армии, 23 февраля 1942 года, Галина Комкова вместе со своими боевыми подругами приняла военную присягу, дала клятву на верность Родине, партии, комсомолу,

народу. Скажу заранее, она сдержала клятву, на всю жизнь осталась человеком с большой буквы.

А время шло. Чувствовалось приближение весны. А весна — это дожди, туманы, низкая облачность. Нелегко было нам, летчикам, штурманам, летать в таких условиях, но мы готовились к фронту, и работа проходила в особенно напряженном темпе. В этот период и случилось с Галей несчастье.

В тот день, закончив свои дела, Комкова решила помочь оружейнице Нине Горелкиной. Работая под крылом самолета, Галя не видела летчицу и штурмана в кабине самолета, а они не видели ее, не предупредили о запуске мотора. Мотор заработал и винтом раздробило Гале предплечье. Она пришла в себя, когда бережные девичьи руки поднимали ее в кузов машины. В течение полутора месяцев она была прикована к постели.

Как своеобразно устроен человек! Еще не так давно огорчительный вывод медицинской комиссии Галя восприняла со слезами, а теперь совсем сухие глаза и «очень исправные нервы» — так сказал невропатолог. Все было подчинено одной цели: надо успеть поправиться до вылета полка на фронт.

Она успела. Но, увы, рука была пока ограниченно подвижной и нечего было думать о работе мастера по вооружению. Что же делать? И опять, в который раз, принялась Галина за учебу — села за штабную документацию. Она даже не предполагала, что на фронте, в боевых условиях, так необходима строгая отчетность о боевых действиях. Что основа отчетности — точность, четкость, логичность и глубокий анализ. Иной раз хотелось подробно воспроизвести события напряженных боевых ночей, передать словами радость победы или горечь утраты, но Галя пересиливала себя и писала скупые, лаконичные сводки, «начиненные» цифровыми данными.

Галя работала вместе со своей бывшей сокурсницей Анной Елениной, под ее руководством. Вместе они писали доклады, отчеты, вместе стали писать и в армейскую газету «Крылья Советов». Помню, какой отклик вызвал очерк Комковой «Дружба», в котором она говорила о работе наших лучших техников звеньев Маши Щелкановой и Веры Дмитриенко, опубликованный в 1942 году, когда полк воевал на Кавказе: «Дух времени накладывает свой отпечаток, по-своему формирует самые сильные чувства человека. Дружба людей на фронте строже, величественней и проще…» Так писала Галя. Как точно передала она самое сокровенное, что давало нам силы, помогало выстоять, победить.

А за два года до окончания войны в жизни Галины произошли события, во многом определившие ее дальнейшую жизнь: она стала коммунистом. Это во-первых. Во-вторых, Галю

рекомендовали на работу в политический отдел нашей воздушной армии.

Грустно было прощаться с теми, с кем прошла фронтовыми дорогами. Но мы не прощались, мы говорили «до свидания», мы верили: дружба, испытанная огнем, — на годы, на жизнь.

И вновь потекли полные напряженной работы дни. Два года Комкова ездила из одной авиационной части в другую, из одного соединения в другое, выступала на сельских и городских митингах, перед армейской молодежью. Словом, была пропагандистом, политработником.

Как хорошо рассказывала Галя о боевом пути нашего 46-го гвардейского Таманского полка. Просто, без красивых слов беседовала Комкова с солдатами, приводила примеры отваги и мужества девушек, беззаветной преданности Родине, воинскому долгу. И в простоте этой была великая сила, ибо каждый представлял себе ночь, фанерные самолеты, управляемые девичьими руками, и тонны смертоносного груза, сброшенного этими руками на вражеские объекты.

Галина обладала и даром организатора. Летом 1943 года политотдел 4-й воздушной армии, где служила Комкова, проводил специальное совещание девушек, воюющих в авиационных частях воздушной армии. Провести такое совещание не просто, и именно она, наша Галя, инструктор политотдела, сделала многое, чтобы встреча делегаток прошла сердечно и тепло.

И еще один случай. Гале было поручено встретиться с работниками ЦК ВЛКСМ и рассказать им о боевой жизни нашего женского полка, о комсомольской работе среди авиаторов. До Москвы она добралась без особых затруднений, а вот с возвращением на фронт оказалось сложнее: Галине передали для нас подарки — книги, музыкальные инструменты, плакаты, грампластинки — груз, который едва уместился в трехтонке. Но средств доставить все это драгоценное имущество на фронт у Гали просто не было. Однако она и тут вышла из положения.

Она узнала, что в Москву прилетел командующий воздушной армией генерал К. А. Вершинин и что вылететь он должен в тот же день. В распоряжении Комковой было несколько часов, и она не теряла их даром. Трехтонка вскоре остановилась у ворот Центрального аэродрома. Галя добилась пропуска, провела автомашину к стоянке, где находился самолет командующего, разгрузила ее с помощью экипажа. Через 30–40 минут приехал Вершинин, и самолет с подарками для девушек-авиаторов взмыл в небо.

Новым участком фронта оказалась разоренная и обожженная

земля Белоруссии. Затем вместе с наземными войсками 8-я воздушная армия вышла на пограничный рубеж Польша — Германия. И всюду митинги, встречи. С польскими подпольщиками, с немецкими коммунистами, с молодежью, желающей строить новую жизнь. В организации митингов, встреч, установлении дружественных отношений немалую роль сыграла наша Галина.

Жизнь перевернула фронтовую страницу, и гвардии лейтенант Галина Комкова стала офицером запаса, сменила военную одежду на гражданскую, опять приступила к учебе, работе. Закончила Воронежский государственный университет, защитила диссертацию, преподавала в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, Много лет работала в институте Академии наук СССР, в Московском авиационном институте.

Годы идут, У Галины Марковны выросла дочь. Седина давно посеребрила голову моей боевой подруги. Но она, как и прежде, в строю: вместе с мужем полковником запаса Михаилом Сергеевичем Коржиковым ведет большую пропагандистскую и военно-патриотическую работу. И часто, выступая перед молодежью, она как бы вновь встречается со своей юностью и неизменно заканчивает свой рассказ полюбившимися стихами Юлии Друниной:

Я пальто из шинели
Давно износила,
Подарила я дочке
С пилотки звезду,
Но коль сердце мое
Тебе нужно, Россия,
Ты возьми его,
Как в сорок первом году.

Хозяйка неба

Сбывает ведь так в жизни, когда случайная встреча переходит в испытанную дружбу. Такую, что помогает жить, дает силы и, словно родник, постоянно вливает в тебя бодрость, дарит улыбку, хорошее настроение и, что самое главное — желание быть полезной людям.

Мне повезло в жизни, не обидела она меня верными друзьями. Это они крепкие, честные, сильные всегда рядом со мной. Вот и Аня Бодрягина…

…Стоял жаркий июльский день 1948 года. Еду на электричке на подмосковный аэродром, куда получила направление. Вот уже и место моей новой работы.

Идет подготовка к воздушному параду. В синем безоблачном небе самолеты выписывают сложные узоры. Полеты заканчиваются. Самолеты зарулили на стоянку. Из кабин одна за другой ловко соскакивают на землю девушки. Это Зоя Постникова, Мария Дриго, Анна Шмелькова, Вера Дубровина, Аня Бодрягина.

— Ну что ж, нашего полку прибыло. Будем теперь летать вместе, — слышу я теплые приветствия.

Рядом со мной стоит, улыбаясь, изящная красивая летчица. Это Анна Бодрягина.

Помню тот воздушный парад в Тушине. Это было потрясающее зрелище солнце будто по заказу, алые стяги, голубые вымпелы. Торжественная, уносящаяся ввысь серебряная мелодия фанфар, артиллерийские залпы, возвещающие о начале праздника.

Не отрываю взгляда от неба. Появилась пилотажная пятерка. Летчицы с большим мастерством выполняют различные фигуры. Вслед за Маргаритой Раценской, командиром пилотажной группы, они выписывают одну за другой петли Нестерова, выполняют боевой разворот, переворот, вираж, бочки на вираже. Затем снова делают вираж и переходят в спираль. На небольшой высоте в кильватерной колонне покидают аэродром. Я знала, что ведущей шла Аня Бодрягина. Кто-то рядом говорит:

— Надо же так слетаться — будто ниткой связаны, настоящие хозяйки неба!

А вечером в нашем лагерном палаточном городке мы долго не могли уснуть и говорили, говорили.

— Знаете, девочки, — волнуясь, сказала я, — за сегодняшний полет поставила бы вам два раза по пятерке. Здорово, аж дух захватывает!

Аня Бодрягина задумчиво сидела в сторонке и молчала, думала о чем-то своем.

Как-то осенью, после полетов, возвращались с ней домой. Шли пешком, под ноги, шурша, падали ярко-красные, желтые листья.

— Знаешь, я всегда мечтала летать. И вот летаю, — задумчиво говорила Аня. — Работала на авторемонтном заводе Метростроя. Без отрыва от производства стала в 1938 году летать в аэроклубе. Теперь учусь и учу. Учусь по-прежнему у старших, опытных товарищей, учу новичков, молодежь.

С отличными оценками Анна Бодрягина закончила программу аэроклубе. Как одну из лучших летчиц ее оставили летчиком-инструктором.

…Линия фронта приближалась к Москве. Аэроклуб Метростроя в это время находился в Малых Вяземах. Летчики-инструкторы выполняли специальные задания, летали в тыл, перевозили партизан. Потом у Анны началась другая работа. Была организована школа военно-морских летчиков. Здесь в течение всей войны Бодрягина готовила кадры для фронта. Она стала лейтенантом, обучила свыше 70 летчиков. Мужественно и храбро сражались ее ученики на фронтах Великой Отечественной войны. За подготовку летчиков для фронта лейтенант Бодрягина была награждена орденом Красной Звезды — достойная награда отличному инструктору.

Полеты продолжались. Все больше привязывалась я к Ане, все лучше узнавала ее — сильную и нежную, отзывчивую и строгую.

Через год мне поручили возглавить на параде женскую пилотажную группу на Як-18. Анну назначили заместителем. Нет, нисколько не обиделась моя подруга. Мы стали еще ближе, еще роднее.

Воздушный парад 1949 года прошел успешно. Все мы получили высокие правительственные награды. Я была рада за девушек, счастлива за Аннушку, которой вручили орден «Знак Почета».

После парада наш командир и тренер Яков Данилович Форостенко стал готовить нас с Бодрягиной к установлению спортивных рекордов на Як-18.

Первым в сентябре того же года решил лететь сам Форостенко. Пройдя 1000 километров по замкнутому кругу (Москва — Смоленск — Орел — Москва), Яков Данилович побил не только всесоюзный, но и мировой рекорд. Средняя скорость полета превысила 223 километра в час.

Мне предстояло установить рекорд скорости на замкнутом 500-километровом треугольнике: Москва — Вязьма — Серпухов

— Москва. Среди тех, кто встречал меня на Тушинском аэродроме, прежде всего увидела своего тренера Якова Форостенко и Аню Бодрягину. Поглядела на них и поняла, что все прошло хорошо, и уж со спокойной душой стала подробно докладывать о полете. Аня стояла рядом, счастливо улыбаясь.

Спортивная комиссия, обработав данные барографов, подсчитала, что средняя скорость полета равна 244 километрам в час. Впервые появился рекорд по новому типу спортивных самолетов. Это была наша общая победа, победа Центрального аэроклуба имени В. П. Чкалова.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне хорошо известны замечательные достижения по всем видам авиационного спорта. Их, конечно, трудно сопоставить с теми результатами, которых мы добились в осенние дни сорок девятого года. Но то были первые послевоенные рекорды. И мы гордимся, что некоторые наши тогдашние достижения и сейчас еще значатся в таблице рекордов.

Через несколько дней после моего полета мы провожали на рекорд Анну Бодрягину. Закрыт фонарь, и самолет после короткой пробежки поднимается в воздух. Над аэродромом он делает круг и ложится на заданный курс. Аня легко качнула плоскостями машины — самолет пересек контрольную черту. В тот же момент секундомер хронометриста начал отсчет времени.

Первая контрольная точка, где пролет Бодрягиной засекут спортивные комиссары, — в Истре. В небо взлетают белые ракеты — сигнал о том, что пролет зафиксирован. Летчица два раза покачивает самолет, отвечая, что видела ракеты.

* * *

Дальнейший путь лежит на Голицыно, он проходит на высоте 200–300 метров. На малой высоте мотор развивает максимальную мощность. Спортивный комиссар засекает время появления самолета и сигнализирует летчице ракетами.

Яков Данилович Форостенко, мы все, находящиеся рядом, на командном пункте, внимательно следим за полетом. Бодрягина докладывает по радио. Все идет нормально. Яков Данилович пристально смотрит на меня и спрашивает:

— Как, Чечнева, будет рекорд? — И улыбается.

— Непременно будет, товарищ командир, — отвечаю я. — Ведь летит-то наша Аннушка.

Через 23 минуты 31 секунду после старта с южной стороны Тушинского аэродрома появляется силуэт знакомой машины. За

эти короткие минуты Аня, пилотирующая Як-18, смогла показать все, на что она способна. Ей удалось на 100-километровой рекордной трассе развить скорость около 263 километров в час. Есть новый всесоюзный и международный рекорд!

Когда пишешь о человеке, которого долго и хорошо знаешь, хочется рассказать о нем абсолютно все. Но размеры очерка, естественно, не позволяют сделать этого, и я остановлюсь еще на самом памятном.

В сентябре 1949 года проходили первые Всесоюзные соревнования летчиков ДОСААФ. Единственная девушка-участница — Бодрягина. Она опередила всех мужчин, показала лучшие результаты по всем видам упражнений. Коммунистка Анна Бодрягина стала чемпионом страны по технике пилотирования на спортивных самолетах.

Так было и в следующем году, когда Анна вновь обошла 59 спортсменов (опять-таки оказалась единственной женщиной, заявленной для участия в соревнованиях) и завоевала звание абсолютной чемпионки СССР по технике пилотирования.

Потом было много полетов, мы учились высшему пилотажу в летном центре ДОСААФ на истребителях Як-11, Як-3, Як-9. Учились вместе, помогая друг другу, поддерживая в трудную минуту.

Меня перевели на работу в другой аэроклуб, но наша дружба осталась такой же тесной. Мы снова вместе были в лагерях, готовились к очередному воздушному параду. В легкой блузке, спортивных брюках, Аня была похожа на подростка. Ее снимки часто появлялись в газетах и журналах, о ней писали очерки, а она, имея высокие спортивные звания, оставалась все такой же скромной и сосредоточенной.

Мы тренируемся. Наша женская пилотажная группа будет выступать на параде в составе девятки Як-18. На зеленой площадке, на окраине леса, за короткий срок вырос палаточный городок. Мне снова доверено быть командиром группы.

Первые дни мы, что называется, обживали лагерь. Таскали доски, расставляли кровати в палатках, создавали уют. Затем началась напряженная пора полетов. Отрабатывали индивидуальный пилотаж, потом приступили к пилотажу в составе пары. Летала Аня Бодрягина с каждой спортсменкой. Ей приходилось подниматься в воздух по 8-10 раз. Аня словно не знала усталости. Когда другие отдыхали, она вновь садилась в кабину самолета.

Наконец все готово. Девушки отлично освоили высший пилотаж в составе девятки. Заместитель командира группы Анна Бодрягина в свободные часы, по вечерам, когда над аэродромом

стояла тишина и вспыхивали звезды, сидя у небольшого костра, вместе со всеми пела песни. Мы были одной семьей дружной, веселой, спаянной одним делом, которому посвятили свою жизнь.

Не забыть никогда моего последнего, восьмого по счету воздушного парада. Мы вырулили машины на линию предварительного старта и выстроились в правый пеленг для взлета. Перед вылетом, как и всегда, состоялся митинг. Заслуженный мастер спорта Анна Бодрягина заверила командование и всех участников парада, что задание будет выполнено с честью.

Группа на высоте 1000 метров в сомкнутом правом пеленге подошла к Тушинскому аэродрому. Самолет Ани рядом со мной. Все девушки строго держат свое место в строю. Над центром аэродрома вслед за мной летчицы одна за другой последовательно выполняют переворот через крыло, а затем по две петли по спиральной траектории. Далее следуют полупетля Нестерова и два замкнутых виража. Все одновременно делаем бочку, переходим в вираж, в спираль, приближаясь к земле. Снизившись до 50 метров, покидаем аэродром. Группа получила отличную оценку, а позднее мы были награждены орденами и медалями.

С радостью узнала о том, что ко многим государственным и спортивным наградам Ане Бодрягиной за выдающееся летное мастерство и неоднократные личные успехи прибавилась еще одна: Международной авиационной федерацией (ФАИ) присуждена медаль Луи Блерио.

В 1958 году Анна Бодрягина возглавила женскую пилотажную группу. Вот как рассказывает об этом в своей книге заслуженный мастер спорта летчик-испытатель Марина Попович:

> «Я была счастлива оказаться в звене Анны Ивановны, о мастерстве которой ходили легенды. А ко всему она еще и красива, и обаятельна.
>
> Мне всегда казалось, что она все знает, все умеет, ей все ясно и что она ни в чем не сомневается. Может быть, мне все это только казалось, но именно такое впечатление производила она на окружающих. А это уже чудесно!
>
> …В день парада стояла жара. Вылет группы был назначен на 11.00. В группу вошли Анна Бодрягина (ведущая), Лида Лебедь (ее заместитель), Алла Шихина, я, Ида Знаменская, Тоня Блике за, Рита Кирсанова, Леся Лебедева и Мира Хазанова. В запасе были Люда Попова и Галя Корчуганова.

Мы на взлетной полосе, взлетать будем по трое. Я ведущая второй тройки. Самолеты уходили в небо, поднимая за собой пыль. Идем в свободном строю. Покачиваются самолеты, словно лодки на волнах. „Строй дышит“, — говорила в таких случаях Бодрягина.

По всему маршруту оранжевые дымы показывали точный путь вывода на точку. А вот место боевого разворота. В наушниках шлемофона раздается команда:

— „Чайки“, боевой курс! Спокойнее!

Зорко наблюдает каждый за своим ведущим. Самолеты словно привязаны друг к другу. После команды „Пошли“ пикируем, а на пикировании перестраиваемся в кильватер: самолеты, словно по цепочке, выстроились в одну колонну. Каждый строго соблюдает свое место в кильватерном строю. Поднимешься выше ведущего — потеряешь скорость. Если окажешься ниже — то можешь попасть в струю от впереди летящего самолета и тогда будет трудно сохранить свое место в строю. В эфире только и слышно: „не вылезай“, „уменьшить дистанцию“, „увеличить дистанцию“, „нормально, так держать“, „уход“, „отлично“.

…Прием в Кремле. Музыка, аплодисменты, тосты, поздравления, рукопожатия и благодарность членов правительства — все это дополняет прекрасное настроение, вызванное радостью полета, отлично прошедшего воздушного парада. Подготовка к параду и сам парад улучшили технику пилотирования, повысили наше мастерство. И всем этим в значительной степени мы были обязаны Анне Ивановне Бодрягиной».

Так заканчивает свои воспоминания об этом параде Марина Лаврентьевна Попович.

…Много прекрасных летчиков воспитала Анна Бодрягина. Среди них Герои Советского Союза, получившие это звание уже в мирное время, генералы, заслуженные мастера спорта, летчики-испытатели, рекордсмены мира. Многие из ее воспитанников и сейчас умножают славу нашей Родины, родной авиации.